

Элизабет Мид-Смит

Дедушка и внучка

Элизабет Мид-Смит

Дедушка и внучка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6611338

Аннотация

«Дороти Сезиджер сидела на зеленой свежей лужайке, залитой ярким солнцем, среди травы, из которой выглядывало множество чудесных белых маргариток. Ее тетка Доротея смотрела на девочку из окна своего будуара, помещавшегося в нижнем этаже старинного дома, где жили многие поколения рода Сезиджер.

Дороти шел седьмой год. Она была одета в белое платье, мягкое и широкое, волнами рассыпавшееся вокруг нее. На довольно худеньком личике светились очень серьезные черные глаза; на голове вились густые темные волосы. Девочка скинула шляпу, которая теперь лежала на траве, и усердно плела гирлянду из маргариток, на ее коленях было множество этих маленьких цветов. Личико малышки казалось серьезным и озабоченным...»

Содержание

Глава I	5
Глава II	16
Глава III	28
Глава IV	41
Глава V	59
Глава VI	77
Глава VII	84
Глава VIII	95
Глава IX	103
Глава X	121
Глава XI	126
Глава XII	138
Глава XIII	143
Глава XIV	159
Глава XV	178
Глава XVI	205
Глава XVII	215
Глава XVIII	231
Глава XIX	249
Глава XX	266

Элизабет Мид-Смит Дедушка и внучка

* * *

Глава I

Гирлянды из маргариток

Дороти Сезиджер сидела на зеленой свежей лужайке, залитой ярким солнцем, среди травы, из которой выглядывало множество чудесных белых маргариток. Ее тетка Доротея смотрела на девочку из окна своего будуара¹, помещавшегося в нижнем этаже старинного дома, где жили многие поколения рода Сезиджер.

Дороти шел седьмой год. Она была одета в белое платье, мягкое и широкое, волнами рассыпавшееся вокруг нее. На довольно худеньком личике светились очень серьезные черные глаза; на голове вились густые темные волосы. Девочка скинула шляпу, которая теперь лежала на траве, и усердно плела гирлянду из маргариток, на ее коленях было множество этих маленьких цветов. Личико малышки казалось серьезным и озабоченным. Она крепко сжала розовые губки, тяжело вздохнула и прошептала:

– Что за несносные, непослушные цветы!

И когда она произносила эти слова, между нежными, точно нарисованными кисточкой, тонкими бровями появилась легкая морщинка.

¹ Будуар – дамский кабинет или комната перед спальней, где светская женщина проводила день и принимала посетителей.

Мисс Доротея Сезиджер внимательно смотрела на маленькое милое существо. Дороти еще не минуло и семи лет, а между тем она захватила в свои владения всю лужайку. Тетя Доротея была страшно худа, костлява, угловата; свои волосы она причесывала по старинке гладко и отличалась замечательной опрятностью. На тонких пальцах блестело множество дорогих колец, на груди красовалась старинная жемчужная брошка, худое тело покрывало старомодное атласное платье, плечи облегла небольшая кружевная черная шаль.

Доротея сидела в своем будуаре, который, правда, еще сохранял следы былого изящества, но ясно доказывал, что теперь хозяйка совсем забросила его.

Ребенок, игравший на лужайке, был весь облит золотистым солнечным светом и казался до того непохожим на Доротею, что его можно было принять за существо из другого мира. А между тем между этой прелестной девочкой и исхудалой старой девой существовало большое семейное сходство. Только в каждом движении, в каждом взгляде Дороти проглядывали бодрость, смелость и резвость, у Доротеи же была запуганная душа и никакой смелости. Природную живость и отвагу в ней уничтожила жизнь в полном подчинении своевольному отцу.

– Дедуля, время прошло! – прозвучал тоненький, светлый, пронзительный голосок.

Дороти поднялась с травы, оправила белое кисейное² пла-

² Кисейный – сделанный из кисеи, тонкой хлопчатобумажной ткани.

тьице, откинула темные кудри и перебежала через лужайку, направляясь к другой стороне дома. Тетя Доротея вздрогнула: она слышала, что сказала девочка, и видела, куда та направилась.

«Что теперь будет? – подумала Доротея. – Мне даже страшно себе это представить! Он жестоко обойдется с ней; скажет что-нибудь недоброе, по своему обыкновению. Всегда так бывает».

– Дедушка, дедушка! Время прошло, совсем прошло! Ты нужен Дороти, – детский голосок звучал повелительно.

«Не сойти ли вниз, не увести ли ее лучше, пока он не заговорил? – подумала тетушка Доротея. – Он всегда спит в это время. Нет, нет, мне слишком, слишком страшно. Ах, если бы я не так ужасно его боялась. Я не хочу, чтобы это маленькое создание перестало быть смелым. Но ведь он сломит каждого! Он убил во мне всякую бодрость и решительность... Мне уже сорок три года, а я никогда не жила по-настоящему. Я только ела, спала и делала то, что он велит. А вот Дороти, которой нет еще и семи, не боится никого и ничего. Но он, конечно, запугает и ее. Бедная, бедная девочка».

– Дедушка, дедушка, – продолжал звать веселый звонкий голос.

Ответа не послышалось, и маленькое создание с длинной гирляндой из маргариток, обмотанной вокруг шейки, забралось в открытое окошко и остановилось на старом, совершенно истертом ковре, глядя на дряхлого человека, который

спал в большом глубоком кресле.

Сэру Роджеру Сезиджеру было под восемьдесят, но выглядел он лет на десять старше. Когда-то он был очень высок, теперь же сгорбился так сильно, что казался чуть ли не низкорослым. Прежде его считали очень красивым, и даже теперь, в старости, его черные глаза ярко блестели и смотрели пристальным, пронизательным взглядом. В ту минуту, когда к нему вышла Дороти, они были закрыты, и это показалось девочке очень странным. Она сложила маленькие ручки и задумчиво посмотрела на деда.

«Он спит крепким сном, – подумала малышка. – А я сказала ему, что он должен проснуться в четыре часа, и сплела две гирлянды – одну для него, другую для себя. Я помню, как мама всегда говорила, что нужно держать данное слово».

Она сделала три шага вперед. Крепко спавший старик не подозревал, что внучка стоит перед ним. Слабый румянец выступил на нежных щечках девочки. В эту минуту она была очень хороша, хотя смуглое личико немного походило на лицо южанки. Быстро-быстро Дороти вскарабкалась на колени спящего и ловкими пальчиками накинула гирлянду из маргариток ему на шею.

«Раскрыть ему пальцами глаза или нет?» – размышляла она.

Старик сидел, откинувшись на спинку кресла, и Дороти устроилась у него на коленях. Увидев, что понемногу сползает, девочка взяла большую руку деда и обвила ее вокруг

своей талии.

«Теперь мне гораздо удобнее, – подумала она. – Как мне нравится дедушка, он похож на папу».

– Эгей! – прозвучал ее голос.

Старик сильно вздрогнул, чуть не уронив на пол маленькое, похожее на бабочку, создание, усевшееся на его коленях.

– Что это, Дороти?

– Что, дедуля? Знаешь, следует держать данное слово! – объявила она.

Старик смотрел на девочку с таким выражением, которое, конечно, никогда не появлялось у него в глазах при виде его дочери Доротеи. Маленькая Дороти тоже смотрела на него смеющимися глазками, смотрела весело, ласково и доверчиво.

– Держи меня чуть-чуть покрепче, дедуля; я чуточку сползаю, – сказала она. – Вот теперь хорошо. Ну, ты славно поспал?

– Кто тебе позволил прийти сюда? – сурово спросил дед.

– Никто. Я просто взяла и пришла.

– Ты не должна больше этого делать. Никогда не приходи больше.

Эти слова, казалось, на минуту озадачили Дороти.

– Знаешь, тебе не идет хмуриться, – сказала она. – Пожалуйста, держи меня покрепче! Мне очень неприятно, что я сползаю. Мама всегда держала меня крепко. Вот, так лучше.

Ну, разве нам не хорошо вместе? Правда? А ты знаешь, что на тебе гирлянда из маргариток и что я нарочно сплела ее для тебя?

– Тише, тише, – поморщился старик.

Ему хотелось сорвать с шеи гирлянду, но он лишь быстро и резко выпрямился. Гирлянда разорвалась и упала на пол.

– Ах, зачем ты это сделал? Это очень грубо!

Глаза девочки наполнились слезами. Она соскочила с колен деда, подняла длинную разорванную гирлянду и постаралась поправить ее.

– Пойдем в сад, сделаем другую гирлянду, – предложила она как ни в чем не бывало. – Сегодня такая чудесная погода, так ярко светит солнышко, а здесь у тебя в комнате ужасно. Пойдем, пойдем сейчас. Ах ты, старый, старый лентяй. Если бы ты проспал еще с полсекунды, я непременно подняла бы тебе веки. Знаешь, ты не должен был нарушать данного слова.

– Замолчи! – перебил ее старик. – Ты самая ужасная непоседа, которую я когда-нибудь видел в жизни.

– Ну, а ты ужасное-преужасное чудовище. Лучше быть ужасной непоседой, чем чудовищем.

Он опять сердито посмотрел на нее. Она ответила деду смелым взглядом и вдруг весело и звонко расхохоталась.

– А знаешь, зачем я сюда приехала?

– Уж конечно, не затем, чтобы будить меня, когда я отдыхаю. Я поговорю с твоей тетей Доротеей. Она положит этому

конец.

– Мамочка сказала, что я должна полюбить тебя, что я должна открыть свое сердце и посадить тебя в него. Ты очень большой и смотришь на меня не особенно ласково, но мама говорила, что ты хороший, что ты очень хороший, значит, ты такой и есть. Ну, а теперь пойдем в сад!

Никто не мог бы сказать, какие чувства зашевелились в сердце Роджера Сезиджера, когда он услышал слова маленькой внучки, но старик внезапно наклонился, откинул темные волосы со лба Дороти и поцеловал ее.

– Твой отец был моим сыном. Я выгнал его из дома и проклял, но ты не знаешь, что значит проклясть.

Дороти молча покачала головкой.

– Он умер, а тебя привезли сюда. Как же ты можешь любить меня, когда я выгнал его из дому? Спроси тетю Доротею.

– Я не понимаю, что ты говоришь, – сказала малышка. – Я помню, что мама и папа говорили мне о тебе, и отлично знаю, что я должна делать. Поэтому вставай-ка, дедушка, пойдем в сад и давай плести гирлянды из маргариток.

Когда тетя Доротея увидела, что Дороти идет по лужайке и ведет за руку дедушку, у нее закружилась голова, и она не могла пошевелить ни рукой, ни ногой.

«Если бы я не увидела этого своими собственными глазами, никому бы не поверила, – подумала она. – Мой отец, мой строгий, суровый отец разговаривает с этим ребенком! По-

смотрим, что они теперь будут делать».

Доротее очень не хотелось, чтобы ее кто-нибудь увидел, поэтому она осторожно опустилась на колени за истертой оконной занавесью и, чуть-чуть отодвинув ее в сторону, стала смотреть в щелочку.

Увиденное поразило женщину: старый сэр Роджер Сезиджер сидел на лужайке, усеянной бесчисленным количеством маленьких красивых маргариток, а Дороти заботливыми пальчиками усердно плела свежие гирлянды из цветов, а потом надевала их на шею и на руки деда. При этом она болтала всякие милые пустяки, и нежный, серебристый смех разносился в свежем летнем воздухе. Удивительнее всего было то, что время от времени раздавался странный глухой звук, который трудно было бы назвать настоящим смехом, но во всяком случае он слетал с губ человека, которого мисс Доротея Сезиджер боялась больше всего на свете.

«Да, он совсем потерял голову, – шептала она про себя, – он сидит на траве, и эта девочка делает с ним все, что ей вздумается. Пожалуй, он смертельно простудится. Насколько я помню, он никогда не делал ничего подобного. Когда мы с братом были детьми, он никогда не играл с нами. Мы никогда не надевали ему на шею гирлянд из маргариток, а теперь он, такой старый и дряхлый, неосторожно садится на траву. Право, я должна поговорить с ним. Я непременно поговорю. Ведь он простудится, жестоко заболеет, и мне придется послать за доктором. Ах, что мне делать, что делать? Я

боюсь потревожить его. Он непременно рассердится, но что-то делать нужно».

Беспокоилась не только Доротея Сезиджер, но и ее горничная, которая в это время вошла в комнату и подала своей госпоже чашку очень слабого чая и маленький тонкий кусочек хлеба, намазанный еле заметным слоем масла.

– Ах ты, господи Боже мой, мисс, – прошептала она.

Доротея повернулась и посмотрела на нее испуганными глазами.

– Не говорите ничего, Мэри, мы не должны вмешиваться в его дела!

– Это дитя – благословение неба, – промолвила служанка. – Она ни на кого не похожа. Посмотрите, посмотрите, мисс! Вон оба садовника стоят и смотрят сквозь зеленую живую изгородь. Право, не знаю, что подумают Джонсон и Петере.

– Что бы они ни подумали, – сказала Доротея Сезиджер, поднимаясь с колен и оборачиваясь к Мэри, – пусть они лучше ничего не говорят. Это их совсем не касается.

– Конечно, не касается, мисс. Но боюсь, как бы сэр Сезиджер не заболел ревматизмом или чем-нибудь еще хуже. Ведь он совсем не привык сидеть на траве.

– Я не могу ничего сделать; я не могу вмешиваться в его дела, – повторила Доротея и повернулась к столику, на котором ее ждал чай.

Мэри тихонько вышла. Тетя Доротея выпила чай и съе-

ла хлеб с маслом. Бедняжка была очень голодна. В богатой усадьбе Сторм досыта не ел никто. При этом Сезиджеры во все не нуждались: их не тяготили долги, и у них было большое богатое имение. Со всех ферм поступали хорошие доходы, кроме того, сэр Роджер хранил в банке большие деньги и ценные бумаги. Род Сезиджеров давно жил в усадьбе Сторм, и если бы старый дом умел говорить, он мог бы порассказать многое. В том числе и об ужасном пороке, который передавался от отца к сыну. Почти все владельцы усадьбы Сторм отличались скупостью, но сэр Роджер был первым скупцом из скупцов, скрягой в полном смысле этого слова. Его скупость граничила с безумием: он не подновлял ни дома, ни других зданий Сторма и занимался только лишь приумножением своих денежных мешков.

В старом большом доме почти не было слуг. За громадным садом присматривали всего два садовника, хотя нужно было нанять по крайней мере десять или двенадцать человек. Правда, Доротее прислуживала отдельная горничная, но только потому, что никакая сила в мире не могла бы заставить Мэри бросить свою госпожу. Служанка получала жалованье когда придется и сколько придется.

В доме жил также старый буфетчик по имени Карбури, бывший арендатор, и он делал все, что было в его силах, чтобы поддержать порядок в доме. Карбури невозможно было выгнать, так же как нельзя было отказать от места Мэри. Двое этих преданных слуг выполняли практически всю ра-

боту. Правда, в доме было еще место судомойки, но на нем никто долго не задерживался. Обыкновенно на эту должность брали девушку на пробу – на месяц. Чаще всего по истечении этого срока прислуга уходила, потому что работы было слишком много, а еды слишком мало, да и та была откровенно плохой.

У сэра Роджера Сесиджера и его жены было двое детей – Доротея, которая сейчас с такой тревогой и удивлением смотрела на маленькую Дороти из окна своего будуара, и сын, наследник всех земель, принадлежавших усадьбе Сторм. Много лет тому назад этот сын ушел из дома. Его история была очень печальна, унижительна для него и имела отношение к странной маленькой девочке, которая стояла на лужайке и ловкими пальчиками украшала полевыми цветами своего старого дедушку – сэра Роджера.

Глава II

После ужина

Доротея Сезиджер отличалась замечательной точностью и аккуратностью. К ужину она всегда наряжалась. Год от года Доротея надевала одно и то же старомодное платье, сделанное из бледно-зеленого атласа с длинной талией и с короткими рукавами. Мисс Сезиджер не знала, да и не хотела знать, что это платье совершенно не годилось для нее. Перед ужином горничная Мэри приносила его и с торжественным видом раскладывала на постели. Старая дева садилась перед зеркалом, и служанка причесывала ее, как им обоим казалось, очень искусно. Волосы разделялись пробором и укладывались вдоль бесцветного лица. В темных прядках блестело много седых волос, так что они казались пегими и прическа выходила некрасивая, но Доротея Сезиджер считала ее модной и ни за что не причесалась бы иначе. В уши она вдевала очень длинные серьги, шею обвивала тяжелой золотой цепью – одним из самых любимых своих украшений, – на руках застегивала толстые золотые браслеты. Потом она натягивала старые лайковые перчатки и брала с собой старинный разрисованный веер, который принадлежал еще ее матери.

В таком нелепом наряде она спускалась в большую гости-

ную и ожидала прихода сэра Роджера. Гостей они никогда не приглашали, так как сэр Роджер говорил, что это слишком дорого. Ужин подавали в маленькой столовой, окна которой выходили на лужайку, покрытую маргаритками.

Зимой в этой комнате стоял пронизывающий холод, и даже летом в ней было совсем не жарко. Войдя в гостиную, Доротея Сезиджер всегда останавливалась на одном и том же месте, а именно возле окна, которое обыкновенно бывало закрыто. Там она ждала отца, то раскрывая, то закрывая веер, играя перчатками и принимая вид женщины, привыкшей бывать в светском обществе.

Ужин подавали в семь часов, секунда в секунду, и Доротея приходила в гостиную за пять минут до этого времени. Без двух минут семь Карбури раскрывал дверь и появлялся сэр Роджер.

Старик точно так же соблюдал все старые обычаи. К столу он надевал «обеденный» костюм, его рубашка всегда блестела как снег, воротничок и манжеты тоже отличались белизной и свежестью. Он неизменно останавливался в нескольких шагах от дочери и каждый день замечал:

– Погода удовлетворительная.

– Да, – отвечала она.

Она всегда говорила «да», светило ли яркое солнце, падал ли снег, шел ли дождь. Ей и в голову не приходило противоречить отцу. И действительно, если бы она сделала это, ей пришлось бы плохо. Сэр Роджер не любил, чтобы с ним

спорили.

В тот самый день, когда мисс Доротея увидела, как он играл с маленькой Дороти на лужайке, она взглянула на отца с затаенной тревогой, которую старалась всеми силами скрыть. Старик наморщил брови, но он всегда хмурился, и она не обратила на это внимания.

– Погода удовлетворительная, – сказал он.

Она поклонилась, помахала веером и ответила:

– Да, отец.

Мысленно она спрашивала себя, не чувствует ли он себя нехорошо, оттого что сидел на траве, но задать этот вопрос у нее не хватило духа.

Карбури распахнул обе половинки двери в столовую.

– Ужин подан, – сказал он.

Сэр Роджер подал руку дочери, и они медленно пошли в соседнюю комнату. Там стоял стол, накрытый на двоих. В одном конце сел сэр Роджер, в другом – его дочь. За ужином всегда подавался суп, но бульон чаще всего не имел ни вкуса, ни запаха. Да и немудрено: когда сэр Роджер чувствовал в супе хотя бы малейший аромат, он непременно говорил дочери:

– Этот суп слишком крепок, мне вредно есть такой густой бульон. Пожалуйста, завтра же скажи кухарке, чтобы она не делала такого сильного навара.

В действительности в доме уже давно не было ни повара, ни кухарки, и кушанья готовили Доротея и Мэри. На следу-

ющий день бедная мисс Сезиджер говорила, чтобы служанка прибавила побольше воды в суп.

На второе подавали рыбу, но выбирали самую маленькую и плохую, чтобы платить подешевле. Потом шло жаркое, и сэр Роджер обыкновенно замечал, что мясо – совсем ненужное кушанье, но Доротея изо всех сил старалась противиться отцу: она чувствовала, что будет не в состоянии жить, не съедая в день хотя бы кусочка мяса. Сэр Роджер заканчивал ужин бисквитом и ломтиком старого заветренного сыра. Мисс Сезиджер съедала какие-нибудь плоды или ягоды, если они созревали в саду. Пока она их ела, старик все время ворчал:

– До чего же ты любишь вкусные вещи! Это у тебя наследственное от твоей матери. Она тоже была ужасная лакомка.

Бедная мисс Доротея всегда хотела защитить свою покойную мать, но не осмеливалась. В тот вечер, о котором мы рассказываем, старик с дочерью после ужина вернулись в гостиную и начали играть в пикет³. Это тоже повторялось каждый день, и они занимались игрой ровно час.

Доротея опустила карты и решила заговорить:

– Дитя... – начала она.

Сэр Роджер уронил очки, наклонился, стал искать их на полу, наконец с трудом нашел и снова выпрямился. Только теперь лицо его покраснелось.

– Ну-с, мы будем продолжать игру, Доротея. Начни, по-

³ Пикет – карточная игра.

жалуйста.

– Но мне нужно поговорить с тобой о дочери Роджера, – опять сказала она.

Старик протянул руку, точно желая заставить ее молчать.

– Мы будем играть, Доротея, – строго повторил он.

Но мисс Сезиджер не могла молчать. Собрав последние капли мужества, она пролепетала:

– Я хочу знать, как ты намерен поступить с ней. Останется ли она здесь навсегда, и будешь ли ты всегда так неосторожен, как сегодня? Отец, я не часто вмешиваюсь в твои дела, ты это знаешь, но когда я увидела, что ты, пожилой человек, сидишь на траве (подумать только – на траве!) в не слишком-то жаркую погоду, я чуть не сошла с ума от страха. Мы так удивились...

– Кто это *мы*?

– Я хотела сказать... я хотела сказать, – повторила мисс Доротея дрожащим голосом и очень отрывисто, – что я удивилась.

– Ну, – сказал старик, – тебе, Доротея, полезно время от времени удивляться. Ты ужасно постарела; ты состарилась раньше времени. А это нехорошо.

И вдруг он прибавил совсем другим тоном:

– В чем дело, дитя?

Перемена интонации и быстрое движение старика так поразили Доротею, что она чуть не свалилась со стула. Обернувшись, она увидела, что дверь гостиной отворилась и ма-

ленькая тоненькая фигурка в длинной ночной рубашке переступила через порог и мелкими шагами вошла в комнату. Черные волосы падали на плечи девочки, щеки ярко горели, темные глаза были широко раскрыты и смотрели живым, веселым взглядом.

– Я не могу заснуть, – сообщила она.

– Сейчас же иди в постель, Дороти.

– Я не могу заснуть, дедуля, мне нужно посидеть у тебя на коленях.

И едва выговорив эти слова, она быстро вскарабкалась на колени старика.

– Вот теперь мне совсем хорошо, – девочка смотрела в глаза деда нежным, лукавым взглядом. – Ах, как я люблю тебя, дедушка, – прибавила она. – Знаешь, мое сердечко раскрылось, и я могу посадить тебя в него. Я так люблю тебя!

– Но, отец, если ты хочешь... – начала было Доротея.

– Тс... – сурово перебил старик. – Сегодня мне не хочется играть в пикет. Дороти, так нельзя, иди в постель.

– Я не могла заснуть, дедуля. Мама брала меня на руки, и папа тоже. А разве ты не хочешь поддержать меня на руках?

Она прижималась к деду, не обращая никакого внимания на тетю Доротею. Старая дева тихонько поднялась со стула, медленно прошла к старомодному дивану, сняла с его спинки вылинявший шерстяной плед и, подойдя к Дороти, прикрыла ее.

– Благодарю тебя, тетя, – сказала маленькая Дороти и при-

нялась устраиваться поудобнее.

– Дедуля, – продолжала она через минуту, – рассказать тебе, как глубоко закопали моего папу?

– Нет, я не хочу об этом слышать.

– Я видела, как маму положили в ящик, крышку заколотили гвоздями. Потом унесли от меня. Я успела только поцеловать ее. Она была такая холодная... Дедушка, все бывают холодные, когда умирают?

– Не будем говорить об этом, Дороти.

– Почему нет? Ты сам когда-нибудь умрешь. Ведь ты уж старенький, совсем старенький. Я думаю, ты проживешь недолго.

– Дороти, как ты смеешь говорить так! – вмешалась Доротея.

Она так встревожилась, что не могла промолчать.

– Пусть она говорит, Доротея, – сказал мистер Роджер. – Если хочешь, можешь пойти к себе. Я сам присмотрю за ней.

– Я твоя девочка, правда, твоя? – Дороти прижалась к деду. – Только смотри не ругай тетю Доротею, это нехорошо. Она добрая. Мне жалко ее, и потом мне совсем не нравится, когда ты хмуришься. Разгладь лоб.

Бедная тетушка Доротея как пуля вылетела из комнаты, а маленькая Дороти обвила руками шею старика.

– Мне чуточку захотелось спать, – в голосе девочки зазвучало чувство глубокого удовлетворения. – И знаешь, мой дедулечка, я тебя люблю, ужас как люблю! Мое сердечко от-

крывается все шире и шире. Теперь уж скоро я совсем посажу тебя в него. Ну, скажи мне, пожалуйста, разве тебе не будет там хорошо и уютно?

– Пожалуйста, не говори пустяков, – заметил старый сэр Роджер. Его слова были суровы, но он произнес их ласковым тоном. – Я люблю маленьких девочек, которые...

– Которые что? – спросила Дороти, быстро выпрямилась, села и посмотрела на него. – Каких маленьких девочек ты любишь?

– Таких, которые в начале дня послушны, в середине дня послушны и вечером послушны.

Дороти слушала с глубоким вниманием.

– А что, по-твоему, дедуля, значит «слушаться»? – спросила она после долгого молчания.

– Маленькая девочка должна слушаться своих родителей, воспитателей и делать все, что они ей скажут.

– Значит, я должна слушаться тебя и тетю Доротею? – заинтересовалась она.

– Ты должна слушаться меня. Слышишь? – заметил старик.

– Да, слышу, – ответила Дороти.

– Понимаешь?

– Чутьочку понимаю.

– И ты будешь слушаться?

– Н-нет, – ответила Дороти.

– Значит, ты очень дурная девочка.

– Думаю, да, – беспечно согласилась Дороти. – Знаешь, мне так хочется спать, и у тебя такие большие, такие славные, удобные руки. Вот я улягусь, прижмусь к тебе, закрою глаза, засну и во сне увижу маму и папу.

– Ты можешь заснуть через минуту, но раз уж ты приехала жить со мной, ты должна меня слушаться... Обещай мне быть послушной.

– Не могу обещать.

– Почему ты так говоришь?

– Потому что ты такой... такой... чуточку странный. И мне не всегда нравится то, что ты делаешь. Вот и к тете Доротея ты совсем не добрый. Ты славный, я люблю тебя, очень люблю, и я всегда очень стараюсь делать то, что тебе нравится, но *совсем* слушаться тебя я не могу...

Голос ребенка задрожал, будто она сдерживала слезы.

– Почему не можешь? – старик укутал ее поплотней и прижал к себе.

– Потому что ты не всегда бываешь добрый, и потом, знаешь, дедуля, ты не любил мою маму и моего папу.

– Ну, довольно, довольно, – сказал сэр Роджер, – я не хочу говорить с тобой об этом. Если ты будешь доброй и хорошей, я люблю тебя. Но вижу, ты ужасно избалована. Здесь, в Сторме, тебя баловать не станут. Об этом позаботится тетя Доротея.

– О, с ней я могу делать все, что мне захочется! Я могу обвить ее вокруг пальчика, вот так, – и Дороти выразительно

крутанула большим пальцем.

– Ну, моя милая, я вижу, что тебе придется многому поучиться. Тебя привезли сюда, чтобы мы тебя воспитали, и мы посмотрим, кто здесь распоряжается.

– Ну, хорошо, посмотрим, – она подняла личико, протянула пухлые губки и, прижавшись ими к поблекшей, морщинистой щеке деда, еще раз прошептала: – Я люблю тебя, люблю, люблю. Ах, как хочется спать!

В ту же секунду она заснула крепким сном.

Старый Сезиджер принадлежал к числу самых суровых стариков во всем графстве. «Он тверд, как гвоздь», – говорили о нем.

Сэр Роджер жестоко поступил со своим сыном и без всякой жалости буквально выгнал его из дома. Только дочь Доротея любила старика. Соседи не хотели сблизиться с ним и держались от него на почтительном расстоянии.

Он никогда никого не приглашал в Сторм и сам никогда не ездил в гости, даже если к нему приходили приглашения. Своей дочери старик тоже не разрешал наносить визиты. Его сердце было плотно закрыто от всего мира. Сердца всегда закрываются, если некому их открыть.

Но теперь, когда он сидел в гостиной, в той унылой комнате, о которой никто не заботился, в которой ничего не изменилось со дня смерти леди Сезиджер, скончавшейся много лет тому назад, он почувствовал, что странная теплота пробирается к нему в душу. Эта теплота вызывалась близостью

ребенка, маленькой, избалованной, непокорной, но доброй черноглазой девочки, приехавшей жить к нему совершенно против его желания и против его воли.

Однажды утром она, нежданная-незванная, переступила порог дома в Сторме и тонким голоском объявила дедушке, что будет у него жить. С ней приехала женщина, которая привезла верные доказательства того, что Дороти – дочь молодого Роджера и его жены – женщины, которая, по мнению старого сэра Сезиджера, была недостойна вступить в его семью.

Правда, он ничего не мог сказать о матери Дороти, кроме того, что она была незнатного происхождения, что ее отец жил где-то на ферме в Йоркширском графстве, что она была красива, весела, что она получила хорошее воспитание, сделалась гувернанткой, встретила Роджера в Париже и что он женился на ней. Роджер был счастлив с женой, и у них родилась дочка Дороти. Когда они оба умерли, девочку привезли в Сторм.

– Пусть остается, – решил сэр Роджер. – Ребенок ни в чем не виноват. Пусть девочка живет с нами, Доротея. Только смотри, чтобы она нечасто попадалась мне на глаза.

Мисс Сезиджер тихо ахнула от восторга, услышав позволение отца оставить ребенка. Правда, старик говорил недовольным голосом, но он все же позволил Дороти жить в Сторме.

В тот день, когда начинается наш рассказ, со времени при-

езда Дороти в Сторм прошла целая неделя, и в течение этих немногих дней девочка уже успела сделаться любимицей, настоящим кумиром всех слуг. Мисс Доротея смотрела на нее со страхом и вместе с тем с обожанием. Всякий, кто не дрожал в присутствии старого Роджера, казался Доротее человеком необыкновенным, на которого следовало смотреть по меньшей мере с почтением.

«Какое странное дитя, – думал старик. – Право, не могу понять, что она для меня такое? Она порядочно-таки мне надоедает, а между тем...»

Нежное дыхание спящего ребенка коснулось его, когда он наклонился. В эту минуту старик заметил, что она очень походит на отца. Дороти прошептала в полусне:

– Дедуля, люблю тебя... Милый дедушка...

И вдруг что-то похожее на ледяную корку отвалилось от сердца старого лорда. Он медленно поднялся и, еле слышно переступая, сам отнес Дороти в детскую. Сэр Роджер положил ее в кроватку, тепло укутал одеялом, потом, озираясь кругом, точно вор, пробрался вниз. Он и не знал, что на него смотрит мисс Доротея и что Мэри от изумления застыла с прижатыми к щекам руками, стоя в укромном уголке и шепча еле слышно:

– Боже мой, Боже мой! Просто глазам своим не верю!

Глава III

Спасение Бенни

На следующий день для Дороти принесли в детскую кружку молока и хлеб. Девочка совершенно овладела сердцем горничной, и Мэри прислуживала, глядя на ребенка обожающим взглядом. Время от времени в щелочку заглядывала судомойка.

– Не нужно так пристально на меня смотреть, – попросила Дороти. – Вежливые люди не делают этого, но, может быть, вы не знаете, что это не принято?

Скажи такое кто-нибудь другой, эта откровенность могла бы показаться слишком резкой, но на Дороти невозможно было сердиться, особенно когда она поднимала на собеседника свои темные глаза и кротко заглядывала в лицо.

– Мэри, вчера вечером дедуля сказал мне, что в начале дня, и в середине, и в конце нужно быть послушной. А я, Мэри, решила сегодня никого не слушаться – ни утром, ни днем, ни вечером. Сегодня я буду совсем нехорошей девочкой.

– Ах, маленькая мисс, – заволновалась Мэри, – зачем это? Ведь вы рассердите вашего дедушку, ужасно рассердите.

Дороти откинула назад темные локоны.

– Я пойду «шествовать», – сказала она.

– Не понимаю, о чем вы говорите, мисс?

– Ну, мне надоели лужайка, маргаритки и гирлянды. Я пойду «шествовать». И ничего особенного в этом нет. Я ведь предупредила дедулю, что всегда его слушаться не буду, и поэтому он не должен рассердиться. Если я открою поблизости какие-нибудь неизвестные края, то вернусь и расскажу вам. Мой дедуля живет слишком спокойно, и я, что называется, его «расшевелю».

– Ай-яй-яй, – укоризненно покачала головой Мэри.

– Я слышала, что так говорят люди, когда хотят, чтобы другие стали проворнее, поторопились бы. Дедушке нужно приободриться, и потому мне придется немножко «расшевелить» его, – важно и рассудительно повторила маленькая Дороти.

– Знаете, маленькая мисс, вы очень странная девочка!

– Да, мне это уж говорили. Мне нравится быть странной, – с гордостью в голосе ответила Дороти.

Девочка немного помолчала и прибавила:

– Мэри, я больше не хочу молока с хлебом. Только грудным младенцам дают молоко и хлеб. Я уже не маленькая и, знаете, хочу, чтобы завтра мне на завтрак дали копченую свиную грудинку с яйцами.

В глубине души бедная Мэри ужаснулась. Откуда она возьмет копченой свиной грудинки и яиц? Хозяйство в Сторме никак нельзя было назвать роскошным – в кладовых не было ни одного кусочка грудинки, о котором не приходи-

лось бы давать отчета сэру Роджеру, и ни одного яйца, о котором не было бы доложено старику. Поэтому она потопталась на месте, не говоря ни слова, и наконец вышла из комнаты.

Дороти было очень приятно, что она осталась совсем одна. Быстро-быстро она выпила молоко и съела хлеб, потом, сложив ручки, произнесла благодарственную молитву собственного сочинения:

– Благодарю тебя, милый Господи, за мой завтрак, хотя он и не был очень вкусен. Благодарю тебя также, Боженька, за то, что ты взял на небо мою мамочку и позволил мне ее поцеловать, когда она лежала такая холодная и окоченелая. Благодарю тебя также за то, что моему папе у тебя очень хорошо и что он здоров. Конечно, Боженька, ты мог бы дать мне поцеловать также и его, но ты, верно, забыл об этом. Благодарю тебя, Боженька, за дедулю. Мне с ним много хлопот, потому что он совсем не похож на других. Благодарю тебя также за тетю Доротею, и, пожалуйста, Господи, сделай так, чтобы она ожила, потому что сейчас она будто ненастоящая.

После этого Дороти взяла разорванную, очень старую и изношенную шляпу, нахлобучила ее себе на голову и вышла в сад.

Стоял июнь; воздух был нежен и мягок, в нем чувствовалось благоухание цветов. Солнце светило очень ярко, но Дороти, привыкшая к более сильному зною, даже не заметила этого. Она прошла через лужайку, поросшую маргаритками

(ее редко косили, так как сэр Роджер не хотел тратиться на пустяки).

– Бедные маленькие маргариточки, – вздохнула девочка, глядя на множество белых цветов. – Сегодня мне вас не нужно, у меня в голове совсем другое, и я не буду делать из вас гирлянды. Я уйду далеко-далеко.

Она дошла до конца лужайки и вскоре была уже в аллее, пересекла ее и направилась к молодой роще. В конце рощи была изгородь. Те немногие люди, которые приходили из окрестных деревень в Сторм, обыкновенно выбирали этот путь. Дороти посмотрела на загородку и быстро перемахнула через нее. Когда она очутилась по другую сторону и вышла из парка, то почувствовала, что сейчас начнутся приключения, и с наслаждением вздохнула полной грудью. Да, это было куда веселее, чем делать гирлянды из маргариток! С того места, где стояла девочка, не были видны ни темный, похожий на ящик, старый дом, ни лужайка, на которой росли белые маргаритки. Она словно очутилась в новой, незнакомой стране. И Дороти опять глубоко вздохнула.

Хотя ей скоро должно было минуть семь лет, она была очень мала ростом и миниатюрна. Человек, ее не знавший, мог бы принять Дороти за пятилетнего ребенка. Однако она была очень изящно сложена, двигалась красиво, уверенно и смело.

То поле, на котором она стояла, пестрело не только ромашками, но и куриной слепотой, и ей понравился яркий

желтый цвет этих простых цветов. Она на минуту остановилась, чтобы набрать целую охапку. Дороти украсила ими свою шляпу, сплела длинные гирлянды и обвила себя ими. В таком наряде девочка сама казалась каким-то волшебным цветком. В ее головке было множество мыслей, но в одном она была твердо уверена, а именно, что она нигде не остается одна, потому что с ней всюду Бог. Этому ее научила мать. Она уверила Дороти, что Господь – ее отец, добрый и заботливый, что он никогда не забывает о ней, что он всегда рядом, куда бы она ни пошла.

– Боженька, – сказала Дороти своим звонким голоском. – На этом поле очень хорошо, но я пойду «шествовать» немножко дальше. Ты ведь пойдешь со мной, не правда ли?

После этой короткой странной молитвы на сердце у девочки стало так весело, так легко! Пробежав через поле, она очутилась в лесу. Надо сказать, что леса Сторма славились во всей округе. Они были густыми и темными, под большими деревьями росли кусты и ползучие травы. В жаркие летние дни тут было восхитительно. Среди кустов и вереска было спрятано множество всевозможных силков, устроенных браконьерами для дичи, и различных ловушек, сделанных лесными сторожами для охраны птиц и зверей. Браконьеры ставили свои силки очень хитро и ловко, так что их можно было увидеть только привычным, зорким глазом. Сторожа ставили ловушки и сети для того, чтобы ловить в них забежавших в лес собак или кошек, и устраивали их не так осторожно.

Дороти осмотрелась. В какой чудесный мир она попала! Особенно прелестными казались ей кролики. Глядя, как они разбегаются во все стороны, мелькая пушистыми белыми хвостиками, девочка от восторга громко смеялась и хлопала в ладоши. Когда же поднялись птицы и, шумя крыльями, взлетели над головой девочки, она решила, что этот лес – самое прелестное место в мире.

– О, как я хотела бы прыгать! Как я хотела бы летать, я хотела бы... Я хотела бы... Добрый, милый Боженька, скажи мне: летает ли моя мамочка?

Молчание в ответ никогда не смущало Дороти, и она пошла дальше умиротворенная и довольная. Дойдя приблизительно до половины леса, она вдруг услышала писк, жалобный писк живого, страдающего существа и, осмотревшись по сторонам, увидела капкан, в котором стонал кролик с вывернутой, искалеченной лапкой.

Мирное выражение на лице девочки моментально сменилось гневом.

– Ай-яй-яй! – закричала она.

Она могла бы пораниться, стараясь спасти несчастного зверька, но в это мгновение появился один из лесных сторожей. Он с удивлением смотрел на маленькую девочку в белом платье, украшенную с головы до пят цветами куриной слепоты. У ее ног пищал какой-то зверек.

– Кто вы, мисс? – поинтересовался сторож. – Всякий, кто без билета входит в этот лес, – браконьер.

– Я не понимаю, что вы говорите! Пожалуйста, лучше выньте его из ловушки! Я знаю, что Бог очень рассердился за него! Сейчас же, сейчас же выньте его, пожалуйста, выньте! – взволнованная Дороти почти кричала.

Сторож посмотрел на бедного кролика.

– Мне кажется, я знаю, кто поставил эту ловушку, – сказал он.

– Говорю вам, выньте его сейчас же. Сделайте то, что я прошу! – детский голосок зазвучал повелительно.

– Кто вы, маленькая мисс?

– Я Дороти Сезиджер. Но не все ли равно, как меня зовут? Говорю вам, сию минуту выньте его! Слышите?

Черные глаза блестели, розовые губки дрожали.

– Если вы не слушаетесь, – продолжала она, прижимая руки к груди, в то время как на глазах выступили слезы, – я буду кричать и плакать!

Сторож, высокий немолодой мужчина с загрубелым лицом и большими руками, встал на колени и вынул раненого кролика из капкана.

– Лучше его убить, мисс, зверек сильно ранен.

– Не смейте, – возмутилась Дороти, – не смейте трогать его!

– Вы мисс Сезиджер? Вы родственница сэра Роджера?

– Я ничего вам не скажу. Вы не убьете кролика? Я не дам вам его убить!

– Вы, может быть, хотите взять его себе, мисс?

– Ах, – могла только выговорить Дороти.

Кролик смотрел на нее глазами, полными ужасающего страдания. Лицо Дороти совсем изменилось, стало мягко и ласково.

– Я полюблю вас, незнакомый человек, – проговорила она, – если вы отдадите мне его.

– Я сделаю больше. Не будь здесь вас, я избавил бы бедного зверька от мучений, но теперь я постараюсь срastить ему ногу и, когда он поправится... Ну, я отдам его вам.

– Я ужасно, ужасно люблю вас, – сказала Дороти. – Бог видит это!

– Вот и отлично, маленькая мисс, заключим договор. Вы будете меня любить, а я отдам вам здорового Бенни.

– Кто это – Бенни?

– Так мы называем их, – улыбнулся лесной сторож, ласково проводя рукой по коричнево-белой шерстке кролика.

– Когда вы вылечите его лапку, незнакомый человек?

– Мое имя Персел, мисс.

– Когда вы, Персел, вылечите Бенни, так чтобы он стал совсем здоров?

– Ему придется пострадать еще немножко, но он скоро поправится. Я отнесу малыша домой, забинтую ему лапку, а жена посадит его в корзину и будет кормить травой и зеленью.

– А где живет жена? – спросила Дороти.

– Не очень близко отсюда, в другом конце леса.

– Я пойду с вами, поговорю с женой, – решила Дороти.

– Как? Сейчас?

– Да, я сегодня «шествую».

– Что это значит, маленькая мисс?

– Я не могу понятней объяснить. Там, у нас в Канаде, я почти не училась.

– Ага, мне кажется, я начинаю понимать, кто вы. Я знал вашего отца и не видывал человека красивее. Вы на него немного похожи, впрочем, не совсем. Ну, а как обходится с вами старик?

– Какой старик? – спросила Дороти.

– Не обижайтесь, мисс. Я говорил о сэре Роджере.

– Дедуля? Он душечка. Он живет в моем сердце.

Лесной сторож слегка присвистнул.

– Я не совсем понимаю, почему вы засвистели, Персел, но мне кажется, это было немножко грубо, – заметила Дороти. – Пойдемте же к жене и обсудим, как вы будете лечить моего Бенни.

– Хорошо, маленькая мисс.

Дороти считала, что путешествие удалось на славу. Кролик, сидевший на руках у сторожа, время от времени поглядывал на девочку печальными, выразительными глазами, а Дороти смотрела на него ободряюще:

– Все в порядке, Бенни, выздоровеешь, и я тебя заберу к себе.

Домик стоял совсем в другом краю леса, а лес был густой

и обширный. Персел, человек простой и невоспитанный, не умел много говорить и даже не старался вслушиваться в болтовню шагавшего рядом ребенка. Дороти, по своему обыкновению, говорила доверчиво и просто; она ничуть не боялась, потому что вообще не знала страха. Повстречайся ей что-нибудь страшное, она смотрела бы так же прямо и смело. В ней чувствовалась очаровательная независимость. Она была свежа и красива, и в ней не было ничего неискренного.

Когда они пришли к дому лесного сторожа, Дороти Сезиджер почувствовала, что очень устала. Она первой вошла в дом, высоко подняв головку и откинув шляпу на спину.

– Как вы поживаете, жена? – степенно спросила она. – Я пришла, чтобы отдохнуть. Пожалуйста, дайте мне поесть, и вот еще что: сейчас придет Персел и будет выправлять ножку моему маленькому Бенни.

Миссис Переел была худой старухой. Посмотрев на нее, Дороти несколько мгновений раздумывала: неужели все женщины в окрестностях Сторма едят впроголодь или даже голодают? Старуха была старше мужа на несколько лет и так же боялась его, как тетя Доротея своего отца. Она, не веря собственным глазам, смотрела на маленькую девочку, которая так внезапно вбежала к ней.

– А вы кто такая? – спросила она.

– Я Дороти Сезиджер. Скажите, пожалуйста, можно мне сесть на этот стул?

Но так как женщина не сразу ответила, Дороти взяла стул,

не дожидаясь позволения. Она отвязала шляпу, которая упала на пол, и осмотрелась вокруг.

– Что у вас на обед, жена?

– Тушеное мясо с луком, – оторопело ответила миссис Персел.

– Пожалуйста, дайте мне поскорее поесть. Я очень голодна, – попросила Дороти.

В эту минуту вошел Персел:

– Старуха, эта кроха из Канады; она живет теперь в Сторме. Я ее встретил в лесу. Она отыскала западню с кроликом, у зверушки сломана нога. Я его вылечу, и, когда Бенни совершенно поправится, мы его отдадим маленькой мисс.

– Я буду очень рада, и Бог будет доволен вами, мистер Персел, – заметила Дороти и прибавила: – Знаете, жена, во мне пусто-пусто! Пожалуйста, поскорее дайте мне еды.

Миссис Персел принесла одну из немногих фарфоровых тарелок, белую, тонкую, с нарисованными на доньшке вишнями. Она покрыла небольшой столик грубой, но чистой и свежей скатертью, затем вынула из печки вкусное, сочное мясо и подала ребенку.

– Чутьочку жалко закрывать такие красивые вишни, – посоветовала Дороти. – Я никогда не видела такой изящной и милой тарелочки!

Несколько придя в себя, старая миссис Персел слегка улыбнулась. Дороти была так голодна, что съела решительно все. В это время Персел пошел в сарайчик, чтобы сделать

раненому кролику необходимую операцию. Вскоре он принес его назад. Маленькая лапка зверька была положена между двумя щечками и крепко забинтована. Сторож посадил Бенни в корзину, чтобы Дороти могла посмотреть на него.

– Ах, как я вас люблю, как я вас люблю, – промолвила девочка, – и я буду просить Бога, чтобы Он тоже полюбил вас.

Персел сел за стол в прекрасном расположении духа. Во время обеда он то и дело посматривал на веселое, оживленное личико Дороти.

– Я полагаю, мисс, – сказал он, пообедав, – что могу доставить себе удовольствие отвести вас домой.

– Вы говорите очень хорошо, очень вежливо, мистер Персел, – отметила Дороти. – Но я собираюсь «шествовать» еще дальше. Вы меня сытно накормили и я очень благодарна вам, жена, и вам, мистер Персел. Завтра я приду опять справиться о здоровье моего милого Бенни. Ах, как я буду счастлива, когда мой голубчик переедет ко мне. Он будет спать в моей комнате. Я никогда-никогда, пока жива, не забуду вас, мистер Персел. А вы, жена, готовите вкуснейшее тушеное мясо, и я непременно расскажу тете Доротее о вашей красивой тарелочке с вишнями посередине. Она просто восхитительна!

С этими словами Дороти соскользнула со стула. Дойдя до дверей домика, она остановилась, вспомнила, что кое о чем забыла, сложила ручки на груди и серьезно сказала:

– Благодарю тебя, Боже, за этот вкусный обед, который

был гораздо, гораздо лучше завтрака.

Глава IV

Письмо для мисс Сезиджер

В это утро с мисс Доротеей Сезиджер случилось необыкновенное происшествие: она получила письмо. В жизни бедной дочери старого сэра Роджера всякое письмо было великим событием. Благодаря замкнутой жизни отца, у нее было очень мало друзей. Сама она никому не писала, а потому и ей никто не писал. К Доротее не приходили даже счета из магазинов, потому что за все немедленно уплачивалось на месте. Мисс Сезиджер было не о чем писать. Когда однажды ей решили пошить новое платье, она для этого отправилась в ближайший город, который стоял в десятке миль от Сторма, выбрала материю и тотчас же заплатила за нее, а вернувшись домой, приказала Мэри приняться за шитье.

Словом, теперь понятно, почему письмо с конвертом, на котором было выведено: «Мисс Доротее Сезиджер, в Сорм, близ Синглтона в графстве Варвик», заставило сердце адресата забиться сильными, быстрыми ударами.

Почерк был ей совершенно незнаком, тем не менее она сразу же решила спрятать письмо от отца. Ни за что на свете Доротея не распечатала бы при нем конверт. Внутри могла быть просьба о деньгах, но почему-то это не пришло ей в голову. Доротея осторожно опустила конверт в карман раньше,

чем ее отец вошел в комнату.

В Сторме завтракали ровно в девять часов утра. Мисс Доротея спустилась из своей комнаты вниз вовремя, чтобы успеть заварить чай. Сэр Роджер обращал большое внимание на этот напиток. В числе очень немногих расходов старик тратился на хороший чай, который присылал один лондонский купец. Поставщик самостоятельно делал смесь и отправлял в Сторм двадцатифунтовый⁴ цыбик⁵. Сэр Роджер приказывал, чтобы эта порция растягивалась на чрезвычайно долгое время. Чай держали в старом буфете, стоявшем в столовой. Ключ от него хранился в кармане мисс Доротеи. Старик позволял подавать к чаю очень небольшое количество сливок. Благодаря всему этому мисс Доротея было необходимо приходить в столовую, самое позднее, без пяти минут девять. В ту минуту, как на лестнице слышались ее шаги, в столовую приносили старинный медный чайник со спиртовой горелкой и ставили на стол. Чай приготавливался торжественно. На стол клали поджаренные сухарики и крошечный кусочек масла. Мисс Доротея усаживалась на стул и ждала отца.

В то утро, когда маленькая Дороти, по ее выражению, «шествовала», мисс Доротея чувствовала, как сильно пылает ее лицо и дрожат руки. Ей казалось, что письмо, лежащее

⁴ Фунт – английская мера веса, равная 453,6 г.

⁵ Цыбик – ящик (часто обитый кожей) для перевозки чая и других сыпучих продуктов.

в кармане, горит и скоро прожжет отверстие в платье. Мисс Сезиджер не терпелось поскорее остаться одной и прочитать его. Она невольно все время думала о письме, стараясь угадать, что в нем говорится и кто написал его.

Наконец своей обыкновенной спокойной и размеренной походкой в комнату вошел сэр Роджер; белоснежные волосы падали ему на плечи, зоркие черные глаза смотрели вправо, влево – всюду.

– Здравствуй, Доротея, – произнес он.

Он кивнул дочери и сел за стол напротив нее. Мисс Доротея молча, не делая никаких замечаний, налила ему чашку ароматного чая. Она отлично знала все его вкусы: сколько нужно положить сахара, сколько налить сливок. Мисс Сезиджер обошла кругом стола и поставила перед отцом чашку, потом пододвинула к нему поджаренный гренок и масло. Наконец, взяв свою тарелку, она положила на нее маленький гренок и крошечный кусок масла и села на прежнее место.

– Я заметил, – помолчав, сказал сэр Роджер (в этой тишине Доротея точно грезила, думая о письме), – что в нашем доме масла выходит больше, чем нужно. Это страшно неблагоразумно. Нужно прекратить эти излишества, Доротея.

– Я не уверена, что можно сделать это, отец, и так уж люди жалуются на нас.

– Ну, так отпусти их всех, – сказал сэр Роджер. – Возьмем других.

– Вряд ли это возможно. Никто, кроме них, не захочет

пойти к нам служить на жалование, которое мы платим. Кроме того, тебе будет недоставать Карбури.

– Это правда, но лучше сохранить деньги, чем продолжать так тратиться на содержание Карбури. Выходит слишком много денег. Если он не захочет подчиняться скромному образу жизни в нашем доме, пусть ищет себе другое место.

– Значит, ты сообщишь ему об этом, отец?

Сэр Роджер посмотрел на дочь из-под сдвинутых мохнатых бровей.

– Я? Нет. Предоставляю это тебе.

– Я бы не хотела увольнять его, – промолвила мисс Сезиджер.

Доротея сама удивилась, как нашлась у нее смелость выговорить эти слова. Сэр Роджер пристально посмотрел на нее.

– С тобой что-нибудь случилось? – неожиданно спросил он.

– Нет, нет... То есть... Кажется, со мной все хорошо...

– А мне кажется, что ты не совсем здорова. Почему ты так покраснела? Я уже много лет не видел у тебя на лице такого румянца. Сколько тебе лет, Доротея?

– В прошлом году минуло сорок три, но возраст тут ни при чем.

– Ну да, конечно нет, понятно... Понятно.

Мисс Сезиджер хотела найти подходящие слова, но мысли в голове разбегались. Подбородок еще ниже опустился на грудь, она отломила кусочек от сухого бисквита и положила

в рот. После долгого молчания она наконец произнесла:

– Я нахожу, что будет несправедливо отказать старому Карбури от места. Если все дело в кусочке масла, то я прекрасно могу обходиться и без него.

– Делай, как тебе угодно, – буркнул старик. – Теперь я хочу поговорить с тобой о ребенке.

– А! Хорошо, – Доротея приободрилась, и ее лицо немножко просветлело.

– Она очень непослушный ребенок, – заметил сэр Роджер.

– Она очень умненькая и веселая девочка, – поправила мисс Сезиджер.

– Я говорю, что она очень непослушна, – раздельно повторил старик. – Ее нужно научить повиноваться. Ты должна учить ее этому.

– Я? – воскликнула Доротея. – Мне кажется, что я не могу этого сделать.

– Ну, на что ты годишься, Доротея, если не можешь справиться даже с маленькой девочкой, которой нет еще и семи лет?

Мисс Сезиджер молчала, но невольно сжимала рукой письмо, спрятанное в кармане.

– Что это шелестит? – подозрительно спросил сэр Роджер.

– Ничего, ничего.

Старик пристально взглянул на нее:

– Если ты не сумеешь справиться с этой девочкой, я отправлю ее в приют. Я не желаю, чтобы в моем доме опять по-

вторялись сцены, которые бывали с ее отцом. Я не позволю, чтобы кто-нибудь, будь то мужчина, женщина или ребенок, сел мне на шею и свесил ножки. Ты меня слышишь? Пони-маешь? Если ты не можешь справиться с этим ребенком, я отдам ее в приют.

– Хорошо, отец.

– Почему ты сказала «хорошо»? Разве ты желаешь отде-латься от единственной дочери Роджера?

– О, нет, совсем нет. Для меня такая радость, такое сча-стье, что она живет у нас в доме.

– Ну, так держи ее в руках! Учи ее послушанию, заставляй трудиться, задавай уроки! Корми ее самой простой пищей, не приучай к роскоши и, смотри, не вздумай делать лишних расходов из-за того, что она живет у нас. Ну, теперь я все сказал. Довольно. Пойду обойду усадьбу.

– Погоди, одну минуту, отец. Разве она... маленькая До-роти... тебе надоедает?

– Надоедает ли? Вчера она разбудила меня, когда я креп-ко спал. Она пришла поздно вечером и заснула у меня на руках...

– И ты отнес ее в постель.

– Откуда ты знаешь? – спросил старик и густо покраснел.

– Я... Я догадалась. Ты бы не отпустил ее наверх одну.

– Ты подслушивала, ты подсматривала! – возмутился сэ-р Роджер. – Так я и знал! Ну, посмотри на меня, Доротей; ты хорошая, добрая; ты считаешь себя старой, но ведь ты еще

совсем не стара и, если захочешь, можешь отлично смотреть за девочкой. Если будет нужно, наказывай ее построже, если хочешь, бей ее хлыстом.

– А ты, отец?

– Я не буду вмешиваться.

– А если я не сумею воспитывать Дороти, ты отправишь ее в приют?

– Да, конечно. Там никто не удивится, что я отослал от себя дочь Роджера. Он женился на простой девушке, и ребенок вышел весь в мать.

– Нет, нет, – перебила мисс Сезиджер, – она так похожа на Роджера!

– Поступай как знаешь, Доротей, – произнес старик, – но теперь я все сказал. Ты пару раз давала мне понять, что тебе живется скучновато и однообразно. Ну, теперь скучно не будет, потому что девочка очень своенравна. Твоя обязанность – заняться ее исправлением. Она необъезженный конек, но станет покладистой, если ты сумеешь ее обуздать. Мне не хотелось бы прогонять дочь покойного Роджера, но, будь он жив, я ни за что бы и не взглянул на нее. Теперь я думаю, тебе все понятно?

– Да, отец.

– И ты будешь ее воспитывать подобающим образом?

– Я совсем не умею обращаться с детьми. Мне никогда не приходилось иметь с ними дела. Из детей я знала только... только самого Роджера. Мы с ним вместе росли, хотя я на

несколько лет старше. Но я постараюсь сделать все, что в моих силах.

– Прекрасно, только не будь с ней мягкотелой. Теперь я обойду усадьбу. У нас слишком много напрасных расходов. Это весьма расточительно! Право, можно подумать, что я богатый человек!

Сэр Роджер взял палку с большим круглым набалдашником и, слегка опираясь на нее, вышел во двор, залитый солнечным светом. Мисс Доротея наскоро заперла буфет, в котором хранился чай, прошла в свою комнату, повернула ключ в замке и вынула письмо из кармана. Она распечатала его и, прочитав несколько слов, остановилась в изумлении. Ее охватило смешанное чувство восторга и страха, муки и радости. Вот что было в письме:

«Моя дорогая Доротея!

Теперь ты приняла к себе мое маленькое, драгоценное сокровище, мою прелесть, как я всегда называю ее. И ты уверена, что твой брат лежит в могиле где-то далеко в Канаде? Между тем ничуть не бывало. Я жив. Я не вполне здоров – действительно, мое сердце разбилось в тот день, когда умерла моя дорогая жена. Я не мог вынести мысли, что мне придется увидеть ее холодное, мертвое лицо. Я бежал еще до ее смерти и распустил слух, что тоже умер.

Я оставил все необходимые указания доброй Бидди Мак-Кен, попросив ее отвезти мою Дороти в Англию и доставить

в Сторм. Моя прелесть тоже думает, что я умер. Но я хочу, чтобы ты знала: я жив. Я страстно желаю, чтобы о моей девочке заботились, чтобы ты, Доротея, смотрела за ней. Видишь ли, я отлично сознаю, что она слишком хороша для меня. На свете никогда не было ребенка добрее, смелее и правдивее! Ради нее я, так сказать, отказываюсь от жизни. Смотри, ни под каким видом, никогда не проговорись отцу, что я жив, потому что он тотчас же отошлет малышку обратно ко мне. Бог видит, как я хочу быть с ней, как я жажду, чтобы ее ручки опять обвили мою шею, а губы прижались к моим щекам. Но нет, если я начну писать о том, чего мне хочется, я потеряю последние силы.

Я вел беспорядочную, недостойную жизнь, Доротея, и разбил сердце своей бедной жены. Но Дороти не видела во мне ничего дурного, не замечала моих недостатков, и теперь она воображает, что я сделался ангелом небесным. При этой мысли я готов смеяться. Я – на небе! Как бы то ни было, теперь моя девочка с тобой, потому что добрая Бидди Мак-Кен исполнила обещание. Я отправил Бидди обратно в Канаду, поэтому нечего бояться, что она откроет мою тайну. Кроме того, она преданная, верная служанка и кормила Дороти, когда та была грудным ребенком.

Я знаю, что старик все копит и копит деньги, и когда он умрет, все его состояние перейдет сначала к тебе, а потом к маленькой Дороти. Обо мне нечего думать, да мне и не нужно ничего. Я блудный сын, это правда, но я не вернусь к отцу

с раскаянием. Я не собираюсь посыпать голову пеплом и не нуждаюсь в откормленном бычке, праздничном шуме и суете по случаю моего возвращения. Ты здравомыслящий человек, Доротея, и ты любила меня в те времена, когда наш суровый, жестокий отец обращался с нами так, как другие отцы никогда бы обращались со своими детьми. Но моя девочка верит в доброту отцов и матерей, и ее веру трудно поколебать. Во всяком случае, сделай для нее все, что можешь, и время от времени посылай мне о ней вести.

Я пишу тебе из Лондона, но не ставлю на конверте адреса. Тем не менее я принял меры, благодаря которым не вполне лишаясь возможности видеть мою прелесть. Неподалеку от Сторма я нанял комнату на одной ферме, у хозяина по фамилии Бардвел. Фамилия моей дорогой жены была тоже Бардвел, но это простое совпадение. Бардвел – фермер; он арендует у отца ферму Хоум. Я нанял у него спальню и кабинет, время от времени буду приезжать к нему подышать свежим деревенским воздухом.

Моя дорогая сестра, когда я приеду, то вывешу из своего окна в доме Бардвела маленький красный флаг. Прошу тебя, постарайся под каким-нибудь предлогом привести маленькую Дороти в такое место, где ее было бы видно из этого окна. Когда мне понадобится снова поговорить с тобой, или сообщить тебе какие-нибудь другие подробности, или попросить тебя о чем-нибудь еще, я положу письмо под большой плоский камень в сосновом лесу возле фермы Хоум. Ты, ко-

нечно, сразу найдешь его, потому что я высек на нем букву „Р“. Если ты вздумаешь написать мне, положи письмо под этот камень. Я его найду.

Смотри, будь как можно осторожнее! Я не хочу, чтобы Дороти когда-нибудь узнала, что я жил в такой нужде. Я также желаю, чтобы она получила отличное воспитание. Она милый, прелестный ребенок и, к счастью, унаследовала характер матери, а не мой. Если мои планы не осуществляются, мою прелесть заберет к себе бабушка по материнской линии. Он добр, очень честен, вообще вполне порядочный человек, но мне бы хотелось, чтобы она жила у вас в Сторме.

Твой брат Роджер».

Нет возможности описать волнение и изумление мисс Сесиджер. Она дрожала с головы до ног, потом на мгновение закрыла лицо тонкими, бледными руками и, опустив их, снова принялась за чтение. Перечитав письмо в третий раз, Доротея очень медленно поднялась, отерла пот, выступивший на лбу, и беззвучно прошептала: «Помоги мне, Боже!»

Пройдя через комнату, она открыла старинный шкафчик, в котором хранились драгоценные для нее вещицы, напоминавшие о прошлом. Там было несколько писем, перевязанных выцветшей голубой лентой, воскрешавших образ человека, давно умершего и забытого всеми, кроме этой одинокой души; воспоминания об умершей матери и несколько вещей, оставшихся от ее единственного любимого брата Роджера. Он вел непозволительную жизнь, поступал как блуд-

ный сын из библейской притчи и уехал из дому много-много лет тому назад. У Доротеи была фотографическая карточка брата, которую она не смела поставить где-нибудь на виду, а прятала в этом шкафчике. Теперь она вынула ее и долго-долго не спускала с нее глаз. Он был очень красив, строг, с красивой осанкой, со смелым лицом, таким привлекательным, что за одно это можно было его любить и отдать ему все на свете.

Мисс Сезиджер прижала карточку к губам. Горячая волна любви к Роджеру переполнила сердце, согрела все ее существо.

– Я сделаю все, что могу, – прошептала она тихо. – Это очень трудно; заботы измучают меня, я это знаю, но я сделаю все возможное для бедного Роджера!

Она заперла письмо в шкафчик, открыла дверь, села и долгое время не двигалась. Через некоторое время пришла Мэри.

– Вы не заказали обед, мисс Доротея, и... что случилось, мисс?

– Мне сегодня что-то нездоровится, Мэри.

– Приходил почтальон, – проговорила Мэри, – и принес письмо.

– Да, – мисс Сезиджер испуганно взглянула на горничную. – Да, только, пожалуйста, не говорите об этом.

– Не буду, мисс. Я не хотела бы причинить вам неприятности и очень рада, что вам пришло письмо. Надеюсь, в нем

были приятные новости?

– Очень, очень приятные, – ответила Доротея. – От души благодарю вас, Мэри.

– Но у вас нездоровый вид, мисс. Вы кушали?

– Немного.

Мэри пристально посмотрела на Доротею и быстро вышла из комнаты. Минут через пять она вернулась с чашкой горячего какао и небольшой тарелкой с бисквитами.

– Прошу вас, мисс, – сказала она. – Вы голодны. Выпейте какао и покусайте.

– Не знаю... Мне кажется, мне ничего не надо, – возразила бедная Доротея. – Ах, вы принесли три бисквита. Он увидит, что их не хватает.

– Все равно, – сказала Мэри, – вы должны кушать, не то вы заболите.

Мисс Сезиджер принялась за какао и бисквиты; Мэри стояла и смотрела на нее.

– Не стойте, Мэри, сядьте, – попросила Доротея.

– Нет, мисс, позвольте мне постоять. Я считаю, что мне неприлично сидеть в вашем присутствии, – ответила верная служанка и, помолчав немного, прибавила: – маленькая мисс Дороти настоящая прелесть, но, я думаю, с ней будет много хлопот.

Мисс Доротея глубоко вздохнула:

– Я знаю, что мне следовало бы пойти приготовить обед, но сегодня я чувствую себя очень слабой... и я так взвол-

нована! В жизни постоянно случается что-нибудь неожиданное, Мэри, постоянно. Может быть, вскоре все переменится, очень, очень переменится.

– Да, из-за маленькой мисс Дороти, – проговорила Мэри. – Но я уверена, что перемены будут к лучшему; всем нам надоела однообразная, скучная жизнь.

– О нет, – сказала мисс Сезиджер. – Однообразная жизнь – это неплохо. На душе спокойно, пока жизнь однообразна и размеренна! Волнение и неожиданности убивают.

«Боже мой, что она говорит!» – ужаснулась Мэри про себя и прибавила вслух:

– Что приготовить на обед, мисс? Все, что у нас готовится, это простые кушанья, и поэтому я могу приготовить их без вашей помощи.

– Нет, – заметила Доротея, – ведь сладкое я делаю всегда сама. Я пойду вниз и позабочусь обо всем. Что у нас на ленч?

– Только хлеб и сыр, мисс. И сыр немножко засох.

– Ничего, этого довольно.

– И еще. Вчера Карбури говорил, что если ему не будут давать мяса в середине дня, он, по всей вероятности, уберется раньше времени.

– Уберется? Что это значит? – спросила Доротея.

– Умрет, мисс.

Доротея забеспокоилась:

– У меня отложено немного денег, и я прикажу покупать мясо для Карбури.

– Будет очень жаль, если он умрет, мисс. Он такой хороший и верный слуга и так преданно служит нашему господину.

– Да, мой дорогой отец не мог бы жить без Карбури.

– Вот об этом-то я и говорю. Но он уверяет, что ему необходимо каждый день есть мясо, иначе он не выдержит.

– Ну, хорошо, позаботьтесь об этом, – сказала мисс Сезиджер. – Возьмите шиллинг. Купите все, что нужно.

– Благодарю вас, мисс.

Затем они быстро обсудили простое, или, вернее, жалкое меню. Наконец Мэри сказала:

– Маленькая мисс отказывается от молока с хлебом – она требует, чтобы ей давали на завтрак яиц и поджаренной копченой свиной грудинки.

– Где маленькая Дороти? Пошлите ее ко мне, – вдруг попросила мисс Сезиджер.

– Я пойду за ней, мисс. Я довольно давно не видела ее.

Мэри ушла из комнаты, мисс Сезиджер распахнула окно. Письмо, полученное от брата, который считался мертвым, обрушилось на бедную старую деву непосильным грузом. Сэр Сезиджер не позволил дочери носить траур после смерти брата, и теперь она радовалась этому. Мисс Доротея решила во что бы то ни стало повидаться с Роджером. Для этого ей нужно было оставить ему записку в условленном месте. Она немного беспокоилась: вдруг отец застанет их, хотя это было маловероятно. Хозяин Сторма старился и сла-

бел, силы постепенно покидали его. Доротея решила пойти на ферму, хотя это было довольно далеко.

В комнату вошла Мэри и объявила, что мисс Дороти никто не видел.

– Она говорила, мисс, что сегодня отправится путешествовать и открывать новые края. Я надеюсь, что с ней ничего не случилось.

– Я вполне, вполне уверена в этом, – ответила Доротея (в житейских делах она не была пуглива). – Вероятнее всего, что она в огороде и болтает с садовниками. Вряд ли это особенно понравится моему отцу. Он хочет, Мэри, чтобы я ее воспитала; чтобы... чтобы я приучила ее слушаться.

– Это будет совсем непросто, мисс.

– А между тем, Мэри, мне кажется, она очень хорошая девочка.

– Вот уж не знаю, хорошая ли она, – сказала Мэри, – только ее нельзя не любить: она прелестна, смотреть на нее одно удовольствие, и, хотя она часто говорит дерзости, которых в мое время не позволил бы себе ни один ребенок, она покориет сердца одним взглядом. Я называю ее прелестным ребенком, мисс, и мне кажется, она совсем не похожа на других детей.

– Да, она очень мила и не похожа на других детей, – согласилась мисс Доротея. – Только, право, не знаю, сумею ли я управлять ею.

– Что-то мне подсказывает, мисс, что это она будет управ-

лять вами.

Мисс Сезиджер обиделась. В эту минуту женщина вспомнила, что она хозяйка большого имения Сторм, и гордо вскинула голову:

– Вы забываетесь, Мэри.

– Простите, мисс, – потупилась служанка.

Мисс Доротея помолчала, потом продолжила по-прежнему приветливым голосом:

– Кстати, Мэри, вы знаете все фермы вокруг Сторма? Например, знаете ли вы фермера по фамилии Бардвел?

– Знаю ли я Бардвела? – спросила Мэри. – Знаю только по имени. Он только что арендовал ферму Хоум. Сэр Роджер долго не мог сдать ее, потому что никто не соглашался платить такую большую аренду, как он желал. Наконец, явился Бардвел. Его никто толком не знает, но у него, кажется, очень много денег. Он приехал на ферму только на прошлой неделе и живет в двух или трех милях отсюда, как раз за северным лесом.

– Я плохо помню это место, а между тем, кажется, в молодости видела ферму Хоум, – сказала мисс Доротея.

– Она совсем не понравилась бы вам, мисс, и фермер тоже. Вам не о чем было бы говорить с таким человеком, как Бардвел. Сэр Роджер тоже никогда не встречался с ним, потому что собирает арендную плату и заведует всеми фермами управляющий, мистер Хэзелтон. Да, правда, ферма Хоум милях в двух с половиной отсюда. Вы помните сосновый лес,

мисс? Вы и ваш брат мистер Роджер взяли меня туда один раз, когда я только что поступила к вам. Ах, бедный молодой господин! Он как будто стоит перед моими глазами. Разве вы не помните, мисс, как сидели вместе с ним на плоском камне, на самой опушке соснового леса? И мистер Роджер так весело болтал, смеялся. Сложил костер и повесил над ним котелок. Меня еще тогда послали за свежей водой, и я побежала.

– Конечно, помню, – вздохнула Доротея. – Да, я сидела на плоском камне. Сохранился ли он?

– Конечно, он до сих пор там, но не все ли равно? Ведь в ферме Бардвела нет ничего интересного. Я очень рада, мисс, что вы съели бисквиты и выпили какао. Вы немного посвежели.

– Теперь ступайте и постарайтесь найти маленькую Дороти, – сказала Доротея.

Глава V

Старая-молодая

В это утро у старого сэра Роджера нашлось много занятий. Он сделал суровый выговор обоим садовникам – Петерсу и Джонсону. Множество сорных трав оказалось там, где им быть не следовало. Грядки садовой земляники и клубники тоже были в беспорядке – садовники забыли закрыть их сетками, и птицы безжалостно истребили самые крупные ягоды. Обыкновенно сэр Роджер продавал всю землянику. Невдалеке от Сторма был большой торговый город, где охотно покупали ягоды и плоды, поспевавшие в этой усадьбе, платили за них большие деньги. Сам Сезиджер никогда не дотрагивался до этих вкусных вещей, уверяя, что находит их вредными для здоровья. Но в этот день, в силу какой-то странной причины, он сорвал небольшой капустный лист и положил на него около дюжины лучших крупных и сочных ягод. Он рвал их, когда на него никто не смотрел или, по крайней мере, когда ему казалось, что никто за ним не наблюдает. Наклонившись над грядкой, он почувствовал, что ему вдруг стало очень душно. Он нелепо выглядел в огороде, сам отдавал себе в этом отчет, но все-таки продолжал торопливо собирать ягоды.

– Ягоды и плоды полезны детям, – сквозь зубы бормотал

старик. – Но я ни в коем случае ничего не скажу Доротее.

Сезиджер отнес ягоды в старую покосившуюся беседку, снова вышел из нее и продолжил обход усадьбы, браня слуг и проводя таким образом утренние часы. Как уже было сказано, сэра Роджера всегда завтракал ровно в девять часов. Скудная закуска подавалась минута в минуту в назначенное время. Ленч накрывался ровно в половине второго.

Сэр Роджер считал, что такая аккуратность необходима для сохранения здоровья. В двадцать пять минут второго он пошел домой, оставив землянику в беседке. Сезиджер вымыл руки, причесал волосы и вошел в столовую. Старик увидел мисс Доротеею, но маленькой Дороты с ней не было.

– Где девочка? – спросил он. – Я не разрешаю ей с нами ужинать, но почему бы ей теперь не быть здесь? Где она, Доротейя?

– Не знаю, – ответила мисс Сезиджер.

– Ты не знаешь? Неужели ты все утро не видела ее?

– Нет.

– Ты ее искала?

– Да, отец, искала и посылала искать Мэри. Но Дороты нет в саду. Во время завтрака она сказала Мэри, что отправится путешествовать. У нее очень пытливый ум.

– Я ненавижу таких детей! – рассердился старый сэра Роджер. – Она не должна себя так вести! Доротейя, чем больше я смотрю на тебя, тем сильнее убеждаюсь, что ты не сумеешь воспитать эту маленькую своенравную девочку, у кото-

рой чересчур пытливый ум! Мне придется поместить ее в приют или в какое-нибудь закрытое заведение. Я просмотрю объявления и выберу недорогой пансион с такой платой, которую я мог бы вносить. Больше ничего не остается. Дороти – дурной, непослушный, своенравный ребенок. Но я удивляюсь тебе, Доротея. Ты не можешь справиться с таким ничтожным, крошечным созданием!

– Я очень беспокоюсь о ней. Представить не могу, куда она убежала, – попыталась оправдаться Доротея.

– Ну, довольно, довольно, – перебил ее отец. – Ты беспокоишься? Да мне до этого дела нет. Садись и ешь ленч. Мне неприятно, что ты стоишь, сам я стоять не могу, устал. Я все утро бродил по усадьбе.

Старик съел хлеба с сыром и выпил стакан очень жидкого пива. Доротея есть не могла. Завтракая, сэр Роджер обсуждал недостатки своих слуг, жаловался, что садовники плохо ухаживают за фруктовым садом, который теперь дает только половину прежнего дохода.

– В это время года, – ворчал он, – мы должны были бы жить на доходы от продажи плодов и ягод. Деньги, собранные за них, могли бы покрывать все наши издержки и еще давать нам возможность откладывать кое-что. Мне тяжело видеть, как все у нас растрачивается без пользы.

– Дедуля, я вернулась! – прозвучал веселый голос, и через открытое окно в комнату вскочила маленькая Дороти.

На белом платье виднелись пятна, черные волосы растре-

пались, и на щеке красовалась глубокая царапина.

– Здравствуй, милая тетя, – поздоровалась она, удостаивая взглядом свою немолодую родственницу, и с разбега прыгнула, по обыкновению, на колени к деду.

– Ого, – только и вымолвил он, – вы довольно-таки бесцеремонны, маленькая мисс.

– Ну, конечно, ведь я же тебя не боюсь, дедуля, нисколько не боюсь. Пожалуйста, не воображай, что ты можешь меня испугать.

– Да уж я вижу, маленькая мисс.

– Не называй меня «маленькая мисс», мне это не нравится.

– Ну, хорошо, Дороти.

– Вот это другое дело, – удовлетворенно кивнула девочка. – Обними меня так, чтобы мне было хорошо и удобно. Я чуточку устала.

– Лучше сядь-ка на свой собственный стул, маленькая мисс.

– Опять «маленькая мисс»? – Дороти погрозила маленьким пальчиком.

Темные глаза деда смотрели в очень темные глаза ребенка. Старое лицо нахмурилось. Пальчик Дороти двинулся вверх и разгладил морщину на лбу сэра Роджера.

– Вот так-то лучше. Теперь ты хорошенький. Поцелуй меня. Хочешь?

– Совсем не хочу.

– Отлично. Я никогда не целую людей, которым не нужно моих поцелуев. Тетя Доротея, ты хочешь поцелуй?

– Я хочу, чтобы ты села спокойно, – сказала мисс Доротея, – и не беспокоила дедушку.

– Она не мешает мне, Доротея, – отозвался сэр Роджер. – Пожалуйста, будь так добра, встань и позвони.

Мисс Сезиджер исполнила просьбу отца. На звонок пришел Карбури.

– Сейчас же подайте прибор для мисс Дороти, – приказал старик.

– Прибор – это значит тарелка, нож, вилка и стакан для воды? – спросила Дороти. – Да? Потому что если «да», то мне этого не нужно, Карбури, так как я сыта.

– Что ты хочешь сказать? – оторопел старик.

– Меня накормили у мистера Персела. Он очень милый человек. Жена дала мне отличный завтрак, там было всякое мясо и... и луковицы. Я очень люблю лук. А ты, дедуля?

– Нет, это простонародное кушанье.

Карбури постоял немного и решил, что лучше тихонько выйти.

– Дороти, – обратился к девочке сэр Роджер, – как ты посмела напрашиваться на обед у одного из моих арендаторов?

– Меня пригласили, – невозмутимо ответила Дороти. – Видишь ли, славный-преславный кролик Бенни сломал лапку. Тут пришел мистер Персел и вынул его из ужасной западни. Теперь он лечит кролику лапку, а потом отдаст малень-

кого Бенни мне. Это будет мой кролик, мой собственный. Я позволю ему спать на моей постельке и буду целовать его. Он-то уж будет рад, что я его целую, как были рады папа и мама. И жена дала мне отличный обед и угостила меня такими вкусными луковицами...

В эту минуту тетя Доротея быстро встала и тоже вышла из столовой.

– Хорошо, что она ушла, – облегченно вздохнула маленькая Дороти.

– Почему ты это говоришь? – спросил сэр Роджер, который сам был доволен, что дочь ушла, и сильнее прижал внучку к себе.

Она подняла головку, черные глаза девочки смеялись:

– Потому что при тете ты боишься говорить то, что по-настоящему думаешь.

– Я ничего не боюсь.

– Ну, значит, ты такой же, как я: меня нельзя испугать. Мне не нравится страх, и я не знаю, что это такое. Только все-таки, дедуля, ты говоришь не совсем правду. Не совсем, потому что ты боишься тети Доротеи.

– Не говори глупостей, маленькая Дороти. Уж конечно, я несколько не боюсь ее. С какой стати я должен бояться собственной дочери? Неужели это похоже на меня?

– А все-таки боишься, – поддразнивала Дороти.

– Не боюсь! И перестань спорить со мной, это невежливо. Маленькая девочка должна многому научиться, и я по-

просил твою тетю учить тебя. Прежде всего, она выучит тебя слушаться.

– О! – в ответ Дороти весело засмеялась, а глаза у нее так и заблестели.

– И она будет тебе давать различные уроки.

– Ну и хорошо, – согласилась Дороти. – Учите, чему хотите. Я проглочу все, все посажу к себе в голову и буду беседовать с тобой об уроках. Mamочка учила меня разным чудесным вещам, а также мой дорогой папа. Учиться я хочу, но слушаться... Нигде в библии не сказано, что нужно слушаться теток: там говорится, что нужно слушаться мать и отца, о тетках же ничего не написано. Лучше учи меня сам, дедуля. Тебя я, пожалуй, буду слушаться, самую чуточку.

– Ну, пойдем гулять, – старик старался спрятать от внучки улыбку.

Он взял маленькую ручку и провел Дороти до беседки, в которой на свежем капустном листе лежала земляника. Едва они вошли в полуразрушенный, покосившийся домик, Дороти стала усиленно принюхиваться.

– Что за чудесный запах? Не понимаю, чем это пахнет?

Старик волновался, щеки его покраснели, глаза заблестели.

– Ах, знаю, знаю! – закричала девочка, заметив лист, а в нем крупные сочные ягоды. – Дедуля, ты положил их здесь для меня?

– Гм, да. Положил-то для тебя, только вот такая непо-

слушная девочка их не получит...

– Я буду сидеть у тебя на коленях и лакомиться, – перебила Дороти. – Знаешь, дедушка, я чуточку устала, потому что ходила очень далеко. И мне ужасно хочется пить. Посмотрим... Нужно сосчитать: одна, две, три, четыре, пять... Целых одиннадцать! Что за прелесть! Какие крупные! Дедуля, скушай вот эту.

– Нет, я никогда не ем ни плодов, ни ягод.

– Ты должен, должен, и ты скушаешь. Ну, пожалуйста, дедушка, миленький, пожалуйста.

Но старые губы не разжимались, а молодому роту хотелось ягод. Кончилось тем, что Дороти сама уничтожила всю землянику. После этого она откинулась, с удовольствием прижалась к деду, поглаживая его костлявую руку.

– Я люблю тебя больше всего на свете, – проворковала она.

Много лет прошло с тех пор, как старый сэр Роджер Сезиджер слышал такие слова. В первое время после свадьбы его жена говорила, что горячо любит его. Сын два или три раза старался доказать свою любовь. Но в общем старика было трудно полюбить. Даже любовь леди Сезиджер скоро угасла, потому что муж был так же скуп на ласку, как и на деньги. И вдруг теперь искрящееся энергией, бесстрашное дитя ворвалось в его жизнь, и маленькая курчавая внучка говорила, что любит его. После этих слов старик точно посвежел и помолодел. Неужели он убьет и ее любовь? Глядя на чернокудрую

девочку, он удивлялся и никак не мог понять, почему она его совсем не боялась, почему, в то время как все старались отшатнуться, она радовалась его приближению и звала к себе.

После завтрака он нередко ложился поспать, а в это утро много ходил и двигался, что утомительно для старого человека. Но сегодня ему спать не хотелось. Он невольно крепче обвил руками маленькое существо. Детские губы, еще красные от сока земляники, прижались к морщинистой щеке, и будто что-то горячее, сладостное и волшебное коснулось старого сердца.

– Тебе очень приятно, когда я тебя целую, правда, дедуля?

– Мы не будем об этом говорить.

– Вот и отлично. Я люблю секреты, – заметила Дороти. – И ведь, правда, ты сам будешь учить меня, дедушка? Лучше учи меня ты, а не тетя Доротея, хотя ее я тоже очень люблю.

Несколько минут Дороти сидела молча, обдумывая пришедшую в голову мысль.

– Я хочу, чтобы тетя Доротея стала счастливой, – наконец высказалась девочка. – Мы с тобой могли бы ей в этом помочь. Как ты думаешь? Правда, могли бы?

– Твоя тетя Доротея вполне довольна и совершенно счастлива, – сухо ответил сэр Роджер, которому был неприятен такой поворот беседы. Ему нравилось тайком баловать маленькую Дороти, но совсем не хотелось, чтобы Доротея принимала в этом участие.

– Ей нужно много новых вещей, – продолжала Дороти, не

обратив ни малейшего внимания на его последнее замечание. – Ей нужны платья, такие, как были у моей мамы. Ма-мочка была такая хорошенькая! Как жаль, что ты не видел ее. Ты бы ее полюбил. А вот папа... Но он был совсем ты, только молодой; ты – только не сторбленный и без морщин на лбу; ты – только с веселым лицом; ты – если бы ты говорил быстро, весело и так, чтобы всех насмешить. Вот какой был мой папа. А теперь он и моя мамочка живут на небесах. У меня остался ты один, дедушка, и, конечно, тетя Доротея тоже. Но я люблю тебя больше, гораздо больше, чем ее. А потому я тебя еще раз поцелую, и, пожалуйста, позволь мне пойти во фруктовый сад и есть столько земляники, сколько мне захочется. Знаешь, прямо с грядки!

Через несколько минут тетя Доротея увидела маленькую фигурку в сильно испачканном белом платье, наклонившуюся над грядкой земляники. И разглядела сторбленного, очень старого человека, ходившего взад и вперед в том месте фруктового сада, где, как он думал, его было видно меньше всего. Она улыбнулась, но ничего не сказала. Мисс Сезиджер в это время сидела за своим письменным столиком и писала ответ на таинственное и удивительное письмо, которое пришло к ней в это утро. Она собиралась сама пройти через северный лес и положить запечатанный конверт под камень, на котором была высечена буква «Р». Ведь это был тот самый камень, у которого она и Роджер веселились во время устроенного ими пикника в старые добрые времена.

Письмо брата сильно встревожило ее и в то же время очень обрадовало. Прежде всего, теперь ей не нужно было плакать о Роджере, думая, что он лежит в могиле. Уже это одно бесконечно радовало ее. К тому же между ней и Роджером завелась тайна. Бедная мисс Доротея вела такую скучную, ничем не наполненную жизнь, что «секрет» был для нее целым громадным достоянием, целым мирком. Ее совершенно не заботило, в чем провинился брат, какие проступки он совершил. Она уже давно простила ему, что он женился, как выражался отец, «на девушке, стоявшей ниже его», и что он вел рассеянную жизнь блудного сына. Говоря правду, библейский блудный сын уже давно был для мисс Доротеи любимым образом в притчах. Она читала рассказ о нем со слезами и, произнося святые слова, представляла на месте персонажей своих близких. Она часто видела во сне возвращение блудного сына, нередко представляла его себе нуждающимся, нищим и униженным; но больше всего любила мысленно рисовать себе его раскаяние и веселье, начавшееся в доме в честь примирения с ним. И между тем в эти минуты ее охватывала тревога: она невольно сравнивала евангельского отца со старым сэром Роджером Сезиджером и подозревала, что возвращение ее собственного заблудшего брата не будет сопровождаться радостью и ликованием, и уж тем более старик не прикажет ради этого заколоть откормленного бычка.

Теперь, когда она писала молодому Роджеру, ее опасения немного улеглись. Она, конечно, совсем не желала, по край-

ней мере сейчас, чтобы брат вернулся в Сторм. Но она во что бы то ни стало решила повидаться с ним. Брата и сестру связывала девочка, склонившаяся над земляничными грядками во фруктовом саду. Это существо в испачканном белом платице превращало связь между ними в неразрывную цепь.

«Дороти должна соединить всех нас», – мысленно сказала себе Доротея.

В эту минуту она не думала об отце, всей душой стремясь лишь встретиться, поговорить с братом, может быть, крепко расцеловать того, кого она столько раз представляла себе мертвым.

Пока бедная Доротея писала письмо Роджеру, она чувствовала себя и счастливой, и печальной. Она сознавала, что ей нужно быть очень осмотрительной, и мысль об осторожности занимала ее. Мисс Сезиджер написала немного слов, стараясь в них скорее скрыть, чем выразить свои чувства.

«О, как я счастлива», – начала было она письмо, но вскоре заменила эту фразу совсем другой. «Благодарю тебя за письмо. Я очень удивилась. Сделаю все, что ты хочешь. Малышка здорова. Люблю тебя по-прежнему». Впрочем, последние слова она тоже заменила: «Я по-прежнему думаю о тебе». В конце письма Доротея поставила что-то вроде иероглифа, который должен был заменить подпись.

Сочинив письмо, мисс Сезиджер переписала его, постаравшись изменить свой обычный почерк, – буквы выглядели так, как будто их написала сильно отставшая в учении де-

вочка. Потом сложила листок бумаги и спрятала в конверт, на котором не написала адреса. Конверт Доротея заклеила и спрятала в шкафчик. Завтра она пойдет в северный лес. Да, да, дойдет до самой опушки и положит письмо под плоский камень!

Окончив приготовления, она откинулась на спинку стула и глубоко вздохнула. Как раз в эту минуту Дороти, для которой не существовало никаких преград, ворвалась в комнату. Платице девочки было довольно сильно испачкано еще во время утреннего путешествия, теперь же оно пришло в полную негодность и могло бы послужить настоящим позором для Сторма. На нем виднелись большие красные пятна: неосторожная лакомка опускалась на спелые ягоды земляники, не замечая, что давит их. Вдобавок к пятнам платье было порядочно разорвано. Лукавое личико тоже было перепачкано соком ягод, в руках девочка держала букет прелестных роз.

Тетя Доротея медленно и неохотно поднялась:

– Милая Дороти, что с тобой? Ты не должна так пачкать и рвать платье. Что ты делала?

– О, ничего, милая тетя, – ответила Дороти, – я всего лишь набивала рот земляникой. Дедуля сказал, что я могу есть землянику; то есть, по правде говоря, он ничего не сказал, но я ела ягоды, а он смотрел. И вот, тетя, я нарвала для тебя роз. Вот они. Я бы принесла и земляники на капустном листе, только дедуля сказал, что ты ее не любишь, что от ягод

у тебя болит желудок. Болит, тетя Доротея?

– Нет, дитя мое, но это неважно. Лучше пойди-ка теперь в детскую и попроси Мэри переодеть тебя в чистое платьице.

– Ну что там платье! – отмахнулась Дороти. – Мне нужно поговорить с тобой, тетя. Можно мне сесть возле тебя? Нам будет так хорошо, уютно, и я положу руку тебе на колено.

– Я не могу разговаривать с девочкой, у которой такое грязное лицо и испачканное платье. Пойди и переоденься.

– Хорошо, пойду.

Дороти дошла до двери, но остановилась у порога, повернулась и с легкой обидой сказала:

– Ты меня не поблагодарила за розы.

– Правда, не поблагодарила. Большое тебе спасибо, Дороти. Но скажи мне: дедушка позволил тебе рвать их?

– Конечно, нет. Я не могу вечно просить у него позволения.

– Тогда не рви больше для меня цветов. Я не хочу, чтобы ты их приносила.

– Я постараюсь вернуться как можно скорее. – И Дороти захлопнула за собой дверь.

«Как бы мне хотелось выказать всю любовь, которую я чувствую к этому ребенку, – оставшись одна, подумала бедная мисс Сезиджер. – Но тогда она совершенно отобьется от рук! Как я буду учить ее? Боже мой, ведь я позабыла все, чему училась раньше, а Дороти так остроумна, так сообразительна! Она такая маленькая, между тем уже видела много

людей, видела жизнь, я же никогда не знала ни того, ни другого. Вот что сделаю: отыщу свои старые учебники и немного почитаю. У меня чувство, будто я заржавела, покрылась плесенью. Как научить ее послушанию? Мне кажется, придется ее наказывать, если не будет исполнять то, что я велю. Но она такое прелестное, бесстрашное существо... И ведь она дочь Роджера, с его лицом, только более светлым, бодрым, смелым, более правдивым. Бедный, бедный Роджер! Я ни на минуту не хочу допустить мысли, что он нечестен, но ведь мы жили в постоянном страхе, а маленькая Дороти даже не понимает, что значит слово *бояться*».

– Вот и я, тетушка. Теперь я выгляжу получше, правда? – спросила Дороти.

На ней красовалось чистое белое платье. Очевидно, у нее было множество белых свежих платиц. Мисс Доротея никогда не спрашивала, сколько вещей у девочки. Личико Дороти вымыли, и на нем не осталось пятен; розовые щечки так и горели, в черных глазах блестело веселье.

– Ведь ты же не будешь давать мне уроков, тетушка? – спросила Дороти.

– Видишь ли, дорогая, мой отец, а твой дедушка, хочет, чтобы я учила тебя.

– Но ведь это совсем не обязательно!

– Нет, обязательно, дитя мое, это очень важно. Тебя кто-нибудь должен учить.

– О, конечно. Я только думала, что ко мне каждый день бу-

дет приходиться какой-нибудь учитель, хороший учитель, который научит меня латинскому, греческому языку и всему, что знают умные-преумные люди. Мне совсем не нужно детских уроков. Моя мамочка учила меня, как учат маленьких детей, и я могу хорошо говорить по-французски. Говоришь ли ты по-французски, тетя? – и девочка перешла на французский язык.

Мисс Доротея покраснела:

– Не очень хорошо.

– Ну, так я буду учить тебя французскому языку, – решила Дороти, – буду тебе ставить баллы и, если ты станешь плохо учиться, сделаюсь строгой. Правда, весело?.. И это очень поможет мне. Ты будешь громко читать по-французски, спрягать глаголы и все такое.

Маленькое создание низко грациозно присело.

– Ты умеешь танцевать менуэт, тетушка? – опять поинтересовалась Дороти. – Потому что, если ты не умеешь, я могу поучить тебя.

– Нет, дитя мое, меня никогда не учили танцам.

– Как это странно и смешно! Вот мамочка танцевала, и так красиво, так хорошо! Я могу выучить тебя танцевать. Хочешь, сделаем так, тетя: я буду учить тебя французскому языку и танцам, а ты меня ужасному английскому и истории. Один день ты будешь моей учительницей, а другой – я твоей, подумай, как весело! Хочешь? Итак, ты будешь слушаться меня в мой день, а я тебя – в твой день. Ну, как ты думаешь,

тетушка Доротея?

Мисс Сезиджер обвила девочку рукой:

– Это совсем никуда не годится, дитя мое, потому что мне уже поздно учиться.

– Ой, какие пустяки! Ведь ты же не настолько старая! Ну, разве ты встречалась с королевой Елизаветой? Ведь нет?

– Конечно нет, дорогая. Ведь я и вправду не очень старая.

– Но ты старше моего папы?

– Немножко старше.

– Вот что, – сказала Дороти, задумчиво глядя на тетку. – Вот что я думаю о тебе: ты «старая-молодая». Вот мой папа был молодой. И ты могла бы, если бы только начала опять учиться, если бы я давала тебе уроки французского языка и уроки танцев. И как было бы хорошо, если бы ты стала меня слушаться, тебе бы это пошло на пользу. Я заставила бы тебя работать изо всех сил. Тебе пришлось бы гулять, болтать, играть на рояле. Ты умеешь играть, бедная тетя?

– Прежде, в мое время, меня считали хорошей музыкантшей.

– Ну, если ты хорошо играла прежде, значит, ты хорошо играешь и теперь. Играй, а я буду петь. Я знаю много замечательных песенок, и французских, и английских, и прежде пела их с мамой. И потом, тебе обязательно нужно носить новые модные платья...

– Дороти, у нас нет денег, чтобы купить их.

С минуту Дороти стояла неподвижно и что-то обдумыва-

ла.

– У меня есть полкроны, – наконец произнесла она, – этого довольно? Как ты думаешь? Если ты в течение двух недель будешь хорошо учиться, я отдам тебе эти деньги. Послушай, тетушка, ведь ради этого стоит поработать? А? Ведь правда? Ну, а ты, что ты дашь мне в награду, если две недели я буду очень хорошо учиться?

– Подожди, Дороти! Ты совсем сбива меня с толку. Послушай, ты не можешь меня учить. Это я буду давать тебе уроки. Завтра в десять часов утра мы приступим к учебе.

Дороти покачала головкой и ласково улыбнулась: – Ты немножко упрямая, тетя Доротея, и мне придется побороться, чтобы тебя переупрямить. Только, пожалуйста, не рассчитывай, что я брошу свою затею! Проговорив эти слова, Дороти стала отступать к двери, улыбаясь своей лукавой, веселой улыбкой, и так и вышла из комнаты.

Глава VI

Три прибора

– Пожалуйста, оденьте меня к ужину понаряднее, Мэри, – попросила Дороти.

– Но ведь вы поужинаете, дорогая моя, и ляжете спать.

– Я хочу поужинать с дедушкой и тетей, – заявила девочка. – Какое платье вы бы посоветовали мне надеть, Мэри?

– У вас много нарядных платьев, маленькая мисс, и я до сих пор не все вынула из ящиков.

– Я выберу одно из самых лучших, чтобы оно понравилось дедушке, – решила Дороти.

Минуты две она сосредоточенно что-то обдумывала, потом ее глаза заискрились, и на лице отразился восторг.

– Вспомнила! У меня есть голубое, очень мягкое платье, знаете, такого же цвета, как незабудки. Его-то я и надену.

– Но ведь вы носите черное, вы в трауре по вашим родителям, дорогая.

– Черное? – удивилась Дороти. – Я не ношу черного. Я всегда в белом.

– Белое – тоже траур, – объяснила Мэри, – маленькому ребенку, который потерял обоих родителей, не годится ходить в голубом, мисс Дороти, право, не годится.

Дороти повернулась и посмотрела на Мэри с глубоким

изумлением.

– Я не понимаю вас. Пойдите вниз и накройте стол к ужину. Я знаю, что вам приходится слишком много работать. Мне нужно поговорить с дедулей, и он пригласит в помощь вам множество слуг. Не беспокойтесь, ждать осталось совсем недолго, и вам нужно будет только ухаживать за тетей Доротеей и за мной. Теперь я придумываю новые платья для тети. Ей нужно много, много платьев. Идите, милая Мэри, оставьте меня одну.

– Но ведь вы не сможете застегнуть платьице, мисс.

– Ну, я как-нибудь это устрою.

У девочки было решительное личико, а времени до ужина оставалось совсем немного. Мэри знала, что опаздывать нельзя ни на минуту, поэтому служанка так и полетела вниз готовить кушанья. В коридоре она встретила Карбури:

– Дороти еще совсем крошка, а между тем она так настойчива и так обезоруживающе мила, что я ради нее готова в огонь и в воду.

– Уж если сказать правду, – шепотом заметил Карбури, – наш господин так любит ее, что, мне кажется, сделает все, чтобы только угодить ей.

– Да уж, ему придется прямо сегодня кое-что для нее сделать, – улыбнулась Мэри, – потому что она велела подать на стол третий прибор. Подумать только: крошка, которой нет еще и семи лет!

– Я поставлю для нее прибор, только если прикажет сэръ

Роджер.

– Вот увидите, мистер Карбури, – со смехом отозвалась Мэри. – Вам придется принести прибор.

– Да что и говорить. Все может быть! – ответил Карбури. – Я этому не слишком удивлюсь после того, что мне рассказали Петерс и Джонсон.

– И что же они вам рассказали? – поинтересовалась Мэри.

– Да как же, она была в грядках земляники! Представляете? Для нее было приказано снять сетки, и она собирала столько ягод, сколько ей хотелось, а старик бродил кругом, смотрел и то и дело весело смеялся. Он велел Петерсу и Джонсу заниматься своими делами и уйти в другую часть фруктового сада. Но, конечно, они продолжали глазеть издали, смотрели и дивились. С тех пор как в Сторм приехала маленькая мисс, чудесам нет конца!

– Вам придется поставить для нее прибор к обеду, вот увидите! Ну, я побегу жарить рыбу, – заспешила Мэри. – Это самая дешевая рыба, которую мы только могли достать, но я точно знаю: наш господин найдет, что я за нее заплатила слишком дорого!

Между тем Дороти в детской была сильно занята. В свои семь лет она уже действительно многое видела, встречалась с людьми самых различных классов общества и все пропускала сквозь свое чистое, невинное детское сердечко, глядя на мир счастливыми открытыми глазами. Она проходила мимо зла, не касаясь его, и всюду с восторгом замечала добро и

счастье. Правда, она рано лишилась отца и матери, но для девочки они продолжали жить. Ее дорогая мама и горячо любимый папа любили голубое платье цвета незабудки, и ей хотелось надеть его в этот вечер.

Поэтому она рылась в вещах, приводя все в ужасный беспорядок, и наконец нашла-таки платье светло-голубого цвета, сделанное из очень нежной, мягкой, воздушной материи. Дороти выбрала также маленькие голубые ажурные чулки и голубые сафьяновые туфельки; отложила их в сторону, потом причесала щеткой темные курчавые волосы, опять вымыла лицо и руки и наконец оделась.

Но когда платье уже было накинуто на плечи, начались затруднения. Оно застегивалось сзади, и Дороти никак не могла достать до крючков и петель. Что тут было делать? Она собиралась войти в гостиную без пяти минут семь, то есть в то время, когда там появлялась тетя Доротея. Нельзя было терять ни минуты. И девочка решила, что можно обратиться за помощью только к одному человеку. Потревожить Мэри, занятую в кухне, она не хотела, не хотела также мешать и Карбури, накрывавшему на стол. Не бежать же далеко, в комнату тети Доротеи? А вот дедуля! Ведь его спальня совсем близко.

Она побежала по коридору и постучала в его дверь.

– Кто там? – спросил недовольный и удивленный голос.

– Это я,пусти меня, дедуля.

– Тебе нельзя войти, Дороти. Сейчас же уходи.

– Это очень важно, дедушка! Нужно, чтобы кто-нибудь застегнул мне платье.

– Я сказал, уходи, Дороти! Пусть Мэри застегнет тебе платье.

– Она готовит нам ужин. Дедуля, я вхожу!

– Нет-нет, уходи.

Дверная ручка тихонько повернулась. Дверь отворилась на дюйм, и маленькое, сияющее личико заглянуло в комнату. Старый сэр Роджер только что окончил бриться и стоял в жилете, собираясь надеть свой старый сюртук.

– Ах, ты прекрасно выглядишь! – одобрила Дороти. – И как ты напоминаешь мне моего папу! Пожалуйста, застегни мне платьице.

Она быстро, одним прыжком подскочила к нему и повернулась спиной.

– Дитя мое, я, право, не знаю, что мне делать... И почему ты не послушалась меня и вошла в комнату?

– Дедушка, пожалуйста, застегни мне поскорее платьице и поторопись: мне холодно, у меня мурашки по спине бегают.

– Зачем ты надела это платье?

– Как зачем? Чтобы быть нарядной! Ведь я буду ужинать с тобой, дедуля. Ну, становись же на колени и застегни платье. Поскорее, поскорее!

– Конечно, я попробую, но я совсем не знаю, как это делается.

– Ах, какой ты непонятливый, дедуля, ты настоящий гу-

сенок! Ну, разве ты не видишь крючков? Разве не видишь петелек? Нужно просовывать крючки в петельки, только и всего. Я уверена, что смогла бы застегнуть твое платье.

– Извольте стоять смирно, маленькая мисс. Да не вертись же так, Дороти! Ну, хорошо. Теперь готово. Я застегнул платье; правда, не очень хорошо, но все-таки оно держится.

– Оно застегнуто очень плохо, дедушка, но, будем надеяться, что завтра вечером ты застегнешь получше.

– Нет уж! Я не собираюсь больше его застегивать. Все, уходи. Сегодня ты больше не сойдешь вниз.

Дороти отступила на несколько шагов, прислонилась к одной из ножек большой кровати и прямо посмотрела деду в лицо:

– Я сойду вниз с тобой. Я нарядная-пренарядная, и знаю, что на самом деле ты шутишь и тебе очень приятно быть со мной. А погляди-ка, какие у меня миленькие туфельки? Ну, не прелесть ли они? Как ты думаешь, дедушка, я достаточно нарядна?

– Я нахожу, что ты самая странная, самая непослушная, самая...

– «Милая», скажи «милая» в конце, – подсказала Дороти. Старый сэр Роджер не произнес слова «милая», но морщины на его лице разгладились. Он быстро надел сюртук, потому что часы пробили семь.

– Теперь возьми меня за руку, – приказала она. Через минуту они рядышком вошли в гостиную.

Мисс Доротея, одетая в свое привычное выцветшее платье, стояла возле окна на привычном месте, в привычной позе. Увидев отца и маленькую Дороти, она вздрогнула от неожиданности. Карбури тоже увидел их и скорее вылетел, чем вышел в столовую; быстро-быстро он поставил прибор «для маленькой мисс» и потом доложил, что ужин подан.

– Поставлено три прибора, Карбури? – спросила Дороти приветливым, ласковым голоском.

– Да, мисс Дороти, три прибора.

– Пойдем, дедуля, – Дороти взяла мистера Сезиджера под руку. – Я отведу тебя в столовую. Тетушка, милая, пожалуйста, иди вперед.

Глава VII

Бидди Мак-Кен

Маленький ребенок, который поездил с родителями по всему земному шару, сильно отличается от других детей. Он гораздо понятливее их. Если же это маленькое существо обладает по-настоящему чистым, доверчивым сердцем, встречи и знакомства с людьми различных положений и характеров не портят его.

С тех пор, как Дороти себя помнила, и почти до семи лет она встречалась с самыми разными людьми – и с очень хорошими, и с очень дурными. Последний год своей бродячей жизни она прожила в Канаде. Ее родители переезжали из города в город, из одного поселка в другой. Иногда у них бывало много денег, иногда жили почти впроголодь. Временами ее отец бывал необычайно мил и добр. В такие дни он смеялся и шутил, рассказывал смешные истории, уверял, что дочь пробралась в его сердце и заняла там самое лучшее место, что ничто на свете не заставит его оторваться от любимой девочки. Словом, что она – его бесценное сокровище, его единственная радость и любовь. Но через неделю он совсем менялся, почти не замечал Дороти, приходил домой смущенный, нервный и иногда (хотя девочка не особенно замечала это) больной. Он страдал непонятной для Дороти болезнью,

заставлявшей горько плакать ее мать.

Во время приступов этой болезни девочка никогда не видела отца. Он обыкновенно запирался в своей комнате, и только порой, проходя на цыпочках мимо дверей, она слышала его выкрики, странные сердитые слова, которых совсем не понимала. Пока он болел, мать оставалась отрешенной, печальной и встревоженной. Когда матери было особенно грустно, она сажала Дороти на колени и с нежностью крепко прижимала ее к себе, позволяя тихонько сидеть и целовать себя, сколько угодно.

Мать никогда не делилась с дочкой тем, что ее смущало и мучило, да и сама Дороти ни о чем не спрашивала. Девочка глубоко верила в Бога и доверяла людям. Испортить ее было очень трудно. Она оставалась маленькой белоснежной маргариткой, грязь и сор жизни не могли ее запятнать. Дороти пользовалась всеобщей любовью и лаской, потому что всегда держалась с достоинством, была бесстрашной и очаровательной. Кроме того, она была красива и приветлива. Ее никто не бранил – трудно было обратиться к ней с выговором, глядя в ясные серьезные глаза, искренние и вместе с тем часто такие веселые, смотрящие людям прямо в душу.

Тяжелые времена для семьи наступили, когда Дороти шел седьмой год. Мать серьезно заболела. Это произошло, когда они в очередной раз обеднели. Девочка привыкла к резким переменам их благополучия, к временам нужды, когда приходилось внезапно съезжать из роскошного дома туда, где у

них не было даже самого необходимого.

Когда мать заболела, отец выглядел очень усталым, но казался вполне здоровым. Однажды вечером Сезиджер о чем-то долго разговаривал со своей женой. Он вышел из ее комнаты побледневший, с красными глазами. Можно было подумать, что он плакал. После этого он прошел в столовую, позвал Дороти и посадил к себе на колени.

Она сидела очень спокойно. Ее обнимала рука отца, и девочке было, как она выражалась, «уютненько». Она считала, что все в их жизни идет своим чередом и нет поводов для беспокойства. Дороти была уверена, что мама скоро поправится, отец будет счастлив и весел и в доме появится много денег, нарядных платьев и всевозможных хороших вещей. Она не придавала деньгам большого значения. Она уже не раз убеждалась, что на смену несчастьям и печали всегда приходит радость. Но в этот раз, когда девочка сидела на коленях у отца, который все молчал и молчал, ее сердечко тревожно забилося.

– Твоя мамочка нездорова, Дороти, – вымолвил он наконец.

– Нездорова, папа. Но ведь доктор скоро вылечит ее, правда, папа?

– Не знаю, – мрачно отвечал Сезиджер. – Кажется, этот врач не может нам помочь. Нужно посоветоваться с кем-нибудь еще.

– Давай посоветуемся с Иисусом Христом, – спокойно

предложила Дороти.

– Да, ты права. Я думаю, мы обратимся к Нему.

– Хочешь, я позову Его и попрошу прийти сейчас же? – спросила девочка.

– Когда Он придет, Он, конечно, вылечит твою маму... – Сезиджер помедлил. – Но погоди, не проси Его прийти сейчас, мне нужно сперва немного поговорить с тобой. Ты знаешь Бидди Мак-Кен?

– Ну да, папочка, она моя кормилица и нянюшка. Я хочу сказать, что она была моей кормилицей.

– Видишь вот это письмо? – спросил Сезиджер, вынимая из кармана конверт. – Если Иисус Христос вылечит твою маму, и она совсем, навсегда выздоровеет, пошли письмо Бидди Мак-Кен. Я напишу еще одно письмо для нее.

– Но разве ты сам не можешь послать его, папа?

– Нет, нужно сделать именно так, как я велю. Ты очень умная девочка, и я полагаюсь на тебя.

– Хорошо, папа. Я стараюсь не быть глупой.

– Ты умница, и пообещай мне, что всегда будешь стараться быть счастливой!

– О да, папа. Буду стараться.

– Люди грустные, люди несчастные – ни к чему, – сказал ее отец.

– Так почему же ты несчастный, папа?

– Нет-нет, я не несчастен, – проговорил он, стараясь улыбнуться. – Скоро мне будет совсем хорошо. Дороти, ты всегда

будешь вспоминать обо мне с большой любовью? Правда?

– Ну, конечно, папочка. Но почему ты говоришь это? Разве ты не будешь со мной? Разве ты не будешь держать меня на руках?

– Я должен уехать, но, может быть, ненадолго. Слушай, слушай же...

– Папочка, я не хочу, чтобы ты уезжал!

– Я должен уехать.

– Ты скоро вернешься?

– Не знаю, может быть.

– Ты должен быть здесь, пока мама так больна, – серьезно и рассудительно сказала Дороти.

– О, – Сезиджер изо всех сил сдерживал слезы, – за твоей мамой присмотрит Иисус Христос.

– Конечно, я на минутку забыла об этом. Когда я думаю о Нем, все хорошо.

– Почти все хорошо, Дороти.

– Попросить Его присмотреть также и за тобой, папочка?

– Попроси, маленькая; это будет кстати. А сейчас помолчи немного, мне нужно написать второе письмо.

Сезиджер подошел к столу, сел, быстро набросал несколько слов и поставил на конверте адрес: «Нью-Йорк; миссис Бриджит Мак-Кен, 117-я улица, дом 10».

– Как только наш добрый доктор Иисус Христос совсем вылечит твою маму, отправь это письмо к миссис Мак-Кен, – повторил Роджер. – Ты сама должна опустить его в почтовый

ящик и ждать ее в этом доме. Может быть, она придет скоро, может быть, нет. Когда ты увидишь ее, отдай ей другое письмо, а до тех пор носи его вот здесь.

Он приколот конверт к подолу платья девочки французской булавкой.

– Ни на минуту не оставляй его, – продолжал он, – пока не увидишься с миссис Мак-Кен. Ночью клади его под подушку, днем прикалывай к платью. Пообещай мне!

– Обещаю, – Дороти пристально смотрела на отца своими блестящими черными глазами.

– Так хорошо. Так и должно быть. А теперь я вынужден уехать. Кажется, я все сказал. Когда ты будешь просить великого доктора Иисуса помочь маме совсем поправиться, попроси Его вылечить и меня. Попросишь?

– Но ведь ты не болен, папочка.

– Мое сердце больно, – ответил он.

– Твое сердце? – спросила Дороти.

– Да, ему очень плохо, в нем черным-черно. Скажи Иисусу, чтобы он дал твоему папе чистое сердце, здоровый ум и здоровую душу.

– Я не могу запомнить так много длинных слов, – сказала Дороти.

– Ну, все равно. Говори, что вздумает, только попроси Его помочь твоему папе. Те, кому Он действительно помогает, попадают на небо.

– Ах, как бы мне хотелось самой оказаться на небе, –

вздохнула Дороти. – Бидди Мак-Кен рассказывала мне о рае. Похоже, это очень красивый сад.

– Да, говорят, там нет ни печали, ни болезней, ни того, что хуже всего на свете, – греха. Ну, до свидания, моя радость, моя дорогая. До свидания. Не забудь попросить Иисуса Христа дать твоему папе чистое сердце. Ну, прощай, моя девочка.

Роджер прижал дочь к своей груди, горячо поцеловал и ушел. Несколько минут Дороти не могла сдвинуться с места от ошеломления. Ей было тревожно и тоскливо, она не вполне понимала, почему отец опять уехал. Девочка часто слышала от него слова прощания, даже в благополучные времена, когда он бывал веселым и добрым. Но в этот раз ей чудилась какая-то беда.

Потом, по своему обыкновению, Дороти постаралась повторить про себя все, что отец поручил ей: «Одно письмо следует носить на себе или держать под подушкой, другое – отправить к моей нянюшке, Бидди Мак-Кен, когда Иисус Христос вылечит маму. А сейчас мне нужно постараться призвать лучшего из докторов и попросить Его, чтобы мамочка поправилась».

В это время жильем для мистера и миссис Сезиджер служили две комнаты в бедном домике на уединенной ферме, поскольку семья сильно нуждалась. Хозяевам-фермерам и их поденщикам не было дела до трудностей Сезиджеров. Миссис Сезиджер лечил самый дешевый и несведущий врач

в округе.

Дороти вошла в комнату матери, взобралась на ее постель и стала смотреть на нее. Больная крепко спала. Она была очень красива, с тонким выразительным лицом, и во время сна казалась такой прелестной, такой молодой, что походила на юную девушку. Темно-серые глаза были закрыты, и густые тени от ресниц лежали на бледных исхудалых щеках. Дороти почти не слышала ее дыхания. Когда девочка видела мать в прошлый раз, больная дышала хрипло, с трудом, теперь же ее дыхание было нежно и незаметно.

Наступил вечер. Дороти была очень утомлена, но прежде чем лечь спать, ей необходимо было исполнить одно важное дело. Всегда, когда отец уезжал, она спала рядом с матерью. Возле кровати стоял маленький столик. В сумерках виднелась склянка с лекарством, чашка молока и два или три сухарика на простой тарелке. Мысль о том, что они с мамочкой смогут всю ночь пробыть вместе одни и никто им не мешает, приносила девочке тихое удовлетворение. Она закрыла дверь на задвижку, опустилась на колени рядом с постелью больной и очень серьезно произнесла:

– Дорогой Боженька! Доктор, который приезжает сюда, не может помочь моей мамочке и сделать так, чтобы ей стало хоть немножко лучше. Поэтому, пожалуйста, пошли сюда Твоего сына Иисуса Христа, чтобы Он совсем-совсем вылечил ее. И еще, пожалуйста, я прошу у Тебя для моего папы чистого сердца. Я не знаю, что это такое, но Тебе-то известно

все на свете. Пожалуйста, приди поскорее, Иисус Христос, и помоги моей мамочке, потому что наш здешний доктор решительно ничего не может сделать. Об этом просит твоя Дороти, которая Тебя очень, очень любит.

После этого Дороти быстро скинула с себя платье, надела ночную рубашку, положила два драгоценных письма под подушку, легла и в ту же минуту заснула крепким сном.

Иисус Христос пришел ночью. Он унес с собой кроткую и очень усталую душу миссис Сезиджер в страну, которая гораздо счастливее нашей.

Маленькая Дороти проснулась утром на руках у фермерши. В комнате находились сразу несколько человек. Кто-то из них пробрался через окно и открыл запертую дверь. Фермерша плакала и горестным, прерывавшимся от жалости голосом говорила, что мама Дороти умерла. Девочка вырвалась из добрых рук, бережно державших ее.

– Нет-нет, мамочка не по-настоящему умерла! Она ушла с Иисусом Христом. Ведь я попросила Его помочь, и Он пришел, чтобы утешить ее и вылечить...

Казалось, будто на лице миссис Сезиджер застыла тихая улыбка. Девочка наклонилась и поцеловала дорогую мамочку. На губах осталось неестественное ощущение ледяного холода, но Дороти стойко держалась и не заплакала. Неужели она будет кричать и плакать, когда мама стала ангелом небесным, когда она так умиротворенно улыбается?

В тот же вечер маленькая Дороти отправила письмо в

Нью-Йорк, на 117-ю улицу к Бидди Мак-Кен, и приблизительно через две недели на ферму приехала высокая, полная пожилая женщина с добрым лицом. Когда Дороти была совсем крошкой, миссис Мак-Кен кормила и нянчила ее. Мягкая, кроткая ирландка говорила воркующим, успокаивающим голосом.

– Ах, моя крошка, твоя мамочка теперь на небе, в прекрасной стране. Она вся в светлых одеждах, радуется и поет вместе с ангелами. С ней Иисус Христос, и Господь Бог Отец, и...

Бидди запнулась и взглянула прямо на Дороти. Девочка бесстрашно и открыто встретила тревожный взгляд бывшей няни.

– Моя милая, бедная крошка, – упавшим голосом окончила Бриджит Мак-Кен, – твой папа тоже с ней.

Дороти страшно побледнела. У нее закружилась голова, мир вокруг внезапно померк, и она потеряла сознание. После, когда девочка пришла в себя и выплакалась, она кротко сказала:

– Иисус Христос исполнил все, о чем я просила. Он вылечил, совсем вылечил мамочку и отнес ее на небо. Ей одной там было бы скучно, поэтому он и папу тоже забрал. Бидди, ах, моя милая Бидди! Им теперь хорошо вдвоем, но как же мне без них грустно! Скажи, там, в небесной стране, у всех чистые сердца?

– Конечно, крошка, – вздохнула нянюшка и легонько по-

гладила Дороти по волосам.

Второе письмо, которое оставил отец, Дороти отдала миссис Мак-Кен прямо в руки. В нем оказались подробные указания, как доехать до поместья Сезиджеров в Англии, и деньги, достаточные для такого далекого путешествия. Через неделю миссис Мак-Кен и порученная ей девочка отправились через океан в дом старого сэра Сезиджера. Они добрались до Сторма без приключений. Родственники Дороти поверили письму, потому что рассказ Бриджит казался вполне правдоподобным. Бидди скоро отправили обратно, а маленькая Дороти осталась в Англии.

Она успела привязаться к своей доброй нянюшке и прощалась с ней с большой грустью и сожалением. Однако Дороти совсем не чувствовала себя несчастной, размышляя об отце и матери. Она верила, что каждый человек может попасть на небо и что все стремятся туда попасть. Так стоило ли печалиться, что они оба были там – ее любимая мамочка, совсем здоровая, без боли и забот, и ее дорогой папочка с чистым сердцем?

Глава VIII

Пшеница

Утром следующего дня тетушка Доротея готовилась к своей новой роли учительницы: – Теперь, Дороти, мы начнем урок.

– Только, пожалуйста, – попросила Дороти, – позволь мне обежать три раза вокруг сада.

– Зачем тебе это, моя дорогая?

– Нет, это нужно не мне, а моим ногам. Они у меня побаливают. Нужно их успокоить, а не то они будут нам ужасно мешать. Если ты не позволишь мне побегать, твоя ученица будет так вертеться, тетя Доротея, что ты и представить себе не можешь.

– Ну, хорошо, беги, только вернись назад через десять минут. Я все приготовлю и буду ждать.

Маленькая ученица вылетела, как стрела.

«Никогда не встречала такой живой девочки, – подумала мисс Доротея. – На сегодня выберу самые легкие уроки, а потом, после полудня, пойду в северный лес и положу письмо под камень. Право, и представить себе не могу, как это я пройду так далеко. И конечно, мне нельзя брать с собой Дороти. Положительно нельзя».

Чтобы устроить место для занятий, мисс Доротея обыска-

ла весь чердак, где среди прочего пылились обрезки старого полотна и ненужных тканей. Здесь она нашла кусок зеленой бумазеи⁶ и постелила ее в виде скатерти на стол. Она выставила на скатерть склянку с чернилами, рядом положила промокательную бумагу, три пера и несколько листочков разнованной писчей бумаги.

Тетушка Доротея разместила на столе и несколько книг. Там лежал учебник, по которому когда-то учили саму мисс Сезиджер, он назывался «Путь ребенка к знанию». К сожалению, тетушка не помнила и половины того, о чем повествовала эта книга. Кроме учебника воспитательница принесла сюда сборники кратких занятных рассказов на французском и на английском языках. На застеленном зеленой бумазеей столе красовалась и раскрытая «Краткая история Англии».

Мисс Сезиджер достала также аспидную доску и грифель⁷, собираясь предложить своей ученице задачки на сложение. Она всегда была очень аккуратна и прекрасно вела собственные счета, но забыла почти все арифметические правила, которым ее учили в давно минувшие дни, когда она была еще маленькой девочкой. Тетушка приготовила для Дороти небольшой глобус, изображавший земной шар, маленький атлас, учебник географии и английскую грамматику Линдлея Муррея, которая, конечно, уже сильно устарела.

⁶ Бумазея – хлопчатобумажная ткань с начесом на изнаночной стороне.

⁷ Аспидная доска – пластина из аспида, твердого черного сланца. По ней писали особым стержнем – грифелем.

Правда, такое соображение не пришло в голову мисс Сезиджер.

Она волновалась. «Я никогда не думала, что буду учительницей. Конечно, учить Дороти очень трудно, она непременно поставит меня в тупик... И все-таки я буду очень строга, и мне придется наказывать ее. Ни одного ребенка нельзя воспитать без наказаний, – продолжала размышлять тетушка Доротея. – Если она не будет знать урок, придется дать ей почувствовать, как это нехорошо».

Сама мисс Сезиджер в детстве вынесла немало наказаний и иногда даже испытывала удары отцовской палки, но ей так не хотелось наказывать маленькую дочку своего брата! Она считала, что уж лучше заставлять Дороти заучивать наизусть стихи.

Собравшись с мыслями, тетушка Доротея постаралась придать лицу серьезное, строгое выражение и уселась, молча ожидая ученицу.

Ровно через десять минут примчалась Дороти. Она часто дышала, и ее личико сильно покраснелось.

– Мы играли с дедулей в прятки. Как весело! Ах, он такой забавный! Я, право, не знаю другого такого веселого старика! Вот ты, тетушка, тоже его любишь? Ты ведь его крепко любишь, правда же?

– Ему очень вредно играть в прятки, – забеспокоилась мисс Доротея. – Он слишком стар для того, чтобы бегать.

– Да ведь он же совсем не бегаёт, – отмахнулась Дороти. –

Видишь ли, он всегда прячется, а я всегда ищу. Значит, он стоит и не двигается. Ты не представляешь, как он умеет находить места, чтобы спрятаться. Угадай, где он нашелся в последний раз?

– Нет, дорогая, теперь нам пора заниматься. Сядь, пожалуйста, Дороти. Ты должна сесть и слушать. Я хочу, чтобы ты стала вполне образованной девушкой, такой, которая понравилась бы твоему отцу, если бы он еще был жив.

– Да ведь он жив, – при этих словах тетушка чуть заметно вздрогнула и испуганно посмотрела на Дороти. – Он на небе. А тот, кто уходит на небо, конечно, жив.

– В известном смысле, да, – ответила мисс Доротея, несколько успокоившись.

– Как ты думаешь, тетушка, – с серьезным выражением спросила Дороти. – Моя мамочка хотела бы, чтобы я училась у леди?

– Да, я в этом уверена.

– Ну, тогда, наверное, нужно будет постараться. Мне не очень это нравится. Мне бы больше хотелось, чтобы меня учил дедушка. Я думаю, ты сама, тетя Доротея, знаешь не особенно много. Тебе так не кажется?

– Дороти, говорить такое – очень невежливо и грубо! Разумеется, я знаю гораздо больше, чем маленькая девочка.

– А я не уверена в этом, – ответила Дороти. – Ты бывала когда-нибудь в Канаде?

– Нет, дитя мое. Я не путешественница.

– А в Париже?

– Я не путешествовала, Дороти. И довольно болтать. Это я должна спрашивать тебя, а не наоборот.

– Ладно, – согласилась Дороти.

Она замолчала, выпрямилась и сжала пухлые губки.

– Я задам тебе несколько вопросов из книги «Путь ребенка к знанию».

– Какое смешное название! Очень интересно.

– Ты умеешь писать, моя милая?

– Чутьочку умею, – кивнула Дороти.

– Письмом мы займемся позже. А теперь начнем урок. Ты, конечно, умеешь читать?

– Еще бы. Только по-французски лучше.

– Сейчас у нас урок английского языка. Английский язык – твой родной язык. Твои родители были англичане.

– А папочка всегда говорил, что он перекаати-поле.

– Неужели твой отец осмеливался говорить тебе, что он не родился в Сторме, что он не Сезиджер из Сторма?

– Тетушка, тебе совсем не идет, когда ты хмуришься. Пожалуйста, не хмурься, не нужно, тетя, милая. Лучше начни спрашивать меня из твоей смешной книги. Что мне учить?

Мисс Сезиджер наудачу открыла книгу. Серьезный, проницательный взгляд маленькой ученицы сбивал ее с толку и в то же время притягивал. Ей пока удавалось справляться с маленькой обладательницей прекрасных черных глаз и нежно очерченного рта, но этого было мало. Тетушке Доротее

хотелось во что бы то ни стало победить Дороти, завоевать ее уважение, добиться от нее полного послушания и любви.

– «Болезни пшеницы», – начала она.

– Что такое пшеница? – поинтересовалась Дороти.

– То, из чего мы делаем белый хлеб.

– Хорошо. Так она болеет? Ее кладут в кроватку? К ней приходят доктора и дают лекарства?

– Нет. Не задавай столько вопросов. Давай продолжим.

«Пшеница подвержена трем особенным недугам».

– Ты хочешь сказать «болезням»? – спросила Дороти.

– Я хотела сказать «недугам». Не противоречь мне.

– Постараюсь. Только помни, тетя, завтра будет твоя очередь. Я постараюсь быть очень строгой. Твой французский язык сильно хромает. Ну, продолжай. Пшеница. Что делается с этой бедняжкой? Бывает у нее инфлюэнца⁸? У мамы время от времени бывала инфлюэнца. Или, может быть, она болеет коклюшем? У меня один раз был коклюш. О, как будет смешно услышать, что пшеница кашляет!

И Дороти залилась звонким смехом.

– Возьми аспидную доску, – приказала мисс Сезиджер, – и напиши название первой болезни пшеницы: «ржавчина».

– Я не знаю, как оно пишется.

– Р-ж-а-в-ч-и-н-а.

– Написала, – сказала Дороти. – Бедная пшеница.

– Теперь пиши другое: «рожки».

⁸ Инфлюэнца – так в старину называли грипп.

– Какое противное слово, – и Дороти сморщила личико. – Совсем не понимаю, как его писать. Вероятно, это ужасная болезнь, которая хуже коклюша и кори, вместе взятых.

– Я скажу тебе, как пишется это слово. Пиши.

И мисс Сезиджер буква за буквой продиктовала название болезни. Дороти выписала на аспидной доске какие-то зако-
рючки.

– Бедная пшеница, – повторила она с горестным вздохом. – Пожалуйста, продолжай, тетя.

– Третья болезнь – «головня».

– Головня? Это напоминает огонь, пожар, – заметила Дороти. – Значит, после этой болезни пшенице приходит конец.

– Пиши «головня» и, пожалуйста, не рассуждай.

– Скажи, тетя, как пишется это слово?

Мисс Доротея сказала, как пишется «головня», и теперь на аспидной доске Дороти стояли три названия болезней пшеницы.

– А как от них вылечиться? – спросила девочка.

– В книге ничего не говорится об этом.

– Что за глупая книга! Правда? Ну, может, мы теперь займемся чем-нибудь другим?

– Я у тебя спрошу завтра, какие болезни бывают у пшеницы. Ты запомнила их названия? Уверяю тебя, фермеры очень огорчаются, когда пшеница чем-то заболевает.

– Я жила у фермера в Канаде. Как жаль, что тогда я ниче-

го не слышала о пшенице и ее болезнях! Я многое порассказала бы тебе, тетушка, и, конечно, придумала бы, как нужно лечить бедняжку. Скажи, тетя, рожки, ржавчина и головни попадают в наш хлеб?

– Боже сохрани!

– А я думаю, попадают, потому что он часто бывает такой сухой и невкусный. Сегодня за ужином спрошу об этом у дедушки.

– Ты не будешь больше ужинать с нами, Дороти. Маленькие дети не должны сидеть за столом так поздно.

– А я думаю, что все-таки буду, – с невинной улыбкой заметила девочка.

Глава IX

Дерево все еще живет

С сожалением следует признать, что Дороти училась не очень хорошо. Когда мисс Доротея начала читать краткую историю Англии, она окончательно перестала слушать. Как выразилась маленькая ученица, ее мысли улетели в окно.

– Не могу их удержать, – пожаловалась она. – Не сердись, тетя. Мои мысли как бабочки, им нужно солнце.

– Нет, – отрезала мисс Сезиджер, – твои мысли должны остаться у тебя в голове, Дороти. Нужно заставлять свой мозг работать.

– А где у меня мозг? В ногах?

– Нет, глупое дитя, он в твоей голове, – и тетюшка сердито постучала ей пальцем по лбу.

– У тебя очень крепкие и острые пальцы, тетя Доротея. Мне больно, когда ты так стучишь по голове. Мой бедный маленький мозг устал, и мои мысли все скорее и скорее вылетают в окно. Что-то я сегодня совсем себе не нравлюсь. Я чувствую себя нехорошей.

– Боюсь, что это так, – согласилась мисс Доротея. – А ты знаешь, нехороших детей нужно наказывать.

– Да? – Дороти серьезно посмотрела на тетку. – А что значит «наказывать»?

– Это значит делать им больно или заставлять исполнять то, что им не нравится.

– Делать больно? – воскликнула маленькая Дороти. – Тетушка, неужели ты сделаешь больно мне, маленькой девочке, папа и мама которой далеко-далеко на небе?

– Нет, дитя мое, нет, – успокоила племянницу мисс Доротея. – Я не могла бы, ни за что не могла бы сделать тебе больно. Тем не менее мне придется тебя наказать, потому что ты была очень невнимательна.

– Я здесь ни при чем, виноваты в этом бабочки! Они хотели вылететь в окно. Разве ты не видишь, как они целым роем вылетают из моей головы, всех цветов и пород, такие красивые-красивые. И мне нужно бежать за ними.

Мисс Доротея глубоко вздохнула и закрыла книги:

– С тобой гораздо больше хлопот, чем я предполагала. Тебя совсем не воспитывали...

– Что значит «воспитывать»? – поинтересовалась Дороти.

– Тебя не научили слушаться.

– Совсем не научили, – подтвердила Дороти.

– Так жить нельзя.

Дороти пристально посмотрела на мисс Сезиджер:

– А ты будешь слушаться меня завтра, во время урока французского языка? – спросила она.

– Что за глупости, моя дорогая. Ты же не можешь ничему меня научить. А вот я тебя могу, и многому.

– Но, моя миленькая тетушка, как же французский

язык? – проговорила Дороти по-французски с чистым парижским выговором. – Ведь в Париже тебя никто не понял бы.

– Ну, довольно! Это никуда не годится! – рассердилась мисс Доротея. – Если ты будешь продолжать говорить глупости, мне придется пожаловаться дедушке.

– Милый дедуля, он такой славный! Ничего, если скажешь.

Устав от пустых препирательств с ученицей, мисс Доротея выбрала одно стихотворение из старого сборника стихов и приказала племяннице выучить его к следующему утру.

– Ты должна будешь рассказать мне его, не заглядывая в книгу, – предупредила она. – Это нетрудные стихи и вполне годятся для маленькой девочки.

– Ладно, – покладисто согласилась Дороти.

– Ведь ты постарайся их выучить?

– Вот уж не знаю, выучу ли, – честно призналась Дороти.

– Вот эти стихи. Ты, вероятно, можешь прочесть их? Или нет?

– Ну, конечно, могу, тетушка. Позволь, я теперь выйду в сад и три раза обегу его кругом, чтобы успокоить мои бедные ножки.

– Да, иди, только ты должна выучить стихи и приготовить их к завтрашнему утру, к этому же времени. Ты обещаешь сделать это?

Дороти очень внимательно посмотрела на тетку.

– Отлично, – сказала она, помолчав. – Обещаю.

– Вот это хорошо; теперь ты хорошая девочка; думаю, ты сдержишь слово.

– Ну, конечно, сдержу.

– Теперь иди в сад, – отпустила ученицу мисс Сезиджер, – и сорви там три розы и три гвоздики, самые красивые, которые ты только найдешь. Цветы принеси мне.

– А зачем? – любопытствовала Дороти.

– Затем, что я этого хочу.

– Хорошо, я мигом! – Дороти вылетела из комнаты, и через минуту можно было видеть, как ее маленькая фигурка мелькала в цветнике.

Старый сэр Роджер, по обыкновению, осматриваясь бродил по усадьбе.

– Эй, дедуля! – голос Дороти зазвенел как нежный колокольчик.

Он промолчал; но едва ответил улыбкой на зов девочки, как разозлился на самого себя. Он целое утро без перерыва твердил себе: «Эта малышка становится для меня страшной обузой. Я теряю спокойствие и свободу. Доротея должна нагружать ее как можно больше. Понятно, я согласен каждый день видеть ее в течение короткого времени; но ей нужно заниматься, она должна учиться. В свое время Доротею хорошо воспитывали и учили, пусть теперь она дает уроки и образовывает свою племянницу. Я согласен видеть девочку время от времени, но если она постоянно будет находиться

у меня на глазах, это слишком хлопотно и неприятно».

Старик старался убедить самого себя. В это же время в его душе теснились совершенно другие неясные чувства. На каждом шагу ему не хватало Дороти. Когда он подошел к грядкам земляники, то велел Джонсону и Петерсу сорвать несколько лучших ягод и отнести в беседку. Сэр Роджер с нетерпением ждал момента, когда после обеда маленькая новая жительница старого дома будет лакомиться ягодами, сидя на его коленях, и будет говорить, что крепко его любит. Боже ты мой, разве возможно любить его, нелюдимого и неласкового старика? Человека, который прогнал от себя собственного сына, который был суровым и жестоким даже со своими близкими, который никого не умел любить, да и сейчас ценил только одну вещь на земле, а именно – деньги.

Он копил деньги, копил со страстью, с жадностью скряги. У него было порядочное имение, все его фермы давали хороший доход. Кроме того, сэр Роджер обладал крупным состоянием и вместе с Доротеей почти ничего не тратил на жизнь. Ему нравилось думать о том, что после его смерти останется большое богатство. Он с невыразимым наслаждением подсчитывал, сколько тысяч его фунтов помещены в разные выгодные предприятия. Старика грело сознание того, что он мог бы жить в роскоши, тратя все те суммы, которые скапливал в течение года. С тех пор как сэр Сезиджер лишил сына наследства и прогнал его из дома, ничто, кроме этой мысли, не приносило ему удовольствия и утешения. Он

жил только ради накопления денег. Его дочь Доротея почти ничего не значила для него.

В свои семьдесят пять лет сэр Роджер стал уже дряхлым стариком. Часто он сидел, откинувшись в кресле, и будто грезил наяву. Газета выпадала из слабых рук, когда ему представлялось, что напишут о нем после смерти. Прочтут завещание, напечатают общую сумму дохода с громадного состояния. Сэр Сезиджер с большим наслаждением представлял себе, как люди будут судачить о нем, завидовать богатству и говорить друг другу, что старый владелец усадьбы Сторм был очень расчетливым и дальновидным человеком. Он собирался некоторую часть наследства пожертвовать различным благотворительным обществам, а остальное (впрочем, с множеством вполне определенных оговорок) передать мисс Доротее. По завещанию она должна была и впредь расходовать на себя крохотную сумму. Сэр Роджер желал также поставить условием, чтобы Доротея не смела истратить ни одного шиллинга на своего брата. О сыне старик старался вообще не вспоминать, как будто его и не было. Еще до того как стало известно о смерти молодого Роджера, отец вовсе не собирался передавать ему долю наследства, считая, что он опозорил род Сезиджеров своими поступками, беспорядочной жизнью и женитьбой на простой и незнатной девушке.

До появления маленькой Дороти подобные мысли постоянно приходили в голову старика. Это были, конечно, не очень хорошие, не очень добрые мысли, и они по временам

заставляли его вздрагивать от странного холода, пробежавшего по жилам. Ведь как ни старался он сделать, чтобы после его смерти скопленное богатство не было растрачено, адвокаты и законоведы могли устроить так, чтобы Доротея все-таки получила возможность тратить деньги по своему усмотрению. «Эти хитрые поверенные всегда найдут лазейку в завещании, и тогда собранного добра не сохранить», – думалось старику. Ему казалось, будто в этом случае он даже мертвый будет страдать, глядя, как тратятся его деньги, и станет возвращаться в Сторм возмущенным призраком.

Но с тех пор как в Сторме появилась маленькая прелестная Дороти, мысли о деньгах как-то отодвинулись на второй план. Звонкий светлый голосок девочки и ее веселый взгляд как бы встали теперь между сэром Роджером и его любовью к деньгам – этой страшной болезнью, более тяжелой и отталкивающей, чем все остальные недуги. Прежде его сердце было совершенно оледеневшим, что почти всегда бывает со скупцами. Но ласки и шалости доброй Дороти постепенно отогревали его. Сэр Роджер даже решил, что он истратит немножко денег на этого ребенка, но, конечно, ему не хотелось, чтобы она всегда находилась рядом с ним. Это было бы слишком утомительно!

Как раз в ту минуту, когда старик мысленно говорил себе это, к нему подскочила внучка. В руках она держала три красивые розы, три большие пушистые гвоздики и несколь-

ко былинки райграса⁹.

– Дедуля, ау! – закричала она.

– Ты видишь – я здесь. Зачем же ты кричишь так громко? – спросил старик.

– Я думала, что ты глухой, – объяснила Дороти. – Ты иногда бываешь глухим, когда тебе вздумается. Ты сам это знаешь.

– Ну, сейчас я не глухой. Что ты собиралась делать с цветами? Ведь я не позволяю рвать их.

– Очень жаль, но они уже сорваны мной и ни за что не прирастут обратно к стеблям. Тетя Доротея попросила, чтобы я принесла их.

– Ну так и беги к своей тете.

– Отлично, я тотчас же вернусь. Не бойся, я быстро убегаю. Мне нужно столько рассказать тебе, столько, что просто ужас!

– Видишь ли, Дороти, сегодня утром я буду очень занят, а ты, конечно, еще не окончила всех своих уроков...

– Нет, уж все готово! Больше учиться я не могла. Все мои мысли вылетели в окошко, как бабочки. Я сказала об этом тете, и она меня сразу наказала. Придется учить какие-то ужасные стихи. И знаешь, я думаю, ты будешь мне помогать.

– Вот уж ни за что!

Дороти лукаво покивала головкой, не обращая внимания на возмущенный отказ деда. Она помчалась с гвоздиками и

⁹ Райграс – травянистое растение из семейства злаков.

розами в комнату к тетушке и, бросив их на стол, снова выбежала в сад. Мисс Доротея взяла цветы, огляделась украдкой, боясь, чтобы кто-нибудь не увидел ее, поцеловала каждую розу, каждую благоуханную гвоздику и собрала их в маленький букет. Она готовилась к длинной прогулке в северный лес.

В этот день во время ленча мисс Сезиджер объявила отцу и племяннице, что целый день будет отсутствовать дома.

– Ура! – вскрикнула Дороти.

– Как это невежливо с твоей стороны, – обиделась тетушка Доротея.

– Просто я рада, что дедуля будет со мной. Ну, разве он не милый, не самый лучший старичок?

Она взяла худую узловатую руку деда и ласково погладила ее.

– Какая у тебя старенькая, смешная рука! Ты самый-самый лучший, ты сам это знаешь.

– Неужели, Доротея, ты хочешь сказать, что на целый день оставишь ее со мной?

– У меня много дел, отец. Но она отлично побудет и одна.

– Нам будет ужасно хорошо! – Дороти глядела на старика глазами, полными глубокой нежности. – Скажи, дедуля, когда ты был маленький, с тобой никогда не бывало разных «ключений»? У моего милого папочки их много было, и он часто рассказывал мне об этом. Скажи, когда ты был молодой и у тебя были мягкие руки, темные волосы, розовое лицо

без морщин, с тобой случались «ключения»? Расскажи мне о них!

Хотя старый сэр Роджер старался быть суровым, но его глаза заблестели. Он невольно вспомнил о некоторых своих детских шалостях, однако можно ли было рассказать о них этому ребенку?

– Что было, то прошло, – произнес он, – что умерло, то похоронено. Мне нечего рассказать тебе.

– Пойдем же, – Дороти запрыгала на месте. – Мы достаточно поели. До свидания, тетушка Доротея. Я уведу дедушку в беседку. Я знаю, что там нас ждет!

Она подняла глаза на деда и засмеялась. Он взял свою палку. Дороти схватила его за левую руку, и они вышли на площадку, залитую солнечным светом.

«Боже мой, не могу поверить своим глазам! – прошептала про себя Доротея, глядя на эту сцену. – Как же я пойду через лес? Что я сделаю с этим письмом и цветами? Как страшно, сердце замирает!»

Хотя Дороти всегда предупреждала, что не любит слушаться, в ее характере была одна замечательная, неизменная черта: всегда держать данное слово. Девочка обещала выучить наизусть стихи, которые тетушка задала ей в виде наказания, но надеялась, что добрый дедушка поможет ей в этом деле.

Как в прошлый раз, сэр Роджер вместе с Дороти пришли в беседку и, конечно, нашли там на капустном листе земляни-

ку. В тот день ягоды были крупнее и краснее, чем накануне, и их было больше. По своему обыкновению, Дороти взобралась к деду на колени, доела все до последней ягодки, поцеловала его своими розовыми, запачканными соком губками и сказала серьезно:

– Ну, теперь мы пойдем в сад и поедим еще земляники. Но раньше ты должен кое в чем мне помочь.

– Ты говоришь глупости, дитя мое, я пойду спать.

– Смотри, не засыпай совсем, пока я не вернусь, дедуля, – продолжала Дороти, – потому что я читаю не очень бойко, и тебе придется подсказывать мне некоторые слова.

Она бросилась в дом взять из своей комнаты старую, истрепанную книгу – сборник стихов, из которого ей было задано выучить несколько строф.

Когда маленькая Дороти убежала, сэр Роджер глубоко вздохнул и предался размышлениям: «Боже мой, в этой малышке есть какая-то странная сила. Надо сознаться, она заставляет меня плясать под свою дудку. Ведь прежде я годами не думал ни о ком из людей, а теперь мои мысли то и дело возвращаются к этому ребенку. Дороти напоминает мне своего отца, моего сына, а я его не люблю. Смерть Роджера совсем не изменила моего отношения к нему. Матери девочки я не знал и никогда не видел. Но этот ребенок! В нем есть что-то... удивительное. Мне кажется, я... Нет, нет, это невозможно! Не люблю же я ее? Но может быть, все это оттого, что она моя внучка. Ведь до тех пор, пока она не посе-

лилась у меня, я терпеть не мог детей. Кроме того, ее голос напоминает мне голос моей жены. Ее я любил, действительно любил. Она была очень хорошая женщина. Со дня ее смерти прошло много лет, и мне кажется, если бы она осталась жива, я был бы совсем другим. Может быть, я не так много думал бы о деньгах».

– Ау, бабушка! Что ты так нахмурился? – прозвенел голос Дороти. – Бедный мой, дорогой дедуля. Твой лоб, конечно, ужасно устает оттого, что на нем собираются такие глубокие складки. Дай-ка я разглажу эти противные морщины.

И маленькое создание, похожее на воздушную фею, вспрыгнуло на колени деда. Нежные пальчики Дороти разглаживали лоб, на котором отразились и прожитые годы, и совершенные грехи, и разочарования, и заботы, с которыми старик сталкивался на протяжении своей долгой жизни.

– Вот так-то лучше, – Дороти осталась довольна своими стараниями. – Теперь скорее обними меня, пожалуйста, по-лучше обними! А вот и стихи. Тетя задала мне выучить их, это мое наказание.

– Ты сегодня дурно себя вела, Дороти?

– Да, ужасно, – ответила она. – Уж конечно, меня бы не наказали, если бы я не вела себя дурно! Раньше меня никогда не наказывали, за всю мою долгую жизнь, ни разу! Сегодня меня наказали в первый раз. И знаешь, я думаю, мы с тобой можем выучить стихи вместе.

– Давай. Мне это нравится, – согласился сэр Роджер.

– Я так и знала, что понравится! Ты такой добрый, такой душечка, – ластилась Дороти. – Я очень люблю тебя. Скажи, когда мой папочка был маленьким мальчиком, ты тоже так наказывал его? Ничего, если наказывал. Я не рассержусь. Тетя Доротея не понимает, что значит быть такой, как я, она не знает, что у меня мысли летают, как бабочки, и что мои ноги непременно хотят бегать. Ах, если бы у меня были настоящие крылья!

– Нет, нет, – сказал старик, прижимая к себе ребенка, – твоя тетя должна наказывать тебя, если ты плохо учишься. Тебе нужно стараться. Если ты ничего не будешь знать, то вырастешь глупой, скучной девушкой.

– Да я и теперь знаю гораздо больше, чем тетя Доротея.

– Не говори так самонадеянно, Дороти, кроме того, это совсем не правда.

– Но ведь я так хорошо говорю по-французски, дедуля, – произнесла она на этом языке.

– Молчи, молчи, дитя, – и старик сильно покраснел, – я терпеть не могу твоего «парле ву», – сказал он, коверкая слова.

– Я не понимаю, кого ты не любишь, дедушка?

– Всех этих французских лягушек. Я ненавижу французов.

– Дедуля, танцевал ли ты когда-нибудь менуэт? Знаешь такой славный медленный красивый танец? Меня учила мамочка. Мне кажется, ты, тетя и я могли бы чуточку потанце-

вать в гостиной. Знаешь, когда-нибудь вечером. Я выучила бы тебя всем па. Хотя ты и очень старенький, тебе будет легко, ведь быстро двигаться не придется. И ты не будешь задыхаться.

– Прекрати, дитя! Не нужно мне ни танцев, ни французского языка! Давай эти, как их, ну стихи, что ли!

Дороти подала ему открытую книгу.

– Они немножко печальные, – сообщила внучка, – я посмотрела. Мы будем повторять их строчка за строчкой, да? Прочтем их вместе. Тебе нужны очки? Вот они тут, в кармане. Дай я их на тебя надену.

Очки в золотой оправе были водружены деду на нос. Старая седая голова и детская темная головка склонились над прекрасными строками поэта.

– Как это хорошо, – сказала Дороти. – Я сейчас объясню, что мне так понравилось: тут некоторые строчки повторяются. Я буду читать первые слова, а ты все остальные. Ну, дедуля, начинаем: «Я помню дом, где было мне...»

– Ах, Дороти, пустяки все это!

– Продолжай, дедуля, продолжай. Маленький пальчик указал на следующую строчку: «Родиться суждено».

– Читай это, дедуля.

– «Родиться суждено». Ах ты, несносная, дерзкая маленькая непоседа!

Дороти засмеялась и захлопала в ладоши.

– У тебя так нежно дрожит голос, когда ты читаешь сти-

хи, – сказала она. – От твоего голоса мне больно вот здесь, вот именно здесь, – она показала на сердце. – Я не знаю, что значит «дерзкая маленькая непоседа». Но слушай, нам нужно учиться. «Я помню дом, где было мне родиться суждено». Ну, продолжай, дедушка. Говори о золотых лучах.

– «И золотистые лучи, скользившие в окно».

– О, дедуля, как хорошо – «золотистые лучи». Знаешь, мы жили в таком доме – папа, мама и я, – это был маленький-маленький домик, и солнышко любило заглядывать в него. Я, бывало, говорила: «Здравствуй, солнышко!» – и посылала ему воздушные поцелуи. Давай продолжать, дедуля. Это, оказывается, не наказание, а, напротив, громадное удовольствие. Теперь прочти следующую строчку. Я хочу услышать, как будет звучать твой голос. Погромче, дедушка, погромче!

– «И красно солнце по утрам
Всегда спешило в гости к нам».

– Чудесно, чудесно! Ура, дедуля, продолжай же!

– «И приносило чудный день.
И светлые мечты»...

– О, дедуля, дедуля!

– «Теперь, увы, нередко я
Прошу, чтобы в ночи
Ко мне пришел глубокий сон,

И мне помог забыться он».

– Я думаю, тот, кто говорит такие слова, хочет, чтобы к нему пришел доктор Иисус Христос, – вдруг серьезно промолвила Дороти.

Она прижала личико к груди деда и горячо поцеловала его.

– У тебя такой красивый голос! Теперь перейди к номеру второму, читай дальше.

Если бы только сэр Роджер Сезиджер прежде мог себе вообразить, что он когда-нибудь при каких-нибудь обстоятельствах будет ради удовольствия маленького ребенка повторять строки, написанные Гудом¹⁰, он подумал бы, что помешался. Тем не менее в данное время старик был совершенно здоров, бодр и, как ни странно, наслаждался едва ли не больше малышки Дороти. Ее восхищенные слова, искренние похвалы казались ему волшебным напитком. Он старался читать все лучше и лучше.

– «Я помню, помню, как в саду
Кивали нам цветы,
Прекрасных ярких алых роз
И белых роз венцы.
Простой фиалки нежный цвет
Блистал, как солнца слабый свет.
Я помню светлую сирень,

¹⁰ Томас Гуд (1799–1845) – английский поэт.

А в ней гнездо щегла,
И тот чудесный майский день,
Когда она цвела,
И братика невдалеке,
И саженцы в его руке».

– На этом месте хочется плакать, тут стихи становятся печальными, – сказала Дороти.

– Да, дитя мое, все это стихотворение печально. Сколько строф тебе задано выучить?

– Тетя сказала две; она думает, что две – достаточно большое наказание. Я думаю, если ты придешь на урок и расскажешь их вместо меня, это будет хорошо. Как ты считаешь, дедуля?

– Нет, нет, ни за что.

– Ты что, разве не хочешь это сделать для меня?

– Не могу, дитя, и не хочу. Ну все, с меня довольно стихов. Ты читаешь достаточно хорошо и можешь рассказать наизусть. Только вот понять их ты не в состоянии. Их не поймет ни один ребенок. Только в конце жизни человек может вполне проникнуться ими.

Дороти серьезно посмотрела на деда.

– У тебя был брат? – спросила она. – Ты, может быть, тоже сажал с ним деревце? И он ушел в небесную страну? К Иисусу Христу, да, дедушка? А живо ли еще дерево?

– Ах, Дороти, Дороти. Я никогда не видывал такой странной девочки, как ты. Право, ты умеешь заглядывать в серд-

це. Да, да, у меня был брат... И он умер. Не важно как, не важно когда. Когда мне было десять, а ему восемь лет, мы с ним посадили дерево. Пойдем со мной. Я тебе покажу его.

Глава X

Северный лес

Мисс Сезиджер не привыкла много ходить и была сильно взволнована. Правда, она хорошо знала Сторм и все уголья своего отца; знала каждый акр этого имения, бывала в лугах, осматривала фермы. Тут не было ни кусочка земли, незнакомого ей.

Но прошло много лет, с тех пор как мисс Доротея бродила по окрестностям старинной усадьбы. Ах, тогда ее всегда сопровождал брат, молодой, веселый, сильный человек, который теперь, по каким-то непонятным причинам, хотел, чтобы его считали мертвым, хотя был жив и здоров.

Ферма Хоум располагалась за густым лесом, где накануне «шествовала» маленькая Дороти. За лесом тянулась пустошь, по которой стелился низкий кустарник. Дойти до фермы можно было и обогнув чащу и шагая по большой дороге до длинного и покатога спуска. А дальше начинались северные леса. Их было три, все очень старые, дремучие, разделялись они полями и считались драгоценными, потому что в них водилось много дичи, кроме того, они состояли из прекрасных строевых деревьев.

Верхний лес был сосновый и, как все хвойные леса, походил на притворы больших соборов с длинными рядами вы-

соких стройных колонн. За этим первым сосновым лесом и стояла ферма Хоум, одна из лучших во владениях Сторма. Низкий каменный дом окружало около сотни акров превосходного пастбища.

Когда мисс Сезиджер была совсем юной, ферму Хоум арендовало семейство по фамилии Честер. Дети хозяина Сторма были знакомы с детьми Честеров и очень любили навещать их. Часто они проводили в Хоуме целый день и все вместе отправлялись в сосновый лес на пикник, с чаем и закусками.

Но после смерти жены в уме сэра Роджера Сезиджера произошли странные перемены. Как он выражался, его сын стал никуда не годным человеком, а сам он принялся копить деньги и увеличил арендную плату за все фермы. Многие отличные фермеры вынуждены были уехать. Семья Нестеров тоже предпочла переселиться подальше, настолько непосильными были новые условия. Несколько лет ферма пустовала, и только недавно ее арендовал человек по имени Бардвел. Его никто хорошенько не знал, однако управляющий Сторма, мистер Хэзелтон, был доволен новым арендатором, а сэру Роджеру Бардвел был совершенно безразличен, он никогда не задумывался о нем.

Поколебавшись некоторое время, мисс Доротея решила, что пойдет к плоскому камню не по дороге, а через густые кусты, проскользнув таким образом из одной части леса в другую. Она боялась, что ее заметят, сердце тревожно пры-

гало в груди, как будто она делала что-то непозволительное. Письмо, лежавшее в кармане и написанное измененным почерком, чтобы никто не признал руку мисс Доротеи, и цветы, сорванные маленькой Дороти, представлялись ей ужасной тайной. У бедной тетушки Доротеи была робкая, слабая душа. Впрочем, никто из людей, питавшихся так, как питались в Сторме, не мог бы чувствовать себя сильным и бодрым.

Она медленно брела по лесу, все время думала о своем брате Роджере и всей душой желала повидаться с ним. В то же время бедняжка смертельно боялась этого. Доротея чувствовала, что может не выдержать потрясения, если снова взглянет в лицо брата и встретится с ним глазами. Кто знает, не упадет ли она даже в обморок? А это было бы слишком опасно, думалось ей. Ведь если кто-нибудь откроет тайну, которую ей доверил брат, горе бедной маленькой Дороти! И горе самой Доротее. Она боялась, что если тайна Роджера откроется, это убьет старого отца.

Осторожно двигаясь по длинному крутому спуску, она чувствовала страшную усталость, а когда наконец дошла до нужного места и отыскала плоский камень с глубоко вырезанной буквой «Р», то задрожала так сильно, что ей пришлось сесть и минуту или две не двигаться, чтобы немного прийти в себя.

Кругом не было ни души. Стоял жаркий день. Мисс Доротея вынула из кармана платок и отерла пот, выступивший на

лице. Будет ли у нее достаточно сил, чтобы поднять камень и положить под него письмо? До этой минуты она даже не решалась взглянуть на ферму Бардвелла. Брат написал, что в том случае, если он будет дома, в одном из окон, выходящих на юг, окажется маленький красный флаг. Доротея так волновалась, и ее смущение было так велико, что она не решалась посмотреть, не виднеется ли там красного лоскутка.

Женщину окружало спокойствие чарующего летнего дня. В лесу стояла такая мирная тишина, нежный летний воздух так тихо обвевал щеки, что она мало-помалу успокоилась и почувствовала себя бодрее. Письмо все еще пряталось в кармане, но цветы, которые собрала Дороти, лежали у Доротеи на коленях. Они послужат знаком для брата, укажут, что она приходила сюда. Роджер найдет под камнем письмо и прочитает его. Дня через два ей придется опять вернуться в лес, чтобы посмотреть, нет ли ответа. Она не знала, как устроить вторую прогулку, не возбудив подозрений со стороны старого, но очень проницательного отца.

«Ведь он, – думала Доротея, – найдет неприличным, что дочь владельца Сторма бродит одна по лесам. Может быть, взять с собой Дороти? Нет-нет, малышка не в состоянии идти так далеко. Все это так сложно, так запутанно... Дороти – прелестный ребенок, но в то же время очень беспокойный. А ее отец, ее отец... О, Боже мой, что он делает!»

Старая дева снова поднесла платок к лицу, но на этот раз не для того, чтобы отереть пот; нет, она осушила им капли

слез. После этого решительно поднялась и с минуту внимательно вглядывалась в очертания старого каменного дома. Да, да, там виднелся маленький красный флаг, такой маленький, что, кроме нее, никто бы его не заметил. И все ее сердце рванулось к этому флажку; горячая волна сестринской любви переполнила иссохшую, увядшую душу.

– Роджер, мой Роджер, – прошептала она. – Ах, если бы мы могли встретиться с тобой! Может быть, он сейчас видит меня? О, все это настоящее безумие; а между тем во мне проснулось что-то спавшее все эти долгие одинокие годы, и я рада этому маленькому приключению! Вот только чем все это может закончиться? Один Господь знает ответ на этот вопрос.

Доротея старательно спрятала письмо под плоский камень, так старательно, что его мог увидеть только тот, кому оно предназначалось. Потом положила цветы на камень и отправилась в обратный путь. Она едва брела от усталости, тело ныло от непривычного напряжения, словно на плечи легло бремя прожитых лет, однако в сердце старой девы проснулась решимость бороться за счастье Роджера и его маленькой дочери и сделать ради них все, что только в ее силах.

Глава XI

«Я никогда не любила так, как любишь ты»

Когда тетушка вернулась в усадьбу, Дороти вприпрыжку, пританцовывая и притоптывая ножками, подскочила к ней.

– А нам было ужасно, ужасно весело! – похвасталась она. – Мы выучили стихи, и дедуля показывал мне дерево. Знаешь, с деревом была такая печальная история... Мы молодцы; оба молодцы – и дедуля, и я. Ой, а почему у тебя такое бледненькое усталое лицо, тетя Доротея? Может быть, случилось что-то дурное, дорогая?

– Все хорошо, малышка, просто мне пришлось очень долго идти, а теперь я хочу отдохнуть. Я буду отдыхать очень долго, чтобы к ужину выйти свежей и бодрой.

Дороти сдвинула бровки:

– Тебе нужно выпить чаю.

Мисс Доротея молча вошла в дом, еле передвигая ноги. Дороти провожала ее взглядом. Когда дверь за тетушкой закрылась, девочка помчалась к черному крыльцу старого дома.

В буфетной Карбури точил ножи. Дороти остановилась и стала наблюдать за его работой. Он чистил приборы о полустертый старый камень – у него не было новой удобной

точилки, потому что сэр Роджер не допускал излишних издержек. Дороти пристально смотрела, как он затачивал одно лезвие за другим.

– Скажите, они будут резать? – поинтересовалась она.

– Конечно, маленькая мисс. Только вы уж, пожалуйста, не подходите слишком близко и ни под каким видом не берите их. Маленькие леди должны держаться от ножей подальше.

– А как же быть, если нужно нарезать роз, а к ножам приближаться нельзя? Шипы так больно вонзаются в пальцы! Вот, видите, у меня тут целых две занозы, потому что сегодня утром я сорвала несколько роз для тетушки Доротеи.

– Боже милостивый! Вы решились нарвать роз? – Карбури не уставал удивляться храбрости девочки, которая не боялась ни шипов, ни гнева старого сэра Роджера.

– А почему бы мне не решиться? – с недоумением посмотрела на слугу Дороти.

– Дайте мне посмотреть, маленькая мисс, может быть, я смогу вынуть колючки.

– Вряд ли, но, если хотите, попробуйте.

Карбури стал на колени и осмотрел маленькие пальчики. С некоторым трудом, но он все-таки осторожно вынул обе занозы.

– Вы храбрая маленькая мисс, теперь-то уж я в этом убедился. Кажется, я сделал вам больно, а вы и не закричали.

– Ну, конечно, не закричала. За кого вы меня принимаете?

– Это очень странно, мисс. Я не видывал никого, кто по-

ходил бы на вас.

– Так многие говорят, – пожала плечами Дороти. – Но не могу же я перемениться. Карбури, позвольте мне взять один из этих ножей.

– Нет-нет, мое дорогое дитя, ни за что на свете! Вы страшно обрежетесь, а что тогда скажет ваш дедушка?

– Вы думаете, он заплачет? – Дороти с интересом заглянула в лицо старого слуги.

– Нет, он, конечно, не заплачет, не такой он человек. Но это ему точно не понравится. Вам не следует совершать поступки, которые могут не нравиться старым людям вроде вашего дедушки.

– Почему?

– Потому что это для них вредно, – объяснил Карбури. – Ваш дедушка – старик, сил у него осталось очень мало. Он не может выносить потрясений.

– «Трясения»? Что это такое? – заинтересовалась Дороти.

– Ну, например, он не вынес бы, если бы с вами что-нибудь случилось, маленькая мисс.

– Удивляюсь, – задумчиво произнесла Дороти, – почему тогда меня не убили «трясения»?

– О, моя бедная овечка, – со вздохом вымолвил старый буфетчик, ласково глядя на свою маленькую собеседницу, – вы не понимаете, что значит это слово.

– Нет, почему же, понимаю, – серьезно сказала Дороти. – И «трясения» оставили на мне следы. Карбури, я знаю, что

вы очень милый человек. Вы один из самых лучших людей, которых я видела, конечно, кроме дедушки, мамы и папочки... Ах, я забыла мистера Персела! Он тоже милый, и жена милая – она готовит такой славный тушеный лук! Карбури, вы любите тушеный лук?

– Боже ты мой, конечно! Только я давно не пробовал его. Здесь мы не едим досыта, а совсем даже наоборот.

– Карбури, вы не должны жаловаться на то, как дедушка нас кормит, – Дороти прервала жалобу и выпрямилась с большим достоинством. – Но я сюда пришла по делу. Я обежала дом и пришла сюда, чтобы...

– Вам не годится быть здесь, маленькая мисс. Маленькие леди не должны бывать в кухне или буфетной.

– А я вот пришла и хочу тут быть, – отрезала Дороти. – Мне нужен чай для тетушки, и я хочу, чтобы вы сделали его.

– Я? Это не мое дело! Чай всегда делает Мэри. Лучше пойдите к ней.

– Нет, я хочу, чтобы чай сделали именно вы, собственными руками. Понимаете, однажды я была в тетиной комнате, когда Мэри принесла туда чай. Он был такой слабый, и на тарелочке лежало так мало хлеба с маслом! Я хочу, чтобы вы мне дали целую груду – слышите? – целую груду гренок! Пожалуйста, поскорее заварите чай, Карбури, через минуту я приду. Смотрите же, сделайте все, как я говорю. Вы должны меня послушаться.

Она строго посмотрела на старого слугу и быстро выбе-

жала из буфетной.

С минуту Карбури стоял неподвижно и смотрел ей вслед. Потом покачал головой и озадаченно пробормотал:

– Никогда не видел ничего подобного!

После этого он не спеша, не прибегая к помощи Мэри, которой не было поблизости, заварил крепкий чай, поджарил несколько ломтиков хлеба и густо намазал их маслом. Когда маленькая Дороти вернулась, на подносе благоухали аппетитные гренки.

– Вот и земляника, – девочка выложила на поднос капустный лист с горкой сочных ягод.

– Маленькая мисс! Как?.. Кто?.. То есть, я хочу сказать, как вы могли взять землянику?

– А вот как, сейчас расскажу. На вот этих своих двух ногах я пошла прямо к земляничным грядкам, подняла сетку и нарвала столько ягод, сколько мы с тетей Доротеей сможем осилить. Пожалуйста, поставьте на поднос вторую чашку, потому что я немножко проголодалась.

– И вы не попросили позволения набрать ягод?

– Ну, конечно нет! Ведь земляника дедушкина и моя.

Карбури глубоко вздохнул. Дороти с недоумением посмотрела на него.

– Не понимаю, почему в Англии люди так часто вздыхают? Мы никогда не вздыхали, пока жили в Канаде или в Париже, когда я училась французскому языку. – И она прибавила на чистом парижском наречии: – А вы не говорите по-

французски, Карбури?

– Не понимаю ни слова, ни одного вашего слова, маленькая мисс.

– Вы необразованный старик, – посетовала Дороти. – Ну, пожалуйста, возьмите поднос и идите за мной наверх.

Карбури всем сердцем надеялся, что во время путешествия с подносом от буфетной до комнаты Доротеи он не встретит сэра Роджера. Когда старый буфетчик вошел в будуар мисс Сезиджер и поставил поднос на стол, он снова глубоко, с облегчением вздохнул.

Тетушки Доротеи не было, и племянница с удовольствием начала тут распоряжаться. Природное чувство изящества маленькой Дороти протестовало против окружающей убогой обстановки. Окинув комнату беглым взглядом, она побежала в свою спальню и, порывшись в одном из сундуков, принесла несколько тонких изящных камчатных¹¹ салфеток. Стол, который выглядел таким некрасивым под старой зеленой бумазеей, был укрыт этими остатками прежней канадской жизни. Девочка сложила в дальнем углу все учебники, заслонив их креслом так, чтобы ничто не напоминало о скучных утренних занятиях. После этого Дороти приготовила стол для чая: земляника очутилась посередине, две чашки, поджаренный хлеб, чай, молоко и сахар были расставлены красиво и со вкусом.

«Вот так, точно так накрыла бы стол мамочка, если бы

¹¹ Камчатный, камчатый – сделанный из камчатки, льняной ткани с узором.

ждала папу», – подумала Дороти.

Наконец она подбежала к спальне тетушки Доротеи и постучала в дверь.

– Кто там?

– Я.

– Я очень устала, дорогая, лучше бы ты не входила ко мне, – слышался слабый голос тетки.

– Очень жаль. Дверь заперта? – спросила девочка, не обращая внимания на запрет.

– Нет, но не входи.

– Я вхожу, вхожу, – Дороти отворила дверь, подошла прямо к тетке, лежавшей на постели, поцеловала ее и сказала: – Для тебя приготовлен чай.

– Чай? – переспросила мисс Доротея.

– И для меня тоже. Пойдем скорее, иначе он остынет и испортится.

Несмотря на всю свою решительность и бесстрашие, Дороти от природы была деликатна и тактична. Она ни за что на свете не показала бы, что замечает покрасневшие от слез глаза тети, однако в эту минуту она почувствовала, что нужно действовать твердо. Девочка заставила утомленную тетку подняться с постели, сбегала к столу за греченкой и щеткой, пригладила ей волосы, крепко поцеловала и, не говоря ни слова, повела в будуар.

Когда мисс Доротея увидела все приготовления к чаю и ягоды на капустном листе, она невольно вскрикнула:

– Где ты взяла землянику? Дедушка позволил тебе собирать ее?

– Я не спрашивала позволения. Это ведь дедушкина земляника. Он не сердится, когда я поступаю по своему хотению, ему все равно. Он такой душечка! Сядь, тетушка, сюда, вот тебе земляника и чай. А я примошусь вон там и тоже перекушу. Я проголодалась. А ты, тетя?

– Мне очень хочется пить, и я с удовольствием съем одну ягоду.

– Я положу тебе целую горку ягод! Оторвать веточки?

– Нет, дорогая, я сама.

– Это хорошо, мне ведь тоже хочется поскорее попробовать землянику. Ты сама нальешь чай, тетя, или тебе помочь?

– Я сама, Дороти.

– Это тоже хорошо, потому что мне сильно хочется пить, – и она прибавила по-французски: – Меня мучает жажда.

Мисс Доротея улыбнулась. Она невольно ободрилась, ей была приятна забота племянницы. Дороти, устроившись напротив тетки, с удовольствием пила чай, брала ягоды и добросовестно уплетала их.

– Тетушка, ты многих людей любишь?

– Нет, дорогая, очень немногих.

– Ты любишь дедулю?

– Конечно, милая.

– И моего папочку, который ушел в райскую страну? Ведь

Боженька дал ему чистое сердце и увел его с собой.

Мисс Сезиджер посмотрела на племянницу, помолчала, потом тихо произнесла:

– Я люблю моего бедного брата Роджера.

– И его маленькую дочку? Да, тетя? Ты любишь его маленькую дочку?

– Да, Дороти. Но только когда она умница.

– Но ведь я никогда не умница или очень редко.

– Ты была умницей, когда принесла для меня этот чай.

– Значит, теперь ты меня любишь?

– Мне кажется... Мне кажется, – совсем растаяла бедная мисс Доротея, – что я всегда люблю тебя, послушна ли ты или ведешь себя плохо. Но ты все-таки постарайся, Дороти. Прошу тебя, моя крошка, умоляю, будь умницей.

– Не знаю, не знаю, люблю ли я таких людей, которые умницы, – честно призналась Дороти. – Вот я скажу тебе, кого я люблю, погоди. Я начну с мужчин. Ну, папочка, он, конечно, прежде всех. Он не всегда был умницей, но Боженька дал ему чистое сердце и увел к себе в рай. Я рада, что он там, в раю. После папочки – дедушка. Он такой славный, такой добрый.

– Мое дорогое дитя!

– О да, тетушка, да. Я люблю его – от костлявой руки до большой-большой ступни, от пятки до белой макушки. Я люблю даже его хмурые брови. Люблю его, люблю, люблю! Ты знаешь, когда был жив его брат, он посадил дерев-

це. Правда, правда! Это как в тех стихах, которыми ты меня наказала. И завтра мы вместе с ним будем тебе отвечать урок. После дедушки я люблю милого Карбури, он так ловко чистит ножи и вынимает занозы из пальцев. Вынимает-то он хорошо, только это больно, очень больно. Потом я люблю милого мистера Персела.

– Кто это такой?

– Не знаю. Я встретила его в лесу. Он лечит моего кролика Бенни, и я скоро пойду его навестить. Ну вот, этих четверых я очень люблю. Этого довольно много для маленькой девочки, правда, тетя?

– Да, дорогая.

– Теперь женщины. Мамочка! Она такая добрая, такая кроткая, и она так весело-весело смеется. Она на небе, и ей там лучше, чем здесь. Я не печалюсь, только, знаешь, тетушка, когда она была совсем холодная, я поцеловала ее, а теперь иногда ночью вспоминаю, какая она была ледяная, и тогда вздрагиваю. Но я не горюю, нет, нет, совсем нет. После мамочки – Бидди Мак-Кен, потому что она была моей кормилицей и няней и привезла меня сюда. Ну и, конечно, я люблю тебя, тетя. Я люблю Мэри, не так уж сильно, а все-таки люблю. И еще люблю жену, потому что она делает тушеный лук. Кажется, это все. Тоже довольно много, да? Это может заполнить сердечко, правда, тетя Доротея? Ну вот. Мы съели последнюю ягоду, допили весь чай и не оставили ни кусочка гренок на подносе. Теперь ты скажи мне, кого ты любишь?

Потому что если я, совсем маленькая девочка, люблю столько людей, у тебя в сердце может поместиться еще больше. Скажи мне, кого ты любишь? Ну, начинай с самого начала.

– Нет-нет, дитя мое, – смутилась мисс Доротея, – я никогда не любила так, как любишь ты. Я не умею так любить. И потом многие, к кому я была привязана, лежат в могиле.

Дороти опять наморщила лобик:

– Какая ты странная и глупая, – промолвила она без тени осуждения. – Разве тебе неизвестно, что они не лежат в могилах, а живут на небе с Господом Богом Иисусом Христом?

– Мне не дано чувствовать, как тебе, дитя мое. Я... я... – в голосе мисс Доротеи послышались слезы. – Прости меня, малышка, но я не могу сейчас говорить об этом.

– Ладно, – Дороти весело вскочила со стула, лирическое настроение прошло.

Она подошла к тетке, поцеловала ее, а потом убежала в сад и стала порхать по лужайке, больше похожая на бабочку, чем на ребенка. Она мелькала то в одной, то в другой стороне, наслаждалась ароматом лилий и прелестью роз, иногда весело смеялась сама с собой, глядя вверх в безоблачную лазурь неба, и чувствовала, что жить на свете – это большое счастье.

Дороти и не подозревала, что две пары глаз неотрывно следили за ней. Мисс Доротея смотрела на нее в щелку между занавесями. Во взгляде тетки светилось удивление.

– Право, мне кажется, что долгие годы я жила взаперти,

точно в гробу, – прошептала она, – и этот ребенок, эта крошка понемногу открывает мое сердце.

Ветхий старик, сидевший в своем кабинете, тоже наблюдал за Дороти, но он ничего не говорил, по крайней мере, словами. Он лишь тихонько, мягко повторял про себя, как припев:

– «Я помню светлую сирень,
А в ней гнездо щегла,
И тот чудесный майский день,
Когда она цвела,
И братика невдалеке,
И сажены в его руке...
Летят мгновенья, жизнь пройдет,
А деревце себе растет».

– Боже мой, – пробормотал он, поворачиваясь в кресле так, чтобы не упустить из виду маленькую фигурку в саду. – Как ясно вспоминаются дни молодости, дни раннего детства в старости, в глубокой старости.

Глава XII

Гордость и отчаяние

Бардвел из фермы Хоум был высокий, крепкий человек лет пятидесяти, в его говоре звучало произношение северных англичан. Он не отличался болтливостью и не мог похвастаться большим количеством друзей. Будучи превосходным фермером, он твердо решил добиться того, чтобы ферма приносила доход. Ни одного кусочка своих владений он не хотел оставить без обработки. Задача эта была нелегкой, потому что поля Хоума пребывали в весьма скверном состоянии, рабочие руки стоили очень дорого, а погода то и дело менялась.

Всю свою жизнь Бардвел не жалел ни себя, ни своих сил, вставал рано, ложился спать поздно и, когда не работал в поле, всегда стремился обновлять свои знания, читая последние журналы о земледелии. Малоознакомым людям казалось, что все его мысли заняты только выкормкой скота, рубкой леса, улучшением пастбищ и вообще сельским хозяйством.

Вечером того дня, когда мисс Сезиджер положила письмо под плоский камень на опушке соснового леса, человек с обветренным красноватым лицом, с живыми, темными глазами, с коротко подстриженными волосами и гладко выбритым подбородком вошел в ту комнату, в которой сидел Бардвел.

– Ну что? – спросил Бардвел, подняв голову.

Роджер Сезиджер сел на ближайший стул. Он уже успел прочитать письмо сестры и положить его в карман.

– Она ответила? – поинтересовался Бардвел.

– Да, она была сегодня и оставила письмо. Оно тут, у меня.

– В нем есть что-нибудь?

– Очень мало. Она не привела с собой Дороти.

– Не понимаю, как вы могли ждать этого.

– Я хочу видеть малышку, – Сезиджер чуть повысил голос.

– Успокойтесь. Я согласился на ваши планы и всеми силами стараюсь помочь вам. Хотя у меня точно такие же права на эту крошечную мисс, как и у старого сэра Роджера Сезиджера. Разве не так?

– Конечно, такие же, – подтвердил молодой Сезиджер. – Но, видите ли, я хочу, чтобы моя маленькая прелестная Дороти унаследовала Сторм. Я хочу, чтобы она стала богатой наследницей и чтобы ее воспитывали родственники ее отца.

Лицо Бардвела вспыхнуло. Было ясно, что он рассердился.

– Вы презираете нашу семью! Вы женились на моей дочери, и она была вам преданной, доброй женой. А вы презираете ее родных!

– Сохрани меня Бог, мой дорогой сэр! Кто я такой, чтобы презирать кого бы то ни было? Вы знаете, зачем сюда приехали. Вы арендовали ферму, чтобы быть поближе к внучке.

– Именно так, – кивнул Бардвел.

– Да, да, вы благородно, великодушно помогли мне. Теперь мы вдвоем наблюдаем за маленькой Дороти, и мне нужно, во что бы то ни стало нужно увидеть ее.

– Видеть ее – безумие, по крайней мере сейчас. Она с первого взгляда узнает вас.

– Моя бедняжка, моя прелесть! Вы не знаете, до чего мои руки тоскуют о ней.

– Не сомневаюсь, – заметил Бардвел. – Подвиньте-ка мне сидр¹².

Сезиджер исполнил его просьбу. Бардвел отпил несколько больших глотков.

– Теперь мне лучше, – сказал он, отирая рот. – Мы фермеры, мы из рода в род были фермерами. Мы дети земли и гордимся этим. Право, не знаю, почему я потакаю всем вашим просьбам. Одного я никак не могу понять: зачем вы заставили старого скрягу Роджера Сезиджера поверить в то, что вы умерли, если вы живы-живехоньки и здоровы.

– Он не захотел бы иметь со мной никакого дела, вы это отлично знаете, – был ответ.

– Он принял бы вас, если бы вы вернулись к нему и раскаялись. Особенно, если бы вы бросили вот это, – он выразительно постучал пальцем по бутылке виски, стоявшей на столе. – Если бы вы научились бережно относиться к деньгам, если бы... Одним словом, вы перестали пить и играть.

– У меня сейчас тяжелое время, Бардвел. Не прогоняйте

¹² Сидр – слабоалкогольное яблочное вино.

меня от себя. Глядя на вас, я вспоминаю мою дорогую жену.

– Вы свели в могилу мою дорогую красавицу, мое единственное сокровище! Право, мне не за что вас любить, сам не понимаю, почему разрешил я вам находиться в этом доме.

– Я уеду, не сомневайтесь. Уеду на другой край земли, когда будущее моей Дороти будет обеспечено, – пообещал Сезиджер. – Я не хочу, чтобы она лишилась возможности стать богатой. Но я должен повидать ее.

– Вот что я скажу вам, – снова заговорил Бардвел. – В Сторме меня никто не знает. Завтра же я отправляюсь туда и попрошу о встрече с лордом. Кстати, и повод есть: здесь, в Хоуме, давно пора перекрыть крышу. Конечно, старый Сезиджер отошлет меня к своему управляющему, Хэзелтону. Но прежде я, может быть, успею встретиться с хозяином усадьбы и, возможно, с этим нашим прелестным цветочком. А потом вернусь и расскажу вам, как она выглядит.

– О, Бардвел! – Сезиджер обрадовался и разволновался так, будто ему самому завтра предстояло свидание с дочерью. – Если бы вам удалось немножко поговорить с ней! Она такая хитрая малышка, у нее есть дар привлекать к себе сердца. Я думаю, она уже очаровала всех в Сторме и вьет из них веревки своими маленькими ручками. Если бы вы только узнали, как она себя чувствует, как выглядит, помнит ли обо мне, думает ли о своей дорогой маме!

– Я все это узнаю. Завтра же поеду туда верхом. Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

– Только смотрите не проговоритесь, что у вас кто-то живет. Главное, не вздумайте заговорить с моей сестрой Доротеей, потому что она будет не в состоянии скрыть своего волнения, если только узнает ваше имя. У нее все чувства написаны на лице. Бедная Доротея совсем не умеет управлять собой.

– Бог с вами! Ведь я поеду в Сторм не для того, чтобы навредить вашим планам. Я хочу помочь. Не бойтесь, от меня вам не будет никакого вреда.

– Но я хочу увидеть дочь своими глазами, – сказал Сесиджер.

– Прекрасно, но как только вы с ней встретитесь, в ту же минуту они отошлют от себя Дороти. Вы думаете, меня это пугает? Нет. Я как раз хочу, чтобы девочка попала ко мне. Она не пострадает, а просто переедет к другому своему деду. Вот и все горе, которое может грозить ей.

– Нет-нет, – торопливо перебил Роджер, – она должна получить Сторм. А после, но, пожалуйста, только после этого, мой дорогой сэр, она примет вас в глубину своего сердца. Она такой сердечный ребенок, и у нее нет никакой гордости.

– Зато у меня гордости много, – ответил Бардвел. – Я не хочу, чтобы меня любили из снисхождения. Завтра я поеду в Сторм и расскажу вам обо всем, что увижу и что услышу в усадьбе.

Глава XIII

Мистер Как-меня-зовут

На следующий день рано утром Бардвел начал собираться в Сорм. Он ненавидел «важных», так как сам был простолудином и гордился этим. Он обладал большим достатком, и, по сравнению со старым Роджером Сесиджером, его можно было назвать еще совершенно молодым. Но ничто на свете не могло бы заставить его одеться как «надутые аристократы». Для поездки он выбрал костюм из грубого твида и, сев на крепкого гнедого коня, тронулся в путь.

Он поехал не через лес, а по большой дороге, обсаженной деревьями. Безлюдная, живописная местность навевала на всадника грустные мысли и воспоминания. Ему казалось, будто здесь можно встретить живыми давно умерших людей.

Бардвел задумчиво и медленно ехал по аллее из высоких сосен. Когда впереди показался дом, он на минуту остановил лошадь и огляделся, силясь успокоиться и придать лицу бесстрастное выражение, чтобы не проявлять ни удовольствия, ни отвращения. Перед ним был очень старый, даже довольно заброшенный дом, но тем не менее зубчатые стены, серая башня на одном его конце и плущ, который в изобилии окутывал старое строение, дышали величием и благородной красотой. Бардвел привык к картинам менее живописным,

но приятным глазу, поэтому сильно запущенный сад представлял для него печальное зрелище.

«Повсюду сорные травы», – с осуждением подумал он. Но вскоре его презрение невольно сменилось восхищением. «Если бы на Сторм разумно тратили деньги, это была бы прекрасная усадьба, потому что в имении богатые пастбища. Если бы моя дочь осталась жива, она со временем сделалась бы здесь хозяйкой, – пробормотал он про себя. – Моя дорогая девочка, мое единственное дитя. Все это принадлежало бы тебе!»

Он провел большой загрубелой рукой по глазам, точно стал плохо видеть, потом снова пустил лошадь вперед. Он подъехал к главному подъезду и заметил, что через одну из лужаек идет какой-то человек, позвал его и попросил подержать лошадь. Это был Петерс, помощник садовника.

Петерс подошел медленно, с некоторым удивлением, потому что гости редко приезжали в Сторм. Бардвел спешился, подошел к главным дверям и позвонил. Колокольчик глухо звякнул, точно спал, вдруг проснулся и не знал, как следует вести себя. На звон вышел старый слуга в порыжелом черном сюртуке.

– Мне нужно видеть вашего господина, – сказал Бардвел.

– Сэра Роджера? – переспросил Карбури. – Он никого не принимает.

– Скажите ему, любезный, что я специально приехал с фермы Хоум и желал бы повидаться с ним. Мне необходимо

его видеть.

– Значит, вы мистер Бардвел с фермы Хоум? – полюбопытствовал Карбури.

– Вам нет дела до моего имени. Мне нужно видеть вашего господина. Я арендую его ферму и хорошо плачу ему.

– Управляющий, мистер Хэзелтон, в деревне.

– Мне нужно видеть сэра Сезиджера, а не мистера Хэзелтона.

– Не думаю, чтобы он принял вас, сэр, – сухо произнес Карбури, – но я, конечно, пойду и спрошу.

– Хорошо, идите скорее. У меня мало времени.

Лошадь Бардвела беспокоилась и била копытом по гравию. Из окна выглянула темноволосая головка.

– Тетушка Доротей, перед подъездом стоит лошадь! Как раз перед подъездом.

– Дороти, мы еще не закончили занятия.

– Но это такая прелесть; я только сбегаю узнать, чья она.

– Дороти, Дороти!

– Я мигом, тетушка, дорогая! Мне непременно нужно узнать про лошадь.

Напрасно мисс Доротей звала свою ученицу. Девочка выбежала из комнаты. В одну минуту она очутилась внизу и остановилась перед Бардвелом раньше, чем Карбури вернулся назад.

– Вы, – хрипло, но отчетливо заговорил Бардвел, – маленькая Дороти Сезиджер?

– Ну, конечно, это мое имя, – кивнула Дороти. – А как вас зовут?

– Меня зовут... Как меня зовут?..

– Ха-ха-ха, как смешно! – расхохоталась Дороти. – Меня еще никогда никто так не смешил! Ну-с, мистер Как-меня-зовут, что вам угодно?

– Я хочу видеть вашего дедушку.

– Тогда пойдемте. Я проведу вас к нему.

Как раз в это мгновение появился Карбури.

– Сэр Роджер велел кланяться вам и сказать, что, к сожалению, он не может...

– О, Карбури, как длинно вы говорите, – прервала Дороти. – Мистер Как-меня-зовут хочет видеть дедулю, и я отведу его.

– Мисс Дороти, разве вы можете?

– А разве нет? Пойдемте, мистер Как-меня-зовут.

Маленькая нежная ручка протянулась к грубой руке фермера, взяла ее и повела посетителя по галерее, потом по коридору. Наконец они оба остановились перед дверью в кабинет сэра Сезиджера. Дороти постучала пальчиком.

– Нужно сначала постучаться, – объяснила она, поворачиваясь и глядя на своего спутника.

– Кто вас научил хорошим манерам, маленькая мисс? – спросил он.

– Моя милая мамочка, мистер Как-меня-зовут.

Рука Бардвела сильнее сжала ручку ребенка.

– Вы хорошая девочка, хороший ребенок, – сказал он.

– Дедуля! – позвала Дороти.

– Не входи, я занят. Ты должна сидеть за уроками, – отозвался сердитый голос.

– Дедуля, я все-таки войду с мистером Как-меня-зовут.

Дверь отворилась, в комнату ступила маленькая девочка и высокий фермер с грубоватым лицом. Сэр Роджер поднялся с кресла. Его лицо полиловело от досады и негодования.

– Право, Дороти, это уж слишком!

– Право, дедушка, тебе не идет хмуриться. Лучше сядь-ка в кресло и возьми меня на колени, а мистер Как-меня-зовут пусть сядет здесь. Ему нужно поговорить с тобой, и он славный. Он немного грубоватый, но что же поделаешь. Дедушка, невежливо отсылать от себя гостей. Садись же, дедуля, садись.

– Мне очень жаль, – начал Бардвел. – Я приехал по одному маленькому делу, о котором два или три раза говорил вашему управляющему, но, к сожалению, он не обратил внимания на мои слова. Необходимо перекрыть крышу моей фермы. Во время дождя она течет сразу в нескольких местах.

– Неужели дождь капает вам на нос, когда вы спите, мистер Как-меня-зовут? – спросила Дороти с большим любопытством.

– Ну, нет, не совсем, но все же...

Рука сэра Роджера указала на кресло, стоявшее рядом с ним. Бардвел сел. Дороти устроилась на своем обыкновен-

ном месте, на коленях деда. Она обвила вокруг себя большую руку и покачивала одной из своих маленьких ножек. Ее блестящие мягкие глаза не отрывались от лица Бардвела.

– Как странно, – прошептала она. – Он как будто кого-то мне напоминает.

И вдруг она повернулась и посмотрела прямо на сэра Роджера:

– Позаботься об этой крыше. Вдруг бедный нос фермера схватит насморк? О, мой славный миленький дедуля! – Дороти прижалась лицом к груди деда и стиснула его в объятиях. – Я тебя так люблю! Ты такой добрый, самый добрый на свете. Знаешь, я сейчас быстренько сбегаяю и наберу ягод для тебя и твоего гостя. Вы оба с удовольствием поедите их. Бедный мистер Как-меня-зовут такой красный! Он, верно, очень устал.

– Маленькая мисс, может быть, вы захотите подойти ко мне и посидеть у меня на коленях? – глухо промолвил Бардвел.

– Нет, благодарю вас, не сегодня, – отказалась Дороти. – Потому что, видите ли, я не могу бросить моего собственного душечку дедушку. Ведь правда, не могу?

– Не можешь, – старый сэр Роджер смотрел на Дороти с обожанием. – Ты какая-то странная, ты будто ангел, а не ребенок. Не понимаю, как тебе удается вить из меня веревки? Почему ты можешь делать со мной все, что угодно?

– А я понимаю, – сорвалось с губ Бардвела.

– Вы, сэр? – старый Роджер резко обернулся к гостю, и в его голосе прозвучало глубокое высокомерие.

– Вам не следует перебивать дедушку так громко и так внезапно, мистер Как-меня-зовут, – заметила Дороти. – Из-за этого он подскочил.

– Мне очень жаль, маленькая мисс, – сконфузился фермер.

Он на время забыл об осторожности и чуть не проговорился, что знал женщину, которая одарила Дороти умением всех очаровывать. Когда-то давно в его доме жила такая же маленькая девочка, наделенная этим прекрасным даром. Его собственная единственная дочка, ласковая, кроткая, деликатная, которая не уставала изумлять его, потому что не походила ни на кого из своих родных. Девушка, которая рано покинула отца, вышла замуж... Да, покинула и умерла.

К горлу Бардвела подступило рыдание. Ему хотелось схватить и унести с собой это маленькое существо, не догадывавшееся о том, что он тоже ее дедушка. Ему хотелось, чтобы она так ластилась к нему, чтобы одаривала своей любовью его, а не чопорного и высокомерного Роджера Сезиджера.

Дороти серьезно наблюдала за собеседниками со странной пронизательностью, которая иногда появляется в глазах ребенка, переводила взгляд с одного человека на другого. Потом ласково и мягко сказала:

– Я пойду собирать землянику. Сегодня тете Доротее совсем не удастся справиться со мной. Думаю, дедуля, после

завтрака нас с тобой опять накажут: заставят учить стихи. Пойдемте в сад все втроем, я буду собирать для вас ягоды и сразу вам отдавать.

– Дороти, – сэр Роджер медленно поднялся с кресла, – я не пойду с тобой в сад. У меня еще много дел сегодня утром. Что касается вас, сэр, я наведу справки относительно крыши вашей фермы и прикажу тотчас же привести ее в порядок. Вам нечего больше сказать мне, сэр?

– Нечего, сэр. Скажу только, что я... – Бардвел замолчал, его горло сжалось.

– Что? – сэр Роджер теперь выпрямился, на минуту перестав горбиться, и казался очень высоким и важным.

– Что я завидую вам, сэр, – с вызовом проговорил фермер.

– Нечему завидовать.

– Как, – воскликнул Бардвел, – не завидовать вам, когда у вас живет эта крошка, которая вас любит и все время находится рядом?

– Я стар, – проговорил сэр Роджер. – Никто не должен завидовать старикам. Если даже у них и бывают мимолетные радости, они скоро лишатся их.

– Да, к сожалению...

– Пойдемте, мистер Как-меня-зовут, – Дороти решила сгладить возникшее напряжение. – Вы огорчаете дедушку. Дедуля, ты у меня еще совсем не старь, у тебя отличный возраст. Погоди, я скоро вернусь.

Она взяла фермера за руку и увела его из комнаты.

– Вы поцелуете меня разок, маленькая мисс? – умоляюще попросил Бардвел, пристально глядя на малышку.

– Я не целую незнакомых.

– Но если я попрошу поцеловать меня ради кого-то другого?

– Я не целую людей, которых еще не люблю, – объяснила Дороти. – Но я очень нежно возьму вас за руку и, если вам не хочется земляники, провожу до ворот, посмотрю, как вы сядете на лошадь и уедете. Надеюсь, что дедуля спасет от дождя ваш бедный нос, мистер Как-меня-зовут. И надеюсь также, что вы опять приедете, потому что, может быть, через некоторое время я полюблю и вас.

– Хорошо. До свидания, маленькая мисс, – только и смог произнести едва не плачущий Бардвел.

Медленно и печально ехал он по длинной аллее.

– Она чудесный ребенок, – сказал он отцу Дороти, вернувшись домой, – и этот старик, этот скупой богач, очарован ею.

– Зачем вы браните моего отца? – оборвал тестя Сесиджер.

– Прошу прощения, но все это слишком тяжело.

– Расскажите мне о дочери, – попросил Роджер.

– Я плохой рассказчик. Знаю только, что она, как вы и говорили, полностью заморозила обитателей Сторма. В том доме она может делать все, что ей угодно и с кем угодно.

– Я хочу ее видеть. Мне так ее недостает!

– Это меня не удивляет. Я тоже хотел бы, чтобы она жила

со мной, хотел бы больше всего на свете. Она напоминает мне мое дитя, мою дочь, сердце которой вы украли, которую вы увели с собой. Если бы не вы, Роджер, она вышла бы замуж за какого-нибудь фермера, и у нее были бы счастливые румяные дети, и она осталась бы жива, а не лежала бы в могиле. Мне не за что любить вас. Мне совсем незачем помогать вам.

– Но вы все-таки помогаете...

Бардвел выпил глоток своего любимого сидра.

– Вот что я скажу вам, – сухо произнес он, поставив кружку на стол. – Если бы у меня был такой ребенок, я не жил бы так, как вы живете.

– Ну, продолжайте, продолжайте, – Роджер улыбался с напускным легкомыслием. – Говорите, не стесняясь. Я готов выслушать все, что вы скажете.

Бардвел пристально посмотрел на него.

– Вы сами испортили свою жизнь, – проговорил он. – Вы подвержены двум тяжким грехам. Во-первых, вы пьете больше, чем следует. А во-вторых, когда у вас заводятся деньги, идете и проигрываете их в карты.

– Я не могу совладать с собой. Во мне горит страшный огонь, – Роджер вскочил со стула и пошел к двери из комнаты, потом вернулся. – Вы думаете, такое дитя, как Дороти, может удержать человека от порока и спасти его от греха?

– Она спасла бы меня от гибели, от соблазна, – убежденно сказал Бардвел. – Она похожа на свою мать, и уже одно это

сходство увело бы меня от любого зла. В то же время в ней странным образом присутствуют и ваши черты. Она – вы, но без вашей слабости. Вы были таким раньше, до того как небесные ангелы от вас отступились и дурные темные силы овладели вами. Если бы я был таким, как вы, я постарался бы исправиться ради Дороти. Разве ей Сторм нужен? Ей нужно, чтобы отец любил ее и был с ней добр и ласков. Она не понимает, что такое страх, не понимает, что такое зло. Пусть она становится богатой наследницей, как вы желаете. Только помните, что если хозяева Сторма будут дурно обращаться с ней, я явлюсь на выручку, потому что полюбил ее. Мне кажется, будто мое собственное дитя вернулось к жизни.

– Что ж, я действительно нераскаившийся блудный сын, игрок и мот, – Роджер попытался сделать вид, будто его не тронули слова тестя. – Пусть мой план относительно будущего дочери выглядит безумием, но мы доведем дело до конца. Вот только мне так хочется увидеть малышку! Благодарю вас за вести о ней. Да, кстати, вы видели старика?

– Он отказался принять меня, но девочка устроила нашу встречу. Она провела меня прямо в кабинет.

– Как это на нее похоже! – громко расхохотался Сезиджер.

– Она усадила меня на стул, а сама взобралась на колени старика и, сидя у одного дедушки, вежливо разговаривала с другим. Я несколько раз чуть было не потребовал, чтобы она ушла со мной.

– Вы погубили бы решительно все!

– Да ведь я же удержался.

– Как вы назвали себя?

– Я велел доложить о себе как о мистере Бардвеле. Никто ничего не заподозрил. Она спросила, как меня зовут, а я сказал: «Меня зовут... Как меня зовут?» – и, поверите ли, Сезиджер, она все время звала меня мистер Как-меня-зовут.

Сезиджер вновь разразился громким хохотом, который прервался всхлипыванием:

– Прелесть, прелесть! Как это на нее похоже, как похоже!

Помолчав несколько мгновений, он снова повернулся к фермеру:

– Вы дали мне пищу для размышлений на целый день, Бардвел. Я буду думать о ваших словах.

И вышел из комнаты.

Прямо за фермой Хоум начиналась пустошь, поросшая вереском. Туда и пошел Сезиджер. Он был одет в простое грубое платье, какое носят простолюдины. Платье плохо сидело на нем и скрывало все еще красивую фигуру. На голову он надвинул войлочную шляпу с широкими полями, за которыми отчасти пряталось лицо. Шел он медленно, как человек, отягощенный многими печальями и заботами.

Придя на пустошь, Роджер огляделся по сторонам. Вокруг не было ни одной живой души. Вереск уже начал покрываться светло-лиловыми цветами, кое-где виднелись еще свежие зеленые листья папоротника. Сезиджер бросился в траву, надвинул войлочную шляпу еще больше на глаза, сложил руки

под затылком и принялся раздумывать.

В нем как будто жили два человека: один очень хороший, другой очень дурной. Маленькая Дороти никогда не видела его дурной половины, потому что от неприглядных сцен девочку старательно оберегала мать. Но сейчас две натуры боролись в нем, на него нахлынули воспоминания о минувших прекрасных днях. Перед ним проходила прошлая жизнь: времена детства, когда они вместе с сестрой играли в старом саду Сторма; старые пастбища, широкие луга; пони, на которых они катались; игра в крокет; похвалы и восторги школьных учителей. В детстве он очень хорошо учился и получал множество наград. Потом Роджер поступил в военный корпус, где и случилось непоправимое – он опозорил себя. Об этом ему вспоминать не хотелось. Тогда пришлось немедленно оставить службу. Об этом он тоже старался не думать. Отец встретил его бранью, оскорблениями, проклятиями. Сестра горько плакала. И вот его, еще совсем молоденького мальчика, отправили в колонии, чтобы прошло время и в обществе забыли о том, что он натворил.

Там Роджер сперва начал исправляться. Он поступил помощником к фермеру, и из дома его обнадежили: если он будет продолжать держаться хорошо, то получит сумму, необходимую для покупки собственной фермы. Юноша очень старался и усердно учился сельскохозяйственному труду.

Когда ему минуло двадцать два года, фермер послал сэру Роджеру Сезиджеру прекрасный отчет о своем помощнике.

В письме говорилось, что молодой человек вполне сможет теперь вести собственное хозяйство. В ответ старик прислал большую сумму денег на покупку фермы в Канаде. Вместе с деньгами пришло также письмо от сэра Роджера. Отец писал, что если его сыну угодно, он может приехать в Англию, будет принят в Сторме и прощен. Старый Сезиджер прибавил еще, что Роджер сможет три месяца погостить в усадьбе перед возвращением в Канаду.

Молодой человек быстро решился... Он тотчас же телеграфировал отцу, что едет домой. К несчастью, на палубе парохода он встретил игроков, которые значительно облегчили его кошелек. Страсть к игре снова вспыхнула в нем. Когда пароход подошел к берегам Англии, у молодого Роджера осталась только половина суммы, присланной отцом на покупку фермы.

Путь в Сторм был теперь для него закрыт, молодому человеку даже думать об этом было неприятно. Роджер написал старику дерзкое письмо и уехал во Францию. В Париже он вскоре встретил красавицу, которая стала его женой. Она была дочерью фермера из Йоркшира, но молодому Сезиджеру не было никакого дела до ее родных. Она была хорошо воспитана и образованна. Роджер рассказал невесте часть своей истории, скрыв наиболее некрасивые детали. Они обвенчались, а потом поехали на йоркширскую ферму.

Мать молодой женщины умерла при ее рождении. Отец же, узнав о скоропостижной свадьбе дочери, ужасно рассер-

дился. Фермер не желал иметь зятем бездельника, и его несколько не утешало то, что муж дочери был знатного происхождения. Так же был разгневан и другой отец, когда в Сторм дошло известие о браке сына. Старый сэр Роджер написал новобрачному письмо, в котором объявлял, что никогда не пришлет ни одного пенни, что с этих пор Роджер должен сам содержать себя, что он сам избрал себе судьбу и что двери Сторма навсегда для него закрыты.

И все-таки женитьба Роджера Сезиджера на дочери северного фермера стала его единственным по-настоящему умным и правильным поступком. Его молодая жена обладала сильным характером и в то же время кротостью, имела на мужа большое влияние и часто удерживала от худших пороков. У нее был чудесный голос, и она давала уроки музыки и пения. После рождения маленькой Дороти они провели пять лет в Париже. Там Сезиджер опять начал пить и играть. Когда Дороти шел шестой год, семья переехала в Канаду. Там мать девочки по-прежнему зарабатывала деньги, а отец продолжал предаваться пагубной страсти. Иногда он выигрывал громадные суммы, но чаще проигрывался в пух и прах.

И вот теперь его преданная подруга умерла, а дочка жила в Сторме. Роджер обратился за помощью к отцу своей жены, и Бардвел, в общем, простил его, согласившись жить неподалеку от Дороти, чтобы посмотреть, как сложится ее дальнейшая судьба.

– Я расточитель, мот, блудный сын, – вслух шептал Сези-

джер. — Я всегда вел дурную, недостойную жизнь, во мне нет ничего хорошего, но мне тяжело без моей Дороти. Боже, помоги мне. Я до безумия люблю ее.

Он поднялся с земли, вернулся в дом, написал письмо и отнес его под плоский камень на опушке соснового леса.

Глава XIV

Каша и кролик

Стоял чудесный день. Шла вторая неделя июля. Однако мисс Доротея Сезиджер не находила себе места, и маленькая Дороти решительно не могла понять, что такое происходит с теткой. Девочка умела удивительно хорошо подмечать выражение лиц людей. Старая дева все придумывала повод уйти из дому, чтобы побывать подле плоского камня. Он был очень далеко, и, если бы она начала постоянно бродить по stormским лесам, все бы это заметили.

Мисс Сезиджер совершенно не привыкла к волнениям. До сих пор она вела ровную, однообразную и правильную жизнь, а потому заботы, необходимость хранить тайну от отца и желание повидать брата – все вместе доводило ее до изнеможения.

До сих пор у нее не было никаких стоящих внимания секретов. Теперь же она скрывала нечто очень важное: брат, которого, как все предполагали, она оплакивала, оказался жив и находился неподалеку. Кроме того, между ними установилась тайная переписка. Сердце бедняжки нестерпимо ныло, а ум пребывал в рассеянности, поэтому тетку Доротею ни в каком случае нельзя было бы назвать хорошей учительницей Дороти.

Между тем старый сэр Роджер заболел. Он простудился, и ему пришлось лечь в постель. Владелец Сторма редко позволял себе такую роскошь, и все домашние были в тревоге. Он наотрез отказался звать доктора и допускал к себе только Карбури, которому дал строгие указания:

– У меня нет ничего серьезного. Я только желаю, чтобы мне на обед приготовили горшок каши. Завтра я уже встану и буду таким же, как обыкновенно. Скажите об этом всем в доме, пусть не хлопочут и не беспокоятся обо мне.

– Скажу, сэр, конечно, непременно скажу, – поклонился верный слуга.

– Вы можете идти, Карбури. Оставьте меня одного. Если кто-нибудь спросит обо мне, скажите, что я сплю.

– Я думаю, сэр, что маленькая мисс немного утомила вас. Вы ведь не привыкли так долго сидеть в беседке.

– Удержите мою внучку, Карбури. Я не хочу, чтобы кто-нибудь входил ко мне.

– Всеми силами постараюсь исполнить это, сэр Роджер, но маленькая мисс...

– Не хочу слышать никаких «но». В эту комнату можете входить только вы.

– Слушаю, сэр.

Карбури на цыпочках вышел и на лестнице встретил Мэри.

– Он желает на обед кашу. Лучше добавьте в нее молока. Раз ему действительно нехорошо, он не рассердится, если мы

приготовим все как следует.

– Но ведь он не умирает, правда? – забеспокоилась Мэри.

– Говорит, что у него ничего серьезного, но мне не нравится его лицо. А я знаю, какой вид бывает у людей, когда они сильно болевают.

– Боже мой! Ведь он еще не настолько стар!

– Он очень стар, – вздохнул Карбури. – И что еще хуже, у него было много волнений. Волнения убивают больше всего.

– Это правда. Я еще беспокоюсь о мисс Доротее. Она так переменялась, что сама на себя не похожа.

– Ну, этому-то как раз я не удивляюсь. Ей приходится ухаживать и следить за маленькой мисс, а это ох как непросто! – развел руками Карбури. – С другой стороны, мне никогда не было бы скучно, если бы такой ребенок сидел и разговаривал со мной.

– Ах, вы не знаете! Вы, мужчины, никогда ничего не замечаете, – Мэри сокрушенно покачала головой. – Маленькая мисс никому не мешает, и мисс Сезиджер беспокоит совсем не она.

– А вы видели мисс Доротеею вчера вечером, когда она с сэром Роджером танцевала в гостиной? – спросил Карбури. – Маленькая мисс распорядилась, и старик кланялся ей и выделывал па медленно и плавно, ну точно француз. Ей богу, я чуть не задохнулся от смеха, глядя на них. Маленькая мисс открыла окна. Вот он и простудился.

– Господи, – изумилась Мэри. – Неужели вы хотите ска-

зять, что танцевали взрослые, а мисс Дороти смотрела? Неужели мисс Сезиджер танцевала?

– Да еще как, и ее щеки горели, она казалась почти хорошенькой.

– Ну, нет, она нехороша собой, – заметила Мэри. – Она слишком костлява.

– Как бы то ни было, они кланялись друг другу, наклонялись, а малышка раздавала приказания и перебегала от одного к другому, точно добрая волшебница.

– Что же вы вчера скрыли это от меня, Карбури? Могли бы шепнуть мне словечко, я бы тоже с удовольствием взглянула одним глазком.

– Побоялся, – признался Карбури, – я сам едва сдерживался от смеха. Мне казалось, что, если кто-нибудь еще придет смотреть на них, я не удержусь. Конечно, наш старик простудился из-за этого! А простуда опасна для старых людей, очень опасна.

– На вашем месте я не стала бы каркать, – оборвала его Мэри. – Через день-два он поправится.

– Вот и он говорит то же самое и не хочет, чтобы звали доктора. Между прочим, он приказал, чтобы к нему не пускали маленькую мисс.

– Да уж, это легче сказать, чем сделать.

– Ну, одним словом, я получил приказание. Так вы говорите, мисс Сезиджер тоже не совсем здорова?

– Это бросается в глаза, достаточно посмотреть на нее. Ко-

нечно, пища плоха, но прежде мисс Доротея просто набрасывалась на все, что ей подавали, а теперь еле дотрагивается до еды. И даже когда маленькая мисс заставляет ее смеяться, она смеется, так сказать, половиной лица. Посмотрите на нее, когда она молчит, и вы увидите, что ее гложет какая-то забота. И потом, Карбури, зачем она ходила в лес?

– В лес? – изумился старый слуга.

– О, я хочу только сказать, что ее что-то тяготит, тревожит.

– К чему рассуждать об этом попусту. Лучше идите-ка и сварите кашу нашему господину, – промолвил Карбури, сворачивая разговор.

Мэри пошла на кухню.

Все это происходило в тот самый день, когда мисс Сезиджер настраивала себя на опасную длинную прогулку – она снова собиралась пойти в лес, чтобы посмотреть: не ждет ли ее под плоским камнем письмо. О болезни отца она узнала во время завтрака. Карбури вошел и печально сообщил, что сэр Роджер останется в постели и что он просит домашних ни под каким видом не беспокоить его. Мисс Сезиджер бросила испуганный взгляд на Дороти, а девочка успокаивающе взглянула на тетку и проворковала, положив ручку на сердце:

– Я чувствую, что сегодня удачный, добрый день, и, конечно, буду прекрасно, прекрасно учиться.

Мисс Сезиджер отвела девочку наверх, и до обеда они за-

нимались.

Дороти делала успехи в арифметике и легко осваивала книгу «Путь к знанию», одновременно обучая, как она выражалась, тетюшку французскому языку. Она выучила все стихотворение «Я помню» и часто тихонько шептала его про себя.

Наконец пришло время отправиться в северный лес. Мисс Сезиджер, стараясь скрыть дрожь в руках, надевала шляпку.

– Дороти, – предупредила она, выходя из комнаты, – смотри, ни в каком случае не беспокой дедушку. Этого нельзя делать. Я уйду на время.

– А мне нельзя с тобой, тетя?

– Нет, дорогая, не сегодня. Может быть, когда-нибудь в другой раз я возьму тебя, но не сегодня. Я иду гулять.

– Куда, тетюшка?

– Маленькие девочки не должны задавать таких вопросов.

– Нет? – спросила Дороти. – Но ведь тогда маленькие девочки вообще ничего не будут знать.

– Взрослые сами научат их, чему нужно.

Дороти покачала головой.

– Нет-нет, это не так, тетя Доротея. Если бы такие маленькие девочки, как я, не задавали вопросов, они ровно ничего не узнали бы.

– Ну, хорошо, во всяком случае, я не скажу тебе, куда иду, и, полагаясь на твою честь, надеюсь, что ты не будешь стараться узнать это.

– Конечно, не буду. К тому же у меня есть дело: я должна присмотреть за бедным дедулей.

– Он не совсем здоров и просит, чтобы ни ты, ни я не беспокоили его.

Дороти улыбнулась ангельской улыбкой.

– Бедный мой голубчик, – прошептала она.

– Ты сделаешь то, что тебе приказано, правда, дорогая?

– Поцелуй меня, тетушка, и не делай такого расстроенного, печального лица; это беспокоит и огорчает меня.

Доротея наклонилась и поцеловала Дороти. Ей хотелось попросить племянницу еще раз нарвать в саду цветов, чтобы оставить их на плоском камне, но она побоялась. После ее ухода Дороти отправилась бродить по саду.

Заметив девочку, Карбури с облегчением вздохнул: «Она действительно милое дитя, – умилялся он про себя. – Когда ей скажешь что-нибудь прямо, она на редкость послушна. Ну, теперь, может быть, я могу отдохнуть немного. Мэри сидит в швейной комнате, и никто не будет надоедать мне. По правде говоря, я порядочно устал!»

Дороти неторопливо пересекала сад. Тетя Доротея прошла здесь за полчаса до нее. Девочка не надела шляпу, она никогда этого не делала, когда выходила во двор или в сад. Белое платье было чистым, без одного пятнышка, густые темные волосы падали на плечи и доходили почти до талии. Маленькое серьезное лицо было задумчиво.

Шаг за шагом, сама не замечая того, она приблизилась к

изгороди, которая отделяла сад Сторма от ближнего леса, и через мгновение оказалась уже в чаще. Кролики всех цветов так и мелькали перед ней: белые, черные, белые с черными пятнами, коричневые! Высоко подняв коротенькие хвостики, они при ее приближении разбежались в разные стороны. Дороти смотрела на зверьков глазами, полными любви и восхищения, и продолжала идти вперед. Вскоре она очутилась в той части леса, которая вела к домику Персела.

До жилища лесного сторожа было далеко, но девочка стремилась к известной цели, а это поддерживает бодрость сердца и духа таких созданий, как Дороти.

В дом лесника она пришла как раз в то время, когда миссис Персел накрывала стол для чая. В комнате было прохладно, входная дверь была открыта. Дороти вошла, не постучав.

– Это я, жена! – сказала она, перейдя сразу к делу: – Как здоровье Бенни?

Миссис Переел вздрогнула, потом поклонилась, и кровь бросилась ей в лицо.

– Ах, это вы, моя дорогая, – радостно засуетилась она. – Я сначала вас не узнала. Не хотите ли присесть?

– Я не могу задерживаться надолго, жена, я пришла за Бенни.

– Ему гораздо лучше, даже можно сказать, он совсем здоров. Персел хотел отнести его к вам завтра или на днях.

– Если вам все равно, я возьму его теперь. Он мне нужен для дедули. Видите ли, мой дедушка очень нездоров, и я ду-

маю, Бенни займет его больше всего на свете. Пожалуйста, дайте мне его.

Миссис Персел прошла в угол комнаты, пошарила в клетке и вынула оттуда совершенно здорового на вид кролика.

– Вы не донесете его на руках, моя дорогая.

– Ну, так посадите Бенни в корзинку, – предложила Дороти. – Ах, какая прелесть, ах ты, мой маленький голубчик! Я так вам признательна, жена, и, пожалуйста, передайте спасибо мистеру Перселу! Нет, благодарю вас, я не могу остаться у вас на чай. Мне очень жаль, но я не могу, потому что моему дедуле нужен Бенни.

Через минуту маленькая Дороти двинулась из лесного домика в обратный путь, держа в руках корзину. В Сторм она вернулась очень усталая. Ей было жарко, личико горело, но она, не останавливаясь, прошла в дом.

Повсюду стояла неподвижная тишина жаркого летнего дня. Мэри в швейной комнате приводила в порядок платья маленькой мисс. Туалетов было много, целые дюжины, один нежнее, милее и красивее другого. Мэри размышляла, что будет, когда девочка вырастет из всех этих нарядов, и сумеет ли мисс Сезиджер сшить ей столь же элегантные платья. Потом мысли служанки перешли на мисс Доротею, и она начала раздумывать, что скрывает старая дева. Мэри было известно, что мисс Сезиджер опять в одиночестве ушла в лес и, если прогулка продлится как в прошлый раз, еще не скоро вернется. Зачем она пошла туда?

Мэри не беспокоилась о том, чем занята сейчас маленькая Дороти. Она точно знала, что оба садовника, совершенно очарованные непосредственностью и веселым нравом Дороти, с удовольствием присмотрят за малышкой. Старый хозяин приказал никому, кроме Карбури, не входить в свою спальню, поэтому Мэри чувствовала себя совсем свободной. Она работала, но игла двигалась все медленнее и медленнее, наконец, разморенная летним теплом и восхитительной тишиной, служанка задремала.

Крепко спал в буфетной и утомленный Карбури, но сэр Роджер бодрствовал. Он лежал на спине, неподвижно глядя прямо перед собой. Окружающая тишина странным образом лишь раздражала его. Яркий поток солнечного света вливался в комнату через окно и слепил больного. У старика не было сил сдвинуться с места, и солнце своим жаром лишь усиливало его лихорадку. Рядом с кроватью стояла нетронутая тарелка с кашей. Сэру Роджеру, конечно, и в голову не приходило потратиться на доктора. О да, завтра он поправится и будет таким же, как всегда. Однако тишина и жара совсем изнурили его.

Вдруг своим чутким ухом (на самом деле он несколько не был глух) сэр Роджер уловил легкие шаги в просторной, выложенной плитам передней. Сердце забилося немного быстрее. К его комнате приближались мелкие, но твердые и уверенные шаги. Сердце старика забилося еще быстрее. Он мысленно возмутился: «Если только Карбури нарушил дан-

ное слово и если этот ребенок...»

Но какие бы ни были у него намерения по отношению к Карбури и к ребенку, они разлетелись в пух и прах, когда рядом зазвенел светлый нежный голосок:

– Эй, дедуля, я сегодня прелесть какая умница и принесла тебе моего Бенни. Поиграй с ним.

Дороти, по обыкновению, словно ветер ворвалась в комнату, стукнув корзинкой с кроликом о деревянный косяк двери.

– Вот и я, дедушка!

Дверь осталась широко распахнутой, создав весьма ощутимый сквозняк. Движение воздуха принесло облегчение разгоряченному лихорадочным жаром пожилому человеку, но он решил, что не должен показывать этого.

– Закрой дверь и уходи, – проворчал он. – Я говорил Карбури, чтобы меня не беспокоили. Разве он забыл тебе это передать?

– Не знаю, – Дороти хитренько прищурилась. – Не помню точно. Может быть, говорил, а может быть, и нет.

Она вернулась к двери, притворила ее, при этом оставшись в комнате.

– Уйди, Дороти, я нездоров и не могу разговаривать с тобой.

– Мой бедненький, бедненький, – нежно прошептала Дороти. – Неужели ты действительно думаешь, что единственная внучка бросит тебя одного в этой жаркой, душной,

неуютной комнате? Неужели ты действительно считаешь, что она такая?

Дороти подошла близко к кровати и внимательно взгляделась в покрасневшее от лихорадки старое лицо.

– Мой бедненький, бедненький! – повторила она, положив прохладную ладонь на разгоряченный лоб.

– Я нездоров и хочу, чтобы ты ушла. Почему ты не слушаешься?

– Я нисколько не беспокою тебя. Я привыкла к больным. Мамочка часто сильно болела, гораздо сильнее, чем ты. Ведь ты не очень болен, знаешь, тебе только кажется, что ты заболел. Ты просто «мнительный». Это значит, что ты думаешь, будто болен, когда ты, в сущности, здоров.

– Дороти, я...

– Дедуля, не надо. Так некрасиво, когда ты хмуришься, и так нехорошо, когда ты говоришь вот таким голосом! Лучше посмотри-ка, что я достала. Я ходила за ним очень далеко и... и... он очень красив. Я принесла его с собой. Знаешь, куда мне пришлось за ним идти? Через весь лес!

– Ты знаешь, мне не нравится, когда ты бродишь по лесу одна.

– А что мне оставалось делать? Некому было пойти со мной, а возвращалась я не одна, потому что со мной был он.

– Кто этот он?

– Угадай-ка! Ты должен угадать. О, как здорово, как весело!

Дороти вспрыгнула на край кровати и удобно уселась, глядя на деда.

– Не хмурься же, – она склонила голову набок и смешно сморщила нос. – Ой, тебе солнце светит прямо в глаза! Дай, я чуть-чуть прикрою ставни.

Она сползла с кровати, подбежала к окошку и ловко, сноровисто, точно взрослая, прикрыла ставни. Жаркую комнату наполнила приятная тень.

– Теперь лучше. А ты не хочешь, чтобы я положила тебе на лоб смоченный водой платок?

– Нет, дорогая, нет. Ну, раз уж ты пришла, посиди со мной немного, но Карбури за это достанется. Он не послушался моего приказа.

– Нет, дедуля, не брани Карбури, он не знает о том, что я пришла, потому что крепко спит в буфетной. Я прошла мимо него на цыпочках, и он громко-громко храпел, мне не хотелось его будить. Но он, конечно, не смог бы меня удержать.

– Да, это уж вряд ли, – старик начал улыбаться глазами, хотя губы еще оставались поджатыми. – Ты очень решительная особа, Дороти.

– Да, дедушка. Как бы я сидела без тебя, когда ты нездоров? Ты мой любимый, мой родной дедуля, у меня ведь кроме тебя никого нет. Папа и мама зарыты глубоко в землю... То есть их тела зарыты, а сами они ушли на небо. Ну, дедуля, теперь давай веселиться. Тебе стало лучше. Правда ведь, тебе уже стало лучше?

– Да, кажется, мне стало лучше.

– Тебе было скучно без меня, правда? Скажи, только скажи самую чистую правду.

– Я не думал об этом, но, может быть, я действительно скучал без тебя.

– Теперь я хочу, чтобы ты угадал, что я тебе приготовила.

– Как же я могу угадать?

– Я ходила за ним через весь лес, и он такая прелесть! Ну, угадай с трех раз.

– Я не могу, мое дорогое дитя. Я не болен по-настоящему, но, мне кажется, я простудился, и это мешает мне сосредоточиться.

– Хорошо, я тебе немножечко помогу. Я буду подсказывать, а ты все-таки угадывай. Представь себе что-то мягкое.

Сказав это, Дороти замолчала. Запавшие глаза старика смотрели в искрящиеся темные глаза ребенка.

– Догадался?

– Продолжай, дорогая, что еще?

– И... и... у него есть шерстка, коричневая и белая, и хорошенькие ушки, и чудесные глазки, и совсем розовенький маленький носик и... Но погоди, ты увидишь. Я знаю, тебе вредно долго ждать. Больным нельзя ждать.

Дороти сползла с кровати, подняла крышку корзинки и посадила большого, теперь уже совершенно здорового кролика деду на грудь.

– Убери эту гадость, – почти взвизгнул старик. – Право,

Дороти, ты невыносима! Кроликов не держат в доме. Сию же минуту убери его! Я приказываю, слышишь? Сейчас же сними его с моей кровати.

Дороти осторожно взяла кролика на руки и спрятала личико в мягкую шерстку. Потом посадила зверька обратно в корзинку, не говоря ни слова, закрыла крышкой и отнесла в угол комнаты. Покончив с этим, она снова вернулась и уселась на кровати больного.

– Как мне тебя жалко, дедуля, – разочарованно протянула она, – ты ужасно рассердился, и это было так нехорошо.

– Я хочу, чтобы ты ушла.

– Боюсь, что ты будешь недоволен, – Дороти упрямо сжала губы и скрестила руки на груди, – потому что я не уйду.

– Что же мне прикажешь делать?

– Я лучше расскажу тебе историю, – вновь воодушевилась Дороти.

– Ты? Мне? Ты же не знаешь ни одной истории.

– Ты думаешь, не знаю? Много-много знаю. Одну я тебе расскажу. Только позволь мне держать тебя за руку, пожалуйста, потому что мне было больно, когда ты так громко и так неласково закричал. Ведь я думала, что мой маленький кролик понравится тебе.

– Дороти, ты должна посадить его туда, где он не мог бы наделать никакой беды. Я не могу держать кролика в Сторме.

– Он будет жить со мной, в моей комнате. Неужели ты не позволишь мне этого?

– Ну хорошо, начинай рассказ, – смягчился старик. – Если тебе нужно, держи меня за руку. Ты умеешь добиваться всего, чего хочешь, что правда, то правда. У тебя есть такая повадка.

– Что значит «такая повадка»?

– Ты умеешь успокаивать. Ты очень настойчива и очень непослушна, но ты умеешь успокаивать меня.

– Я знаю. Это потому, что я люблю тебя, а ты любишь меня. Где любовь да совет, там и горя нет. Моя мамочка всегда так говорила. Сперва я не понимала, что это значит, но она объяснила мне, что если люди любят друг друга, то никогда не ссорятся и не сердятся.

Без всякого сомнения, с того момента, как в комнату вошла Дороти, жар у больного чудесным образом уменьшился. Теперь его глаза блестели и внимательно смотрели на внучку. Одна ладонь девочки покоилась под большой костлявой кистью старика. Другой ладонью она нежно, очень нежно поглаживала его по узловатой морщинистой руке. Каждое прикосновение точно стирало годы печали и злобы, врачую в душе ужасные язвы и раны, нанесенные дурно проведенной жизнью. Черствый и скупой сэръ Роджер Сезиджер, который сам себя всегда считал безгрешным человеком, вдруг начал осознавать в эту минуту, что сам испортил и погубил свою жизнь.

– Я очень старый человек. А дети должны слушаться старших. Ты должна быть умницей, и тебе следует научиться

быть послушной.

– Лучше давай об этом поговорим потом, дедуля, а теперь можно мне начать мой рассказ?

– Да.

– Если тебе надоест, ты засни, я не обижусь. Это рассказ о маленькой сиротке.

– Значит, нечто личное?

– Что значит «личное?» – спросила Дороти.

– В этой истории говорится о тебе?

– Какой ты все-таки умный, дедушка! Ты очень-очень умный! Но тут говорится не совсем обо мне. Она, как бы тебе сказать? Она девочка из сказки. Ну вот. У этой маленькой девочки когда-то была мама, такая необыкновенная, такая прелестная, как будто волшебная фея. У мамы были темные-темные глаза, добрые губы и румяные щеки. Она была такая выдумщица и придумывала столько веселых затей! От ее выдумок делался веселым даже воздух. Где она шла, там вырастали цветочки. И маленькая девочка, та самая, которая потом сделалась сироткой, любила маму всем сердцем. Наконец, волшебная мама стала так походить на настоящую фею, что улетела, и маленькая дочка осталась одна. Это немножко грустная история, правда, дедуля?

– Да, она звучит минорно, – помолчав, промолвил старый Сезиджер.

– Что значит «минорно», дедушка?

– Я пока, пожалуй, не смогу тебе толком объяснить. Про-

должай, если хочешь. Я думаю, у маленькой девочки был еще и отец?

– Я тебе сейчас про него расскажу. Он был красавец, большой, веселый, с таким громким смехом и с темными глазами, точно такими же, как были у мамы, только... Пстой, дедуля, не мешай мне, мне нужно прилечь рядом, чтобы посмотреть на тебя поближе.

– Право, Дороти, мне это будет очень неудобно.

– Нельзя, дедушка, нельзя! Мне обязательно нужно посмотреть тебе в лицо. Вот. Теперь гляди на меня.

С минуту Дороти лежала подле деда, пристально вглядываясь ему в глаза, потом выпрямилась.

– Да, у него были карие глаза, такие же, как у тебя. Понимаешь, глубоко-глубоко в них пряталась доброта, а снаружи в них как будто горел огонь. Но дочка всегда видела там только любовь и доброту. Вот однажды... Это печальная история, дедуля, почти такая же печальная, как стихи про посаженное деревце. Однажды отец взял дочку на руки и попросил помолиться, чтобы Господь дал ему «чистое сердце». Я не понимаю, что он хотел сказать. Потом он уехал... И скоро маленькая девочка сделалась настоящей сироткой, потому что мама ушла к ангелам, и ангелы же унесли папу. Они оба на небе, в раю, а маленькая сиротка поплыла через море и отыскала своего дедушку. Правда, странно? Прямо как будто про меня. Но это только сказка. Вот она приплыла к дедушке, поселилась прямо в его сердце, и он ее не прогнал.

Она и теперь там живет. Можно тебя поцеловать, дедуля?

– Да, дитя, да. Откуда ты взялась, Дороти? Как Господь вложил в тебя столько души?

– Не знаю. Ты позволил, и я поцелую тебя крепко-крепко. Ты ведь не мог бы жить без твоей Дороти, правда?

– Не мог бы, – сдался старый Сезиджер. – Только смотри не говори об этом никому, ни Карбури, ни твоей тете Дороте.

Через полчаса Карбури тихонько постучал в дверь спальни хозяина. Ему никто не ответил. Тогда он осторожно повернул дверную ручку и вошел. В углу что-то возилось и царапалось в плетеной корзинке. На большой кровати крепко спал сэр Роджер, и по его посвежевшему лицу было видно, что он поправляется или совсем поправился. Рядом с ним, закинув руку на плечо деда, сладко спала маленькая девочка. Ее нежное дыхание смешивалось с дыханием старика.

На цыпочках, осторожно, еле переступая ногами, Карбури вышел из комнаты.

– Ну и чудеса, ну и чудеса, – шептал он. – Маленькая мисс, похоже, все в мире может изменить.

Глава XV

Конец Бенни

С мисс Сезиджер не случилось ничего особенного. Она нашла письмо брата под камнем и принесла его домой в Сторм. Она устала еще больше, чем в прошлый раз, и была сильно озабочена, так как не могла придумать подходящий повод продолжать эти длинные прогулки, не вызывая подозрений.

В спальне ее ждала Мэри, которая казалась взволнованной:

– С вашего позволения, мисс, нашему господину гораздо лучше.

– Я очень рада, – мисс Сезиджер без сил опустилась в низкое кресло и приложила руку ко лбу.

– Вы до смерти устали, мисс, не подать ли вам чаю?

– Да, пожалуйста. Где мисс Дороти?

– Прямо удивительно, мисс, что она творит, и никто из нас не может понять, как ей это удается. Знаете, где она теперь? Лежит и крепко спит на кровати сэра Роджера, прислонившись головкой к его лицу, а ручку закинув ему на плечо. Они оба спят, и Карбури говорит, что, посмотрев на них, от удивления заплачет самый жестокий и черствый человек.

– Ах, Боже ты мой! – забеспокоилась мисс Сезиджер. –

Как ужасно рассердится отец! Как вы могли позволить ей войти в его спальню?

– Как я могла удержать ее, мисс? Ни я, ни Карбури не знали, что она пошла к бабушке.

– Так отчего же вы за ней не следили?

– Извините, мисс, но я была занята. Шитья много, нужно починить и удлинить платье мисс Дороти, потом готовить обед. А еще все вычистить, прибрать у вас, мисс. Я не могла сидеть сложа руки.

– Ладно, Мэри. Будем надеяться, что отец не очень сердился, раз они оба спят.

– Вот уж не беспокойтесь, мисс. Он вообще не может на нее сердиться. Скорее он выльет свой гнев на нас, но на нее он никогда сильно не рассердится, что бы она ни сделала. Да и никто не может сердиться на нее.

– Мне кажется, вы правы. А между тем, знаете, она очень плохо воспитанный ребенок и такая непослушная!

– Сама она не считает свое поведение непослушанием. Она совсем не похожа на других детей, она... она... Ну, я называю ее ангелом, мисс, самым светлым, самым чистым ангелом. Мы с Карбури оба плакали, когда говорили о ней в буфетной. Карбури признался, что никогда не видывал такой трогательной картины. Вы только подумайте, какая она смелая, ее ничем не испугаешь!

– Да, правда. Но ее необходимо заставить бояться, – вздохнула тетушка Доротея.

– О, нет, мисс, ведь страх – это проклятие, – взволнованно заговорила Мэри. – Страх был проклятием стормского дома, мисс, и эта малышка старается прогнать его. Не будем же мешать ей.

– Как странно, Мэри, я столько лет знаю вас и никогда раньше не слышала, чтобы вы говорили с таким волнением. Но теперь, пожалуйста, принесите мне чаю.

– У вас очень усталый вид, мисс... Надеюсь, ничто вас не беспокоит?

– О нет, все хорошо. Прошу вас, побыстрее принесите мне чаю.

Мэри ушла. Несколько минут мисс Сезиджер сидела, глубоко задумавшись, потом вынула из глубокого кармана платья письмо брата и прочла его. Оно было коротким, вот что в нем было написано:

«Прочитай и послушайся меня. Я должен видеть малышку. Завтра приведи ее с собой к исполинскому дубу. Ты знаешь, о каком дереве я говорю. Оно стоит как раз на опушке соснового леса. Сядь под дубом и займи ее беседой, пробудь там около получаса. Я буду вблизи, но ни одна из вас не увидит меня.

Если ты не придешь, мне придется самому явиться в Сторм – я не могу жить без Дороти. Если ты исполнишь мою просьбу, я на некоторое время успокоюсь, повидав дочь. Я оставлю тебе письмо, поэтому постарайся, не откладывая, на

следующий день после прогулки с Дороти, снова прийти к плоскому камню».

Подписи не было. Мисс Сезиджер заломила руки. На нее нашел ужас при мысли об опасной затее брата. Как поступить? Она хорошо знала Роджера: он был слаб и упрям, ничего не боялся и любил авантюры, а раз решив что-нибудь, непременно выполнял задуманное. Мисс Сезиджер вздрогнула и быстро спрятала письмо в карман. Будь что будет, она приведет Дороти, куда сказано. Доротею пробирала дрожь при мысли о такой прогулке, и казалось, что ей долго не вынести нового положения вещей.

«Раз уж брат оказался жив, – думала она, – ему следовало приехать в Сторм. Пусть выйдет ужасная сцена, последует страшная развязка и Дороти увезут. Ну что же, ведь раньше жили как-то без нее, проживем и теперь».

Когда эти мысли шевелились в голове мисс Сезиджер, к сердцу тихонько подступало щемящее чувство сожаления. Тетушка Доротея успела привязаться к племяннице, хотя и не так сильно, как старый сэр Роджер. Хозяин Сторма, несмотря на свое ворчание и оханье, несмотря на свою резкость и грубость, даже сам не подозревал, как глубоко любил этого ребенка – так сильно, как никого никогда не любил. Мисс Доротея чувствовала, что если маленькая Дороти уедет, в доме снова станет холодно и уныло, снова потечет серая, безрадостная жизнь.

У старой девы был податливый, мягкий характер, всякий более сильный человек мог легко управлять ею. Ничто на свете не заставило бы ее послушаться брата, да она и не смогла бы обмануть доверие Роджера. Но как привести с собой Дороти? До дерева путь был неблизкий, особенно для маленькой девочки.

Когда Доротея допивала чай, в комнату ворвалась племянница.

– Тетя, тетя, я так рада, что ты вернулась! Дедуле гораздо лучше. К обеду он встанет.

– Дороти, дорогая, разве тебя не предупреждали, что нельзя входить в дедушкину комнату?

– Не знаю, – Дороти стояла на одной ноге и сосредоточенно глядела вниз, – не знаю. Может быть... но я как-то позабыла, совсем позабыла об этом и вошла.

Через минуту она подняла глаза и взглянула в лицо мисс Доротее:

– Бедная тетя, ты скоро заболеешь, и тогда мне придется разглаживать и твои морщинки. Сегодня мне нужно надеть самое лучшее платье. Как ты думаешь, тетя, что я принесла с собой в усадьбу?

– Принесла с собой? Но ведь ты никуда не уходила.

– Уходила. Я была у жены мистера Персела. Мой Бенни выздоровел, и теперь он здесь. Он будет жить у нас. Если хочешь, я могу поставить его клетку в твой будуар, тетушка. Не хочешь? Ах, какие прелестные зверьки кролики! Ты видела,

как они садятся на задние лапки, а передними умывают мордочки? О, мне так хочется показать тебе моего голубчика.

– Не нужно, Дороти.

– Я сбегая за ним, тетушка. Ты пока пей спокойно чай, не бойся, сейчас ты его увидишь!

Дороти вприпрыжку выбежала из комнаты и, крепко прижимая к себе кролика, вернулась обратно меньше чем через минуту. Она опустила Бенни на пол, и он принялся прыгать по комнате. Мисс Доротея визгливо вскрикнула:

– Я терпеть не могу этих зверей!

– Как? – изумилась Дороти. – Милых, прелестных, мягоньких, пушистых зверьков? Но, тетушка, дорогая, да ведь он же гораздо, гораздо милее тебя или меня.

– Очень может быть, но кролика нельзя держать в доме. Отдай его Петерсу, помощнику садовника, и он устроит его в клетке на конюшне.

– Ну, нет, тетя! Дедуля разрешил мне поставить клетку с Бенни в моей комнате.

– Дедушка разрешил?

– Да, да, конечно, разрешил. Мой голубчик Бенни! Ну, посмотри же на него!

Кролик положительно обрадовался, оказавшись в незнакомой обстановке. В чистом домике у мисс Персел нельзя было ни попрыгать, ни порезвиться. Зверьку пришлось довольно долго сидеть в корзине без всякого движения. Теперь же он совсем поправился. И ему очень понравились вещи в

будуаре мисс Доротеи. Сначала кролик попробовал погрызть толстую циновку, лежавшую перед камином, но нашел ее несъедобной. Тогда он подскочил к мисс Сезиджер и стал пробовать на вкус ее платье.

– Пошел вон, отвратительный, противный! – закричала старая дева.

– О, тетя, тетя! – Дороти подхватила кролика. – Я унесу тебя, мой голубчик, тебе нужно дать как можно больше зелени и травы.

И девочка выпорхнула из комнаты.

«Это уж слишком! – думала возмущенная мисс Сезиджер. – Пусть Роджер придет и заберет отсюда своего ребенка, потому что если Дороти будет наполнять Сторм кроликами, я точно здесь не останусь. Бедный отец! Он, вероятно, начал выживать из ума, раз позволяет подобные вещи».

Дороти сбежала вниз по лестнице, прижимая к себе своего любимца. Она стрелой влетела в буфетную и обратилась к Карбури:

– Пожалуйста, пожалуйста, мне нужна клетка!

– Для чего, маленькая мисс? Боже мой, кто это? Неужели вы берете в руки кролика?

– Конечно, беру. Разве он не прелесть?

– А по-моему, гадость, – поморщился Карбури.

– Что это значит? – спросила Дороти.

– Мне не следует объяснять вам значение этого слова, маленькая мисс, – с достоинством заметил Карбури.

– Ну и хорошо, оно такое некрасивое! Мой Бенни он... он... Знаете, Карбури, он и дедушкин кролик тоже. Он наш общий, и ужасно нам нравится. И мне, и дедуле – обоим. Мы обо всем договорились у бабушки в комнате. Я рассказывала ему историю маленькой сиротки, и после этого мы заснули. Эту историю я больше никому-никому не расскажу, мы с бабулей решили, что это печальная история. Карбури, вам нравятся печальные истории?

– Не сказал бы, маленькая мисс. Я больше люблю смешные рассказы.

– А вот мы с бабушкой любим истории печальные. И стихотворения любим печальные. Скоро мы вместе с ним будем читать наизусть одно стихотворение. «Я помню дом, где было мне родиться суждено». Вот как оно начинается, Карбури. А вы помните домик, где родились?

– Это было так давно, маленькая мисс, конечно, я не помню.

– Как вы красиво чистите серебро. Вы очень умный и ловкий человек.

Лесть малышки была по-детски невинна, и Карбури невольно улыбнулся:

– Нет, маленькая мисс, я так не думаю.

– А я говорю, что вы умный. Пожалуйста, достаньте мне клетку для моего Бенни.

– Не может быть, чтобы вы оставили эту гадость... я хотел сказать, этого кролика в доме, мисс.

– Дедуля позволил. Неужели, Карбури, вы будете спорить, когда дедушка позволил мне оставить моего голубчика?

– Конечно, нет, я не могу, да и не хочу, – пожал плечами Карбури.

– Ну, хорошо, вы достанете мне клетку? Пожалуйста, положите в нее зелени. Я хочу, чтобы моего Бенни и дедулиного Бенни хорошенько кормили. Так мило, что у меня будет жить такой маленький и прелестный зверек, который принадлежит мне и дедушке. Правда, Карбури?

– Чудо из чудес!

С верхней полки буфетной он снял клетку. В прежнее время в ней сидел попугай, теперь уже давно умерший. Попугай принадлежал отцу Дороти. Не успев опомниться от удивления, Карбури стал чистить клетку, потом вместе с Дороти пошел в огород за листиками латука¹³ на ужин кролику. Наконец старый слуга отнес клетку наверх, в комнату маленькой мисс, и поставил туда, куда попросила Дороти. После этого он узнал, что он очень, очень хороший старик и что Дороти любит его, хотя, конечно, не так, как дедулю.

В этот вечер Дороти ждала деда в гостиной вместе с тетей Доротеей. Она надела платьице, которое считала самым нарядным. Оно было сделано из белого кружева и мягкой белой шелковой материи. Густые курчавые волосы девочки не нуждались в особенном уходе, потому что сама природа позаботилась о них. Природа также зажгла удивительный свет

¹³ Латук – огородное растение, салат.

в глазах Дороти и разлила по ее щекам нежный румянец.

Мисс Сезиджер в своем вылинявшем жалком платье чувствовала себя старым холодным декабрем, малышка же казалась ей ранним маем.

Когда Дороти впорхнула в комнату, тетка в очередной раз залюбовалась ее легкой походкой. Девочка всегда двигалась упругими танцующими шагами, и каждое ее движение было красиво и грациозно. Она сделала низкий реверанс тетке и остановилась рядом с ней.

– Правда, я нарядная?

– Маленькие девочки не должны думать о нарядах, – заметила мисс Доротея.

– А разве ты не думала о платьях, когда была совсем молоденькая и хорошенькая?

– Я никогда не была хорошенькой, дитя мое, а иногда мне даже кажется, что я никогда не была молодой.

– Бедная моя тетушка! Я сделаю так, что ты будешь молодой. Ах, вот, вот! Я слышу его шаги.

Она бросилась к двери и раскрыла ее. В комнату вошел старый сэр Роджер, по обыкновению, одетый в вечерний костюм. Мистер Сезиджер казался очень бледным, но при виде Дороти его глаза загорелись. Впрочем, они снова померкли и стали суровы, едва он перевел взгляд на тревожное, запуганное лицо дочери. «Если бы только Доротея ушла, мы с внучкой отлично провели бы вечер», – невольно подумал старик.

Как только хозяин Сторма вошел в гостиную, Карбури

раскрыл дверь в столовую и произнес обычным светским тоном:

– Ужин подан.

Сэр Роджер подал руку мисс Доротее и повел ее к столу, а Дороти прыгала и пританцовывала рядом с дедом.

– Я так рада, что тебе лучше, отец, – промолвила мисс Доротея.

– Я совершенно здоров. Благодарю тебя, – слышалось в ответ.

Это было произнесено очень недружелюбным тоном. Отец дал понять дочери, что она не должна задавать больше никаких вопросов по поводу болезни. Дороти, которая самовольно выдала себе разрешение ужинать со взрослыми, заняла свое обычное место и посмотрела сначала на деда, потом на тетку. Она почувствовала, что между ними что-то не совсем ладно, и это не понравилось ей. Девочка была еще слишком мала, чтобы разрешить загадку их отношений, для этого требовался более зрелый и опытный ум.

В середине ужина сэр Роджер вдруг холодно поинтересовался:

– Разве тебе нечего рассказать мне, Доротея? Чем ты сегодня целый день занималась?

– Я гуляла, – выдавила из себя мисс Сезиджер.

– Какая ты красная, тетушка! – заметила Дороти. – Надеюсь, у тебя не будет припадка. Знаешь, когда мы жили в Париже, у нас был кот, и с ним делались припадки. Я отлично

помню: когда папа делался очень-очень красным, мамочка всегда клала ему что-нибудь холодное на затылок. Однажды я спросила, для чего это нужно, но она не ответила. Тогда я спросила у Бидди Мак-Кен, и няня сказала, что холодное кладут, чтобы не сделался припадок. О, вот ты опять побледнела. Почему же ты была такая красная?

– Лучше длинный нос, чем длинный язык, – только и нашлась что сказать мисс Доротея.

– Да, – поддержал дочь старый Сезиджер. – Это прекрасная пословица, и чем скорее Дороти запомнит ее, тем лучше.

– Это плохая пословица, – сказала Дороти медовым голосом и тут же перевела разговор в другое русло. – Пожалуйста, Карбури, дайте мне гороха.

Слуга передал ей блюдо с горохом, и девочка положила себе довольно большую порцию.

– Карбури, – снова обратилась Дороти к старому слуге, – наклонитесь ко мне, я шепну вам два слова.

– Такие вещи недопустимы в хорошем обществе; Дороти, – заметила тетушка Доротея.

– Да ведь мы «нехорошее общество», – отвечала ей Дороти. – Пожалуйста, наклонитесь, Карбури.

Растерянный и весь пунцовый от неловкости ситуации, Карбури решил, что лучше послушаться.

– За обедом будет земляника? – шепнула ему Дороти.

– Нет, маленькая мисс. Ягоды отправили на рынок.

Дороти выпрямилась на стуле. Карбури продолжал пода-

вать обед. Ни мисс Доротея, ни сэр Роджер не проронили больше ни слова. Дороти понаблюдала за ними, потом стала следить за точными, выверенными движениями старого слуги. Карбури очень хорошо прислуживал. В этот момент он наливал мозельское¹⁴ вино в длинные красивые бокалы.

– Мне бы хотелось попробовать этого, – девочка указала на бутылку в руках Карбури.

– О нет, – вмешалась мисс Доротея, – вино детям вредно!

– Дайте ей несколько капель, – как будто назло дочери позволил сэр Роджер.

Вино заискрилось на дне бокала Дороти. Она сразу выпила его.

– Вот хорошо-то, – сказала она, – чуточку покалывает, и, Боже мой, в голове какое-то странное чувство. Знаешь, дедуля, мысли прочищаются.

И она весело засмеялась.

– Надеюсь, отец, ты не позволишь ей пить вино?

– Я только хотел, чтобы сегодня она выпила за мое здоровье. Она такое славное дитя, – заметил сэр Роджер. – Но, конечно, больше вина она не получит.

Дороти, не шевелясь, сидела на стуле, прислушиваясь к собственным ощущениям. Сначала она почувствовала слабость и легкий шум в голове. Потом ее снова потянуло болтать. Дороти обвела всех взглядом, чтобы найти в комнате

¹⁴ Легкие мозельские вина производят из винограда, произрастающего на берегах Мозеля – левого притока Рейна.

самый интересный объект. Интереснее всех оказался Карбури.

– А сколько у вас, Карбури, маленьких дочек?

– Дороти! Не принято, чтобы дети разговаривали со слугами, когда они прислуживают за столом, – мисс Сезиджер слегка повысила тон.

– А мне все равно, принято или не принято, – заупрямилась Дороти.

Карбури выскочил из комнаты, столкнувшись в коридоре с Мэри.

– Эта девочка будет причиной моей смерти, – вымолвил он, задыхаясь от смеха.

А в столовой Дороти смотрела на тетку удивленными глазами:

– Я не понимаю, почему нельзя говорить всего, что придет в голову, если только этим не делаешь чего-нибудь дурного. Ах, я хочу уйти к папе и маме!

И она вдруг расплакалась без всякой видимой причины.

Тут случилась удивительная вещь. Сэр Роджер поднялся со стула, подошел к внучке, взял ее за руку, подвел к своему концу стола, поднял к себе на колени и поцеловал.

– Если ты любишь своего дедушку, то останешься с ним, моя маленькая. Ты будешь болтать с ним, сколько хочешь.

– О да, – девочка сквозь слезы начала лучиться своей ясной улыбкой. – Я на минуту забыла, но уже вспомнила. Я забыла, что совсем-совсем счастлива.

– Ты не ушла бы от меня, не стала бы жить без дедушки?

– Нет-нет, я люблю тебя больше всего на свете. И не могу уйти, потому что, видишь ли, у меня еще нет крылышек. Мама и папа живут в небесной стране, и, конечно, я не могу уйти туда, пока у меня не вырастут крылья. Они почему-то пока не растут! И значит, я буду жить с тобой. Но мне хочется, чтобы тетя Доротея тоже была счастлива. Мне так этого хочется, так хочется!

Карбури вскоре вернулся с остальными блюдами невкусного ужина. Есть никому не хотелось, и вскоре совсем расстроенная мисс Доротея попросила у отца позволения удалиться к себе в комнату.

Старый Сезиджер выздоровел, зато у его дочери разболелась голова. Она не знала, как долго ей удастся выносить свое положение. Доротее казалось, что все уладится, если повидаться с братом, но как устроить встречу, бедняжка никак не могла придумать.

Дело в том, что она слишком долго жила воспоминаниями и мечтами и видела мало действительной жизни. Мысль послушаться брата до сих пор ни разу не пришла ей в голову. Она принадлежала к тому роду женщин, которые всегда поддаются чьей-либо воле. Еще с тех пор, как она была молоденькой девушкой, брат всецело распоряжался ею. После его отъезда она сделалась рабой своего отца. Он почти не обращал на нее никакого внимания, а если и замечал, то лишь для того, чтобы побранить. Конечно, ее жизнь никто бы не

назвал счастливой и наполненной.

С приходом Дороти многое изменилось. Малышка внесла в старый дом солнечный свет. Все живущие в Сторме сразу же попали под мистическое обаяние крошки Дороти – и старый сэр Роджер, и Карбури, и Мэри. Как ни странно, слабая, податливая мисс Доротея была единственной, кто мог хоть как-то сопротивляться маленькой фее.

Теперь у тетушки появилась новая забота: ей впервые в жизни доверили важную тайну. Уж одно это само по себе восхищало мисс Сезиджер, и все тревоги, которые принесла с собой тайна, делали ее еще притягательнее. Никогда в жизни так не любила Доротея своего заблудшего брата, как теперь. В своих затруднениях он обратился к ней. Он писал ей. С помощью сестры Роджер собирался увидеться со своей маленькой дочкой.

«Конечно, он ее увидит!» – решила мисс Доротея и легла в постель, думая только об одном этом. Ради брата она готова была пойти на все.

На следующий день, встав рано утром, бедняжка чувствовала себя немного рассеянной. Дороти, напротив, отлично вела себя и училась очень прилежно. Они с тетей Доротеей устроили все так, как хотела малышка. В этот день половина учебного времени была посвящена английским урокам, ужасно противному письму (о, какими чернильными пятнами покрылись маленькие пальчики и как тяжело выводили они трудные слова!), истории, не особенно занимательной в

устах мисс Доротеи, а также утомительному чтению книги «Путь к знанию», не вызывавшей восхищения у Дороти.

– О каких глупостях тут говорится! – вздыхала девочка.

Когда же мисс Доротея сделала ей замечание, малышка прелестно надула губки и спросила, скоро ли они дойдут до той части книги, где описано, как кормят кроликов.

Наконец наступила долгожданная минута: учительница превратилась в ученицу, а ученица – в учительницу. Дороти только и ждала этого. Мисс Доротея училась французскому языку у маленькой Дороти и очень охотно подчинялась требованиям племянницы.

– Ну, начнем. Будь внимательна, – сказала по-французски Дороти и тут же переспросила по-английски: – Ты поняла, что я говорю? Начнем?

– Да, дорогая, но все это ужасно смешно и глупо, правда? – ответила по-английски Доротея.

– Напротив, это очень умно. Девушка твоих лет не может не знать французского языка, – важно изрекла крошка Дороти.

– Продолжай, Дороти. Ты сегодня очень хорошо училась, и я постараюсь заниматься не хуже.

– Я буду говорить с тобой по-французски, – сказала Дороти, – и ты не отвечай мне по-английски.

Тетушка согласно кивнула.

– Куда же ты вчера ходила гулять? – спросила девочка, переходя на французский язык.

Мисс Доротея, запинаясь, что-то пробормотала и страшно покраснела.

– Вот опять! – Дороти от волнения сама не заметила, как заговорила на английском. – Припадок, припадок, ай-ай-ай, дорогая! Это не годится!

И добавила, возвращаясь к французскому:

– Не стесняйся же, моя милая тетя, отвечай мне по-французски, как следует. Где же ты вчера так долго пропадала? Я повсюду тебя искала.

Но мисс Доротея внезапно прервала урок.

– Сегодня я не могу заниматься, Дороти. У меня есть маленький план.

– Неужели наши уроки окончены? – обрадовалась Дороти.

– Да, кажется.

– Разве ты не знаешь точно, тетушка? Я люблю, чтобы люди знали все наверняка.

– Хорошо, окончены. Я хочу, чтобы ты пошла вместе со мной гулять сразу после ленча.

– Можно взять с собой Бенни?

– Конечно, нет.

– Хорошо, он останется с дедушкой. Я подарила ему половину моего кролика, а другую оставила себе. Мы надолго уйдем, тетя?

– Не знаю. Но путь нам предстоит неблизкий.

– Куда же мы пойдем?

– Вот придем на место, сама увидишь.

– Ты не хочешь мне этого сказать? Да почему же?

Мисс Доротея вновь залилась румянцем. Она очень не любила краснеть при Дороти. Вдруг в ее уме промелькнула новая мысль:

– Мне нужна твоя помощь, моя маленькая. Есть одно дело, которое меня беспокоит, и без тебя мне не справиться. Ты пойдешь со мной?

– Конечно, пойду, но нужно сказать об этом дедушке.

– Думаю, без этого можно обойтись.

– Тетушка, после ленча я всегда ухожу с дедушкой в беседку, усаживаюсь к нему на колени и ем землянику. Потом мы учим стихи и договариваемся о том, чем будем заниматься вечером. Он уже неплохо танцует менуэт и теперь учит новые стихи. На этот раз я сама выбрала их. Им меня выучила мамочка. Ты их знаешь?

И девочка принялась декламировать:

– «Совушка и Кисонька решили плыть по морю
На маленьком хорошеньком зелененьком челне».

Дороти улыбнулась тетке.

– Дедуля говорит, что это прелестно. Он Совушка, а я Киска. Это он говорит. Знаешь, стихи кончаются танцами, и ты когда-нибудь их увидишь. Нам обоим так весело, так весело! Как же я могу не сказать дедуле, что уйду от него на целый долгий-долгий день?

– А мне нужно, чтобы ты ему не говорила. Конечно, я не могу заставить тебя, но если ты действительно добрая девочка, если ты действительно решила помочь мне, ты ничего ему не скажешь.

Дороти пристально посмотрела на тетку и нехотя произнесла:

– Хорошо.

После этого она поцеловала мисс Доротею и степенно вышла из комнаты.

Придя к себе в спальню, она несколько минут о чем-то размышляла. Бенни царапался в дверцу клетки. Наконец она наклонилась к нему и заговорила с ним ласково и нежно-нежно:

– Ты мой милый голубчик, ты большое утешение для маленькой сиротки, потому что умеешь хранить секреты. Чего бы я тебе ни сказала, ты никогда никому ничего не передашь. Дедуля – прелесть, и у него все хорошо. А вот у тети Доротеи есть какая-то тяжесть на душе. Я хочу, чтобы она тоже стала веселой и радостной. Как ты думаешь, Бенни, должна я постараться помочь ей?

Бенни сел на задние лапки и принялся умываться.

– Ты доволен, Бенни, дорогой?

Кролик потер длинное ушко.

– Ну да, я так и знала, что доволен. Конечно, ты доволен. Теперь слушай. Я не смею сказать дедушке, что сегодня уйду от него на весь день. Значит, ты должен о нем позаботиться.

Веди же себя как следует, ладно? Ты можешь показать ему все свои проделки: умываться сколько тебе угодно, шевелить ушками и прижимать их к тельцу. Тебе придется занимать и утешать его, пока я не вернусь. Хорошо, Бенни? Понимаешь, мне доверили секрет. Вообще-то, маленьким девочкам, как я, лучше бы не говорить секретов, потому что их очень трудно хранить. Ну, иди сюда; мы отправимся в беседку, и я принесу тебе целую охапку латука. Кушай на здоровье, ты такой лапочка!

Дороти попробовала было поднять клетку, но та оказалась слишком тяжелой. Не раздумывая долго, девочка вынула Бенни, прижала его к груди и отнесла в беседку. Через минуту она притащила целую охапку салатных листьев и положила перед ним. Когда она уходила, кролик с наслаждением грыз латук. Дороти заботливо закрыла за собой дверь и вернулась в дом.

Ленч был очень простым. В старинной столовой для Дороти подали рис с молоком, для деда – суп, для тети Доротеи – кофе. Девочка никогда не привередничала с едой, предвкушая, что после ленча они с дедушкой будут веселиться в беседке, а вечером – в гостиной. Старик казался совсем здоровым и был в отличном расположении духа. Во время завтрака он подмигнул Дороти и шепнул ей, словно заговорщик:

– «Совушка и Киска»? А?

И он еще раз подмигнул, искоса взглянув на нее. Личико Дороти стало очень серьезным:

– Боюсь, что сегодня ничего не получится. Я не могу тебе сказать почему, зато ты увидишь, что «он» ждет тебя в беседке.

Девочка проговорила эти слова важным и торжественным тоном, что не могло ускользнуть от внимания старших. Сэр Роджер покраснел и бросил быстрый взгляд на дочь. Побагровевшая мисс Доротея нагнулась, якобы поднять носовой платок. Затем, выпрямившись, она пролепетала:

– Для Дороти необходимо правильное движение, и я возьму ее прогуляться немного.

Сэр Роджер поджал губы и ничего не ответил. Дороти доела рис с молоком, и в ее лице отражалось смятение. Она искренне не понимала, зачем ей нужно уйти из дома и почему она не должна об этом никому говорить. В мире было столько удивительного и непонятного! В конце концов мудрая Дороти успокоила себя мыслью, что вскоре все объяснится само собой.

Мисс Доротея хотела отправиться в длинный путь тотчас же после еды. Наверху она встретила Дороти.

– Пойди и надень чистое белое платье или лучше попроси Мэри переодеть тебя. Надень также одну из белых матерчатых шляп.

– Я терпеть не могу шляпу, нельзя ли мне пойти без нее? – спросила Дороти.

– Нет, моя хорошая, ты должна носить шляпы, иначе загорись.

– Я терпеть не могу не загорать, – у Дороти заметно портилось настроение.

– Ну, будь умницей, постарайся сделать мне приятное.

Дороти с надутыми губками ушла, не говоря ни слова. Пока ее переодевали, она молчала. Мэри нарядила ее в сильно накрахмаленное белое платье. Это ей тоже не понравилось. Дороти не любила жестких вещей и закапризничала:

– Оно так царапает мне шею, дайте лучше что-нибудь мягонькое, ну например, мое голубое незабудковое платье.

– Но ваша тетя сказала «белое», мисс Дороти, – заметила Мэри.

– Ах, все равно! Дайте голубое, пожалуйста, милая Мэри, дайте мне его, тем более что к нему есть такая же шляпа, ее сделала моя мамочка своими руками. Если уж надевать шляпу, то только эту!

Мэри одела Дороти так, как та просила, и в глубине души любовалась девочкой.

Вскоре тетя Доротея и Дороти рука об руку шли по длинной аллее. Старый сэр Роджер смотрел на них из окна своего кабинета. Он тоже залюбовался внучкой, ему казалось, что он никогда не видывал никого прелестнее Дороти в голубой шляпе и в «незабудковом» платье.

Перед поворотом аллеи Дороти обернулась, увидела деда и послала ему воздушный поцелуй.

«Удивительно, – расчувствовался старик, – в этой малышке есть что-то невозможно притягательное, без нее я с ума

схожу. Как она успокаивает меня! Поразительно, в этом маленьком существе полностью отсутствует страх. Ведь она меня совсем не боится. И откуда это у нее? Помню, как в былые годы, когда я бил хлыстом ее отца, он боялся меня, и еще как. Как приятно, что есть существо, которому я не кажусь страшным чудовищем!»

Сезиджер вздохнул, и его мысли потекли в другом направлении: «Зачем Доротея взяла ее с собой? И нарядила? Она сказала, что девочке необходимы прогулки, и мне кажется, Доротея права. Женщины лучше нас знают, что нужно детям, а между тем малышке гораздо больше нравится проводить время со мной. Чем же мне теперь заняться? Обойду сад. Мне ужасно, ужасно недостает ее».

Сэр Роджер взял свою тяжелую трость с золотым набалдашником, надел на голову шляпу и вышел на воздух. Он страшно сгорбился, чувствуя себя старым и дряхлым. Припадок болезни, который так скоро прошел накануне, тем не менее давал о себе знать. Или, может быть, ему было так нехорошо, потому что он скучал без живого, ласкового ребенка с нежным сердцем? По правде сказать, старик и сам не понимал, что с ним происходило. Он знал только, что чувствует себя ужасно одиноким и что на свете есть только одно любящее его существо, крошечное создание, дочь женщины, которую он не пустил бы на порог Сторма, и сына, которого сам лишил наследства.

Между тем это существо жило в Сторме, занимало все его

мысли, поддерживало и утешало его. Садовники усердно работали, и сэру Роджеру хотелось, по обыкновению, сделать им замечание, но почему-то он удержался от этого. Он бродил по фруктовому саду, медленно передвигая ноги. Солнце ярко освещало сторбленную фигуру старика, который тяжело опирался на палку. Вот когда он гулял с Дороти, он почти не горбился. Скоро Сезиджер так устал, что решил пойти отдохнуть в беседку. До появления в Сторме крошки Дороти он почти никогда не заходил туда. Сегодня же ему захотелось отдохнуть немного в павильоне, хотя сидеть там без внучки было тоскливо. Но ведь Дороти, конечно, скоро вернется, подумалось старику.

Он отворил дверь, в эту минуту его чуть не сшиб с ног большой жирный кролик, который выскочил из беседки, поскакал между грядками и скрылся в траве. Боже! Это был Бенни.

– Сюда, Петерс, Джонсон. Скорее сюда! Сюда, сюда! Ко мне!

Но садовники работали далеко, а голос хозяина был слабым, почти не слышным. Старик почувствовал лихорадочное желание самому поскорее поймать этого совсем ненужного ему кролика и посадить куда-нибудь в безопасное место до возвращения внучки. Всякое желание отдохнуть в беседке у него прошло. Он вышел из нее, спотыкаясь на каждом шагу. Поймать зверька, который мог резвиться где угодно, по всему Сторму, было делом нелегким!

– Это ее ужасно огорчит, – сэр Роджер заговорил сам с собой, все более ожесточаясь. – Что теперь делать? Ну какой прок в слугах, если они не слышат, когда их зовут? Эта Доротея прямо-таки безумна. Зачем ей понадобилось брать с собой малышку? Моя дочь с каждым днем ведет себя все более странно. До приезда Дороти я этого не замечал. Ах, Боже мой, как огорчится бедная девочка! Теперь понятно, что она имела в виду, сказав: «Он будет ждать тебя». Эй, что это? Пошел, пошел вон! Убирайся!

Голос старого сэра Роджера теперь был тонким, как свист, и хриплым. Ему не удалось остановить маленького терьера, который помчался вслед за коричневым кроликом и скрылся из вида. Собака принадлежала Петерсу. Она прекрасно ловила крыс и имела склонность душить мелких зверьков. Минуты через две терьер принес мертвого кролика, положил его к ногам хозяина Сторма и поднял на него умные блестящие глаза. Пес был явно доволен собой и ждал похвалы.

Старик опустился на колени. Задрожав, он положил руку на мертвого зверька. Уже никогда кролик не будет мыться, поднимать ушки и весело поглядывать вокруг. Коричневая с белым шерстка по-прежнему была мягкой, но Бенни не шевелился и не дышал.

В эту минуту подошел один из садовников. Он так удивился, увидев своего господина на коленях над мертвым кроликом, что невольно остановился и отступил.

– Кто там? Это вы, Джонсон? Дайте мне руку.

Садовник поднял старика.

– Меня сводит ревматизм, – объяснил сэр Роджер и спросил: – Чья это собака?

– Петерса, сэр. Это Яп! Он всегда в усадьбе.

– Передайте от меня Петерсу, чтобы он никогда не привозил сюда своего терьера. Возьмите этого кролика и заройте его. Сейчас же заройте!

Глава XVI

У плоского камня

Тетя Доротея и Дороти медленно шли под тенистыми деревьями. В лесу было очень прохладно. Мисс Сезиджер все раздумывала, удастся ли Роджеру быть настолько осторожным, чтобы не показаться, потому что если он выйдет из своего укрытия и Дороти увидит отца, это вызовет такие последствия, каких бедняжка и представить себе не могла.

Дороти не мучили никакие заботы, и она была вполне счастлива.

– Можно мне побегать немножко? – спросила она, продолжая держать тетю Доротею за руку.

– Нам нужно пройти очень далеко, дорогая, – ответила тетка, – и ты, может быть, скоро устанешь.

– О нет, я ни чуточки не устала, только я очень не люблю медленно ходить.

– Ну, хорошо, беги, если тебе хочется.

Дороти пристально посмотрела в тронутое морщинами, тревожное лицо.

– Может быть, тетя, у тебя есть какая-нибудь большая-большая забота? – спросила она.

– Нет, моя дорогая, конечно, нет.

– А лицо у тебя такое, точно ты встревожена. Разве ты

родилась со всеми этими морщинками?

– Конечно нет, дорогая.

– Откуда же они у тебя взялись, тетушка?

– Они появляются с годами, Дороти.

– Так ты, значит, действительно очень стара?

– Нет, меня нельзя еще назвать по-настоящему старой, но у меня были беспокойства и печали.

– Бедная моя тетушка! А разве морщинки появляются от беспокойства и забот? У меня тоже были печали, значит, и у меня есть морщины?

– Нет, дитя мое, ведь ты еще маленький ребенок.

Дороти выпрямилась:

– Не такой уж я и ребенок, право. Я уже многое в жизни видела, у меня были большие печали, и они еще тут, глубоко, – она дотронулась до сердца. – Но у меня были также и счастливые дни, а потом ведь всегда можно мечтать о небе.

– Маленькому ребенку не следует столько размышлять о небесной стране, – заметила мисс Доротея.

– Как же не размышлять, когда мои родители оба ушли туда? Мне очень хочется пойти к ним, но я не могу оставить дедулю. Кроме того, мне нужно немножко побыть здесь из-за тебя, тетушка. Только я ужасно боюсь одного.

– Чего, дорогая?

– Что из-за меня у тебя появятся новые морщинки на лице, а морщинки заставляют человека краснеть, а от красноты делаются припадки.

– Дорогое мое дитя, выброси ты из головки мысль, что у меня бывают припадки.

– У папочки бывали припадки, мне это сказала Бидди Мак-Кен, – убежденно проговорила Дороти. – Может, это у нас семейное?

– Ничего подобного. Я сержусь, когда ты говоришь глупости. Вероятно, Бидди Мак-Кен не слишком умная женщина, раз она вбила тебе такое в голову.

– Нет-нет, она добрая, милая и умная. Она была моей кормилицей. Как было бы хорошо, если бы она жила со мной! Она умела ухаживать за папочкой и, конечно, клала бы холодные полотенца тебе на затылок, когда ты начинаешь краснеть.

– Дороти, лучше перестань вмешиваться в чужую личную жизнь.

– Что значит «личная жизнь»? – поинтересовалась Дороти.

– Ну, например, не говори обо мне. Лучше посмотри-ка наверх, разве это не красивый вид? Полюбуйся, как солнце светит сквозь деревья.

– Да, конечно. Милое солнышко... Тетя, тетя, посмотри на кроликов. Мой голубчик Бенни сейчас забавляет дедушку. Я ему это поручила, и он все отлично понимает. Моего голубчика вылечили мистер Персел и жена. Я их очень люблю. Может быть, мы идем к их домику? Скажи, тетушка? У них подают такой чудный тушеный лук.

– Я ненавижу лук, – изрекла мисс Доротея.

Дороти посмотрела на тетку долгим, пронизательным взглядом.

– А есть что-нибудь на свете, что ты любишь? – вдруг спросила она.

Мисс Доротея все бы отдала, чтобы опять не покраснеть. Иначе девочка, конечно, заметит это и снова заведет разговор про «припадок».

– Я очень, очень любила твоего отца, Дороти.

– Да? Ты его родная сестра?

– Конечно, родная и единственная.

– Ты не очень похожа на него, тетя Доротея. У него совсем не было морщин. Он был как дедушка, только еще больше такой.

– Что ты хочешь сказать словами «еще больше такой»?

– Я хочу сказать, что он был еще красивее и... он был еще больше таким человеком, у которого можно уютно устроиться на руках. Боженька дал ему чистое сердце, и он теперь счастлив на небе.

Мисс Доротея стало не по себе, ее горло сжалось. Дороти выпустила из ручки ладонь тетки, голубое платье и шляпа замелькали в кустах.

Девочка погналась за бабочкой, но скоро вернулась обратно к тетке, разгоряченная, довольная и немного усталая.

– Теперь пойдем назад? – предложила девочка.

– О нет, нам нужно пройти гораздо дальше. Тебе ведь все

равно, правда?

– Я думаю о дедуле и Бенни. Теперь уж они достаточно наговорились друг с другом.

– Наговорились? – переспросила мисс Доротея. – Нельзя быть такой глупенькой, Дороти. Кролик не может разговаривать.

– Ты думаешь, не может? Нет, всё умеет говорить. Эта бабочка мне сказала: «Пожалуйста, пожалуйста, не бери меня», и я, конечно, не взяла бедняжку. А глазки Бенни говорят очень приятные вещи. Он умывает мордочку, чтобы уверить меня, что он самый счастливый зверек на свете. А его ушки! Знаешь, тетушка, вот бы ты научилась поднимать и опускать ушки, как он!

– Я очень рада, что не могу двигать ушами, как кролики.

– А тебе бы очень пошло! – развеселилась Дороти. – Это придало бы тебе такой живой вид!

– Это было бы уродство, – сухо промолвила мисс Доротея.

– Что значит «уродство»?

– Ну, довольно, Дороти. Не могу же я без конца отвечать на твои вопросы. Ты меня утомляешь.

– Очень жаль. Вот Бенни никогда не устает от наших бесед. Ну, я постараюсь помолчать немного. Или вот что, я поговорю сама с собой. Я буду говорить по-французски. Если хочешь, слушай, это будет тебе полезно. Ты привыкнешь к французским звукам. Я начинаю!

И она заговорила по-французски:

– О, как все красиво, сколько цветов, посмотри! А солнце? Разве это не прелесть! И как много кроликов, хорошеньких кроликов. (Не знаю, как будет «Бенни» по-французски.) И добрый Бог смотрит за всем. Как я счастлива, как я довольна! Только вот бедная тетя все грустна, очень грустна. Я бы так хотела, чтобы она была так же счастлива, как я. Я буду молиться за нее Богу.

Дороти сверкнула глазками на мисс Сезиджер и перешла на английский язык:

– Ты поняла?

– Немногое, дорогая, я не слишком хорошо знаю французский.

– Ты не можешь стать понятливее, правда, бедная тетушка?

– Нет, дорогая, не могу.

– Вот дедуля очень умный и способный. Он отлично учит стихи. А как хорошо танцует! Я так сильно люблю его!

Маленькая Дороти еще долго говорила, но измученная мисс Сезиджер слушала племянницу вполуха. С каждым шагом в сердце росла боль, и ей делалось все страшнее и страшнее. Вдруг Роджер, который был всегда таким несдержанным, порывистым и никогда не умел владеть собой, бросится к Дороти, когда они придут к большому дубу? Но делать нечего, оставалось только идти вперед, и, хотя Дороти уже два или три раза сказала: «Я совсем устала», тетя Доротея не сжалилась над ней и упорно шла к месту своего мучения.

Наконец она увидела дерево – большой приветливый дуб с широко раскинутыми корнями. Его листва образовала громадный зеленый шатер, в ветвях гнездились птицы, траву под исполинским деревом окутывала прохладная привлекательная тень. Доротея уселась на один из корней дуба, а сильно уставшая Дороти улеглась у ее ног и минуты две не двигалась. Локтями она упиралась в землю, ладонями поддерживала разгоревшиеся щеки. Голубая шляпа цвета незабудки лежала в стороне, глаза девочки внимательно разглядывали тетку.

«Я сделала то, чего он хотел. Он может нас видеть здесь, – подумала мисс Доротея. – О, только бы он был осторожен». Она боялась осматриваться кругом, сердце колотилось, и она так обессилела, что лицо ее стало не красным, а совсем бледным.

Маленькая Дороти, в отличие от тетки, быстро восстановила силы и с интересом разглядывала все вокруг. Вдруг она вскрикнула, вскочила с земли и со словами: «Ах, это мистер Как-меня-зовут!» – бросилась к пожилому, просто одетому человеку, застывшему неподалеку, у небольшого дерева.

Лицо мужчины было до того красным, что Дороти смело могла бы заподозрить его в склонности к припадкам. Бардвел протянул большую мозолистую руку и взял ручку ребенка.

– Что вы делаете тут, маленькая мисс? – спросил он.

– Как вы поживаете, мистер Как-меня-зовут? – Дороти от-

ветила вопросом на вопрос и застрекотала: – Я пришла с тетей. Видите, вон она сидит под деревом. Она очень печальная, одинокая, и, к сожалению, у нее ужасно много морщин. Она говорит, что морщинки у нее появились от печали и забот. А я боюсь, знаете ли, что они прибавляются на ее лице из-за меня. Я учу ее французскому языку. Говорите ли вы по-французски, мистер Как-меня-зовут?

– Нет-нет, маленькая мисс, нет.

– Моя тетушка очень непонятлива, – продолжала Дороти, – я не знаю почему. Вот дедуля, тот удивительно умен и понятлив.

– Ну, нет, – заметил Бардвел.

– Уверяю вас, мистер Как-меня-зовут. Он замечательно понятлив. Теперь он выучил «Совушку и Киску». А на прошлой неделе «Я помню»... Скоро мы выучим пропасть стихов и будем их рассказывать тетушке. Это она меня так наказывает, стихами. А еще мы по вечерам танцуем менуэт в гостиной. Вам хочется приехать посмотреть на нас?

– Хотел бы... да не могу, – Бардвел не отрывал восхищенных глаз от маленького создания.

– Почему же не можете?

– Я не такой человек, как вы.

Дороти протянула маленькую ручку и погладила его ладонь.

– У вас две руки? – спросила она.

– Конечно, маленькая мисс.

– И две ноги?

– Конечно, маленькая мисс.

– И у вас есть голова, и плечи, и туловище? И волосы, и глаза, и рот, и нос? Ну, все это есть также и у меня. Мы совсем одинаковые, мистер Как-меня-зовут. Я не понимаю, почему это вы не такой человек, как я.

– Какие странные мысли бродят в вашей головке! Моя маленькая мисс, вы напоминаете мне одно существо, которое я никогда больше не увижу. И мое сердце до сих пор болит. Как вы думаете, может быть, вы когда-нибудь поцелуете мистера Как-меня-зовут?

– Я не целую чужих, – Дороти немножко отступила. – Но вот вам моя рука, если хотите, можете поцеловать ее, мистер Как-меня-зовут.

Фермер наклонился и прижал губы к нежной детской руке.

– Теперь вернитесь к вашей печальной тетке. Но помните, что на свете есть и другие печальные люди, кроме нее. Идите, идите, Господь благословит вас. Скорее уходите, скорее, или... или я...

– Или что вы сделаете? Какое у вас странное лицо.

– Я не могу сказать, что я сделаю, если вы не уйдете от меня. Уйдите же поскорее.

– Вы мне нравитесь, – сказала Дороти. – Когда вы мне понравитесь еще больше, я, может быть, поцелую вас. Может быть, я устрою так, чтобы вы слышали, как мы с дедушкой

будем рассказывать стихи. Я Киска, а он Совушка. До свидания. Мне было очень грустно узнать, что у вас на сердце есть печаль.

– Уходите, дитя, уходите, – резко сказал Бардвел.

Маленькая голубая фигурка бросилась к тому месту, где сидела Доротея. Из-за дерева внезапно выглянуло темно-бронзовое загорелое лицо с глазами, похожими на глаза Дороти. Молодой сэръ Роджер схватил Бардвела за руку и шепнул:

– Бардвел, старина, я не могу этого выносить!

– Должны, вы обещали мне! – твердо сказал фермер и увел с собой молодого Сезиджера в чашу леса.

Они ушли так быстро и тихо, что ни Дороти, ни ее тетка не заметили их ухода.

Глава XVII

Потери и приобретения

Домой Дороти вернулась совсем усталая. Мэри и Карбури позвали ее к себе на чай. Она с удовольствием согласилась, и теперь ела землянику со сливками и наслаждалась беседой с Мэри. Раньше слуги никогда не приглашали девочку, но в этот раз они хотели сделать все возможное, чтобы печальная весть о гибели Бенни как можно позже дошла до ребенка.

В это время мисс Доротея лежала на постели у себя в спальне и горько плакала. Душевные силы ее были на исходе, она чувствовала, что не в силах больше хранить чужую тайну.

Сэр Роджер малодушно запер дверь и окно кабинета, чтобы девочка не могла ворваться к нему и застать врасплох прежде, чем он найдет слова для рассказа об участи кролика. Он лихорадочно обдумывал, кем бы заменить бедного Бенни. Может, подарить Дороти собаку или кошку? Сэр Роджер ненавидел кошек, но она любила всех маленьких пушистых животных. Или не подменить ли Бенни другим зверьком? Ведь в окрестных лесах этих коричневых кроликов бесчисленное множество. Но едва у старика зародилась эта мысль, он тотчас прогнал ее. Он понимал, что маленькую Дороти невозможно обмануть, да и не хотел этого.

«Нет, она узнает о том, что случилось. Это, конечно, глубоко опечалит ее! – думалось ему. – Она очень постоянное любящее маленькое существо, которое умеет управлять собой, но поэтому-то и страдает особенно сильно». И вот он, как трус, заперся, чтобы спокойно обдумать, как поступить.

Карбури и Мэри приготовили чай с особенно вкусной закуской. Дороти сидела на высоком стуле за столом, покрытым чистой белой скатертью. У старинного буфета стоял Карбури и чистил серебро. Мэри сидела на стуле и чинила платье Дороти.

– Вот большая ягода! – сказала Дороти, кладя себе в рот спелую землянику. – И какой у нее чудесный вкус. Я очень люблю землянику. А вы, Карбури?

– Любил когда-то, маленькая мисс. Теперь я не часто пробую ягоды.

– Почему? – спросила Дороти. – В саду их так много.

– Землянику продают, маленькая мисс.

– Кто же ее покупает?

– Люди, которым она нужна, дорогая, – сказала Мэри.

– А разве нам ее не нужно?

– Ваш дедушка желает ее продавать, дорогая, – опять заметила Мэри.

– А разве мой дедушка ужасно бедный? – спросила Дороти, медленно откусывая кусочек от другой ягоды.

– Он очень богат, – пониженным голосом сказал Карбури. – Он самый богатый человек из всех, кого я знаю, а я

знаю много богачей.

Дороти широко раскрыла глаза.

– Зачем же тогда он продает землянику?

– Потому что он любит деньги, – необдуманно слова выскочили у Мэри сами собой.

Карбури бросил на нее неодобрительный взгляд. Дороти проницательно посмотрела сначала на буфетчика, потом на служанку.

– По тому, как вы смотрите друг на друга, – заметила она, – я угадываю, что вы сказали что-то не совсем хорошее о моем дедушке. Пожалуйста, не надо. Видите ли, я люблю его больше всего на свете. Как только выпью молоко, побегу к нему. Я очень благодарна вам обоим, только вы не должны говорить о моих близких ничего плохого.

– Дорогая моя, – смутилась Мэри, – мы не хотели обидеть его.

– Ну конечно нет! Вы оба просто ничего не знаете, и, боюсь, непонятливы. Тетушка непонятлива, мистер Как-меня-зовут тоже непонятлив, а теперь я вижу, что и вы такие же. Остаются только дедуля и мой голубчик Бенни. О, Карбури, – прибавила она со смехом, – знаете, что я хотела бы для тети? Я хотела бы, чтобы у нее были такие же ушки, как у моего Бенни.

– Боже сохрани! – ужаснулся Карбури.

– Бог всегда нас охраняет, – назидательно произнесла крошка Дороти. – А вы много знаете о Боге и небе, мистер

Карбури?

– Нет, дорогая маленькая мисс, не очень.

– А я довольно много об этом знаю от мамочки. Если хотите, я когда-нибудь расскажу вам. А теперь мне нужно идти к дедуле и к моему голубчику Бенни.

– Ваш дедушка пока не может уделить вам время. Если вам угодно, пойдёмте со мной гулять по саду.

– Если мне угодно? – переспросила Дороти, соскакивая со стула и серьёзно глядя на Карбури. – А разве мои бедные ноги не устали? Ведь они так много шагали сегодня. Нет, я пойду к дедуле и буду сидеть у него на коленях. Не беспокойтесь, он впустит меня к себе.

– Я бы вас не впустила, – заметила Мэри.

Но Дороти, в последний раз одарив двух добрых старых слуг не по-детски серьёзным взглядом, отошла от чайного стола. Через минуту ее ладошки вертели ручку двери в кабинет. Дверь была заперта.

– Дедушка, я вернулась! Пожалуйста, открой мне, – прозвенел ее нежный голосок.

Ответа не было.

– Дедуля, дедуля! – закричала Дороти.

Дед не ответил, не пошевелился. В кабинете сидел сгорбленный дряхлый старик. Где-то в саду, под землей, лежал убитый кролик, а сэр Роджер так и не придумал, как подготовить внучку к ужасному известию. Дороти, немного встревоженная, выбежала из дома, и вскоре ее личико прижалось

к окну кабинета. Через несколько минут она разглядела деда и застучала пальчиками в стекло.

– Совушка, отвори дверь, – радостно закричала она. – Киска хочет войти! Скорее, скорее, скорее!

Сэр Роджер медленно поднялся с кресла, подошел к окну и отворил его.

– Уйди, дорогая, уйди на несколько минут.

Но Дороти с веселым визгом протянула к нему обе руки:

– Мне так хочется к тебе, мой голубчик, сейчас жепусти меня!

Сезиджер был так же не в состоянии отказаться сжать маленькие ручки, как, например, летать по воздуху. Он протянул ей жесткую узловатую руку, и девочка легко вскочила в комнату. Не прошло и минуты, как Дороти уже сидела у старика на коленях. По лицу деда было заметно, что у него на душе какая-то печаль. В течение своей короткой жизни девочка видела много горестей и привыкла распознавать выражение грусти. Она получше устроилась на коленях, потом прижала щечку к старой щеке и нежно проговорила:

– У тебя на лице новые морщинки. Что случилось?

– Скажи, моя маленькая, говорить тебе все сразу или мало-помалу?

– Пожалуйста, говори все как есть, дедуля. Я привыкла к ударам.

– Ну, хорошо. Твой Бенни умер.

Минуты две Дороти молчала. Она не шелохнулась, не

вздрыгнула и сидела как каменная. Когда она наконец подняла глаза на деда, в них не было ни слезинки.

– Как он умер?

– Собака, отвратительное создание... Я отослал ее из усадьбы. Яп, собака Петерса, поймала бедного маленького зверька и прежде, чем я успел защитить Бенни, задушила его... Я не знаю, чего бы я не отдал, чтобы он снова ожил.

– Он никогда не будет больше настораживать ушки, – прошептала Дороти. – Он был такой мягонький, пушистый и... я любила его. Мы оба его любили, правда, дедуля?

– Дитя мое, я очень виноват. Ты поручила его мне, а я не усмотрел, и он погиб. Несчастный случай...

Дороти сидела тихо. После долгого молчания она произнесла:

– Случаи часто бывают виноваты.

– Что ты хочешь сказать, моя девочка?

– Случай убил моего папочку. Теперь он на небе; на небе и мамочка, и мой Бенни.

Грудь сэра Роджера сдавила нестерпимая боль, в горле стоял ком.

– Дороти, дорогая...

– Что, дедушка?

– Я достану тебе нового кролика.

– Мне не нужно другого. Ведь он же остался у меня: мой красавчик на небе, – Дороти глубоко вздохнула. – Обними меня покрепче, хорошо? Посидим так вместе. Бедный деду-

ля, ты тоже потерял его. Ты не должен слишком печалиться, потому что нам обоим грустно. Мы часто будем говорить о нем, когда останемся одни и никого не будет поблизости. Мы будем вспоминать, какая у него была тепленькая шерстка, как уморительно он умывался лапками, какие у него были смешные ушки, и будем представлять, как мы с ним встретимся, когда вместе уйдем на небо.

– Лучше бы ты плакала, моя детка.

– Я не плачу о таких вещах, – Дороти тихонько покачала кудрявой головкой. – Ведь он не погиб, а просто ушел. Бидди Мак-Кен так говорила о папе и маме.

Старый сэр Роджер с изумлением смотрел на маленькую Дороти и не находил слов, ему нечего было сказать этому ребенку.

Дороти казалось, что дед опечален гибелью кролика, которого любил, и потому усилием воли сдерживала собственное горе. В этот вечер, за ужином, она была особенно нежна со стариком, совсем не резвилась, не бегала, все ласкала его и сидела на коленях. Потом она принялась развлекать дедушку, рассказывая обо всем, что делала днем, после ленча.

– Я видела мистера Как-меня-зовут, – сказала Дороти.

– Кто это?

– Дедуля, дорогой, ты же его знаешь! Вспомни, я приводила этого господина к тебе в кабинет. Сперва ты был не слишком доволен, а потом обрадовался. Я тебе признаюсь, только

пообещай, что не рассердишься: я чуточку, самую чуточку, полюбила мистера Как-меня-зовут.

– Неужели ты говоришь о грубом фермере, который на днях был у меня в кабинете?

– Дороти, – вмешалась мисс Доротея, пытаясь избежать скользкой темы в разговоре. – Уж поздно, тебе давно следовало бы идти спать.

– Не хочется, – отмахнулась Дороти.

– Дай ей посидеть немного, Доротея. Ты постоянно стараешься увести ее от меня, – ревниво заметил сэр Роджер. – Ты ее видишь гораздо больше, чем я.

– Но ведь ты сам приказал мне давать ей уроки, – оправдывалась мисс Доротея. – Я забочусь о ее платьях. Мне приходится беспокоиться о ней, а ты имеешь возможность просто наслаждаться ее обществом.

Дороти соскользнула с колен деда, подошла к тетке и поцеловала ее.

– Ты так устала после нашей долгой прогулки, и это немудрено, потому что такая старая дама, как ты, не должна ходить так далеко.

– Где же ты была, Доротея? – спросил сэр Роджер.

Но тетушка Доротея уже выбежала из гостиной. Ее лицо пылало, она отлично сознавала, что, останься она в комнате, Дороти опять начнет допытываться о припадках, а вынести этого мисс Сезиджер уже не могла. Дороти медленно вернулась к деду.

– Она такая печальная, несчастная. Может быть, мы с тобой могли бы постараться сделать ее счастливее.

– Что ты говоришь? Моя дочь Доротея несчастна? – непонимающе переспросил сэр Роджер. – Этого не может быть, у нее нет никаких забот.

– Она сказала, что всегда жила с заботами и печалью.

– Пустяки, дитя мое, какие пустяки.

– Она сказала, – продолжала Дороти, – что по-настоящему глубоко любила только одного человека – моего папочку.

Лицо старика потемнело.

– Не будем больше спорить о тете. Лучше поговорим о тебе самой. Ты очень необычная девочка, но мне с тобой удивительно хорошо.

– Я знаю, дедуля, – кивнула Дороти.

– Я уже не представляю, как раньше жил без тебя. Если бы тебя не было, мне было бы очень тяжело. И ты очень благоразумна. Например, сегодня ты так стойко отнеслась к гибели кролика.

Дороти мягко перебила деда:

– Он не погиб, он ушел. Вот что, дедуля, пусть Карбури или кто-нибудь другой унесет пустую клетку из моей комнаты. Она больше не понадобится Бенни. Теперь у него, наверное, золотая клетка на небе.

– Позвони, мое дитя, позови Карбури. Конечно, эту клетку не следует оставлять в твоей спальне.

Дороти позвонила, вошел Карбури.

– Пожалуйста, Карбури, – попросила Дороти, увидев старого слугу, – возьмите клетку моего Бенни, в которой прежде жил попугай, и унесите к себе. Пожалуйста, сделайте это поскорее.

– Пусть это будет исполнено тотчас же, – хмуро прибавил хозяин Сторма.

Карбури молча поклонился и отправился исполнять приказание.

– Знаешь, Дороти, – обратился сэр Роджер к внучке, как только закрылась дверь, – я думаю, моей маленькой девочке было бы приятно иметь другого любимца.

– Мне не нужно другого.

– А тебе не хотелось бы, чтобы у тебя был пони?

– Что? – Дороти подняла на деда загоревшиеся глаза.

– Маленький пони, на котором ты могла бы ездить, а еще дамское седло и хорошенькая амазонка¹⁵? Что скажешь?

Дороти схватила руку деда.

– О, милая узловатая рука, как я люблю ее, – почти пропела она, не в силах сдержать радость.

– Ты будешь любить твоего пони?

– Кататься верхом! Это будет так чудесно! Ах, как я тебя люблю, как я тебя люблю!

– Я завтра же куплю для тебя лошадку, – пообещал сэр Роджер, – и дамское седло. Амазонку тебе сошьют дома.

– Но, дедуля, неужели я буду ездить одна? Это будет груст-

¹⁵ Амазонка – длинное женское платье для верховой езды.

но.

Старик глубоко задумался.

– Вот если бы ты катался со мной, это было бы прекрасно! Мы могли бы уезжать далеко-далеко. Ты никогда не ездил верхом, дедушка?

– Конечно, ездил, ездил тысячи раз. Но я продал верховых лошадей, потому что считал это ненужной тратой.

– Дедуля, ты очень бедный?

– Нет, моя прелесть. С удовольствием могу сказать, что я не беден.

– Тогда мне страшно, очень страшно.

– Чего же ты боишься, дорогая? Я осторожный человек, если ты говоришь об этом, но я не бедный.

– Что значит «осторожный»? – спросила Дороти. – Неужели осторожным человеком называется тот, который очень скуп и страшно боится истратить деньги?

– Это очень некрасивое объяснение, Дороти.

– Знаешь, дедушка, есть многое на свете, что я люблю, – помолчав, проговорила Дороти, – и многое, что ненавижу. Ненавижу и некоторых людей. Я расскажу тебе, что мне противно и отвратительно. Я ненавижу сорные травы, жаб и змей. Змей больше всего! А людей я ненавижу таких, на которых ты совсем не похож.

Тут она порывисто и крепко поцеловала его, а потом продолжила с гримасой отвращения:

– Но больше всего на свете, сильнее всего я ненавижу

деньги!

Большая рука сэра Роджера дрогнула, но не выпустила внучку из объятий.

– Что ты знаешь о деньгах, моя крошка?

– Ах, я хорошо знаю их! Дедуля, ты не жил в тех местах, где жила я. У меня было так много домов! Ты не знаешь, что значит быть несчастным. Таким несчастным, чтобы желать умереть, потому что деньги куда-то запропались. И что значит радоваться, глупо радоваться, потому что они нашлись. И ты никогда не жил так, чтобы из-за денег умерла твоя любимая мамочка. О, дедуля, я ненавижу деньги!

Каждое слово внучки отдавалось в сердце старого сэра Сезиджера гулким ударом.

– Я немного устал, Дороти. И тебе пора спать, – промолвил он наконец.

Дороти замолчала и посмотрела на деда очень серьезно.

– Ах, но тебя, тебя я люблю, – и девочка покрепче обняла и поцеловала старика.

Соскользнув с его колен, Дороти вышла из комнаты.

Сэр Роджер остался размышлять об этом странном разговоре. Вскоре после ухода девочки в гостиную вернулась мисс Сезиджер.

– Доротея, – настойчиво спросил ее отец, – куда ты ходила сегодня?

– Только гулять.

– Смотри, не води ее слишком далеко. Помни, что она

очень маленький ребенок.

– Она очень сильный ребенок, – возразила мисс Доротея.

– У тебя несносная привычка постоянно противоречить мне. Повторяю: она еще слишком мала для длинных прогулок.

– А я слишком стара для них? – в голосе Доротеи послышались слезы.

– Очень может быть. Ты вообще необыкновенно стара для своих лет. Я не видел никого, кто состарился бы так рано.

– Я не виновата в этом. Отсутствие веселья и радости иссушило мое сердце.

– Пустяки, – отмахнулся сэра Роджер. – Теперь в доме достаточно весело, ты могла бы быть довольна. Дороти занимает меня, поглощает мои мысли.

– Это всякому видно.

Сэр Роджер легко поднялся с кресла и прошел к камину. Теперь он почти не горбился, его глаза блестели. Хотя ему было за семьдесят, сейчас он казался моложе своей дочери.

– Я много думал об этом ребенке, – вновь заговорил он, – и вот что хочу тебе сказать: купи все, что может ей понадобиться. Будь так добра, Доротея, подожди минутку, я выпишу чек на десять фунтов. Купи для нее платья, белье и все, что ей может быть нужно. Конечно, ты не будешь тратить попусту.

– Конечно, – ответила изумленная старая дева, которая за всю свою жизнь не держала в руках чека на такую сумму.

Сэр Роджер открыл конторку, вынул чековую книжку, написал несколько слов на одном из ее листков и, оторвав его от корешка книжки, передал дочери.

– Береги деньги, – повторил он.

– Не беспокойся, отец.

– Ну, теперь до свидания. Пожалуйста, пришли ко мне Карбури.

– Покойной ночи.

Мисс Доротея тихонько притворила за собой дверь и отправилась искать Карбури. Старый слуга как раз запирает дом на ключ, хотя ночь еще не наступила. В Сторме всем было приказано ложиться как можно раньше, чтобы таким образом сберегались свечи и керосин для ламп. Однако все начало меняться. Мисс Доротея передала просьбу отца и ушла к себе. Карбури быстро пошел в гостиную. Сэр Роджер все еще стоял подле камина.

– Карбури...

– Что прикажете, сэр?

– Вы сумеете выбрать хорошего пони?

– О, конечно, сэр.

– Завтра же отправляйтесь в татерсаль¹⁶.

– Как, сэр?..

– Мне кажется, я говорю достаточно понятно. Первым же утренним поездом поезжайте в город и купите там малень-

¹⁶ Татерсаль – место собрания любителей верхового спорта (по имени Татерсала, устроившего впервые такой манеж в Лондоне, в 1771 году).

кого, хорошо выезженного пони, на котором могла бы ездить моя внучка. Купите также лошадь для меня. Спокойную, хорошую – словом, такую, которая годилась бы мне для верховой езды. Потом отыщите и купите дамское седло для пони. А для моей лошади... Кажется, в конюшенном сарае еще есть седла, из которых можно выбрать что-то подходящее.

– Но, сэр... сэр Роджер...

– Я так приказываю. Вот незаполненный чек. Впишите ту цифру, которая понадобится. Я подписал его.

– Но, сэр...

– Я не желаю слышать возражений! Постарайтесь, если возможно, завтра же к вечеру привести в Сторм лошадь и пони. Никому не говорите о моем приказании. Малышке для здоровья нужно ездить верхом, и лучше всего ей ездить с дедом.

– Конечно, конечно, сэр, и я так... и я так...

– Мне не нужно ваших «и я так», – сэр Роджер начал сердиться. – Будьте добры исполнить мое поручение, а ваше мнение оставьте при себе.

Карбури поспешно поклонился и выскользнул из гостиной.

– Мэри, – сказал он через несколько минут, – вам придется завтра исполнять всю работу в доме.

– Мне? Я всего не успею, – возразила Мэри.

– Вам придется постараться, потому что меня не будет дома.

– Значит, вы все-таки решились уволиться?

– Я – уволиться? – переспросил Карбури. – Только не я.

– Тогда почему я завтра останусь работать одна?

– Я уеду по поручению нашего господина. Оно займет целый день, и я никому не должен говорить, в чем оно состоит.

Казалось, старый слуга от сознания своей значимости стал даже немного выше ростом.

– Боже милостивый! – воскликнула Мэри.

– Вы ни за что не догадаетесь, в чем дело, – Карбури изо всех сил старался не выболтать тайну, – можете хоть до утра гадать. Мне запрещено говорить. То, что мне поручили, поразило меня так, что кажется, будто свет перевернулся, иначе этого не могло бы случиться. Покойной ночи, Мэри.

Глава XVIII

Крик в ночи

Сначала окрестности Сторма гудели от невероятных слухов, но затем то, во что поначалу невозможно было поверить, стало делом обычным. Старый скряга из Сторма, сэра Роджер Сезиджер, каждый день, а иногда и дважды в день, выезжал верхом со своей маленькой внучкой. Девочка так хорошо сидела в седле, точно с рождения привыкла к верховой езде. На большой лошади ехал высокий старик, на маленьком очаровательном пони – ребенок. Они всегда держались рядом. Лошадь умеряла шаг, чтобы не перегонять пони, и ангельское личико девочки всегда было повернуто к поблекшему лицу деда. Слышались взрывы детского смеха и веселая болтовня.

Каждый день они все дальше и дальше отъезжали от усадьбы, осматривали незнакомые окрестности, иногда останавливались в живописных деревушках, разбросанных на землях сэра Роджера. Хозяева деревенских харчевен, куда путешественники заходили выпить чаю и перекусить, изо всех сил старались не ударить в грязь лицом перед богачом из Сторма. Собирался народ, многие толпились у дверей, подле лестниц, многие ждали у края дороги, чтобы только взглянуть на чистое личико ребенка и просветлевшее, радостное лицо старика.

И после каждого катания сэра Роджер все меньше горбился, его глаза становились светлее, а годы как будто уменьшались. Через два месяца после начала прогулок он выглядел уже не стариком за семьдесят лет, а гораздо более молодым человеком.

Дороти придумала для своего пони кличку – «Не-забывай-меня». Карбури пытался возразить, что имя слишком длинно, но сэр Роджер заметил:

– Раз она так его назвала, значит, нечего и рассуждать.

Дороти дала имя и лошади деда. Она назвала ее «Чистое Сердце». Сначала сэру Роджеру оно не нравилось, но Дороти сказала, что это напоминает ей папочку и небо, а потому он не осмелился больше противоречить, впрочем, решив по возможности реже называть лошадь странным именем.

Карбури и в самом деле знал толк в лошадях и сумел отлично выбрать их. Чистое Сердце и Не-забывай-меня были очень хороши, каждый в своем роде. Сэр Роджер нанял конюха по имени Майкл и поручил ему ухаживать за лошадьми. Кроме того, ради нового развлечения для маленькой мисс пришлось приводить в порядок старую конюшню. Когда ее отремонтировали, девочка осталась довольна помещением, в котором жили Не-забывай-меня и Чистое Сердце.

Еще в Канаде Дороти немножко ездил верхом и, отличаясь ловкостью и смелостью, вскоре стала чувствовать себя на лошади вполне свободно. Кроме того, верховая езда доставляла ей такую радость, что прогулки совершались в любую

погоду. Благодаря этим приятным упражнениям Дороти становилась все веселее, сильнее и красивее. Она уже просто не могла обходиться без верховых поездок.

Мисс Доротея ждала отца и племянницу дома и все не могла надивиться переменам вокруг. Время от времени она совершала длинные прогулки к северному лесу, клала письмо под плоский камень и возвращалась домой, по-прежнему мучаясь от необходимости хранить тайну и трепеща от дурных предчувствий, если все выйдет наружу.

Обращение сэра Роджера с дочерью никак не изменилось. Он говорил с ней нетерпеливо и резко и совсем не беспокоился о том, как она живет, о чем думает и тревожится. Маленькую Дороти, наоборот, интересовало все, касавшееся тетки, и это перевернуло жизнь мисс Сезиджер. Постепенно простая привязанность к племяннице переросла в сердце мисс Доротеи в глубокую любовь, будто в иссушенное сердце старой девы хлынул живительный поток чистой свежей воды. Мисс Сезиджер была от природы наделена редкостным великодушием и добротой, но жалость к себе, эгоизм и уныние часто затмевали эти прекрасные качества ее души. Теперь же все изменилось.

Любовь способна творить чудеса. Она великая оживляющая сила, она сила жизни, она смысл всего человеческого существования. Если невинный ребенок искренне дарит свое сердце, любовь его так чиста, что способна переродить и воскресить самую темную душу. Если же взрослый открывает

свое сердце невинному ребенку, любовь в его сердце не оскудевает, а наоборот, умножается и заполняет жизнь теплом и светом.

Так семью в Сторме постепенно стала соединять любовь. Дороти стала смыслом существования старого сэра Роджера; все мысли мисс Сезиджер были поглощены племянницей, тетюшка посвящала ей все свое время, за исключением тех часов, которые Дороти проводила с дедом. Нечего и говорить, что Карбури, Мэри, Петерс и Джонсон так привязались к маленькой мисс, что были готовы сделать для нее все на свете. Вот только маленькая мисс ничего не требовала и никогда не капризничала, это было не в ее характере. Она весело, уверенно и легко повелевала своим королевством, которое завоевала именно благодаря бесстрашию, искренности и правдивости. Ничто не печалило малышку, она жила совершенно счастливо.

Мало-помалу в доме тоже начали происходить разные мелкие перемены. Они совершались постепенно. Дороти страстно любила музыку, но старый рояль в Сторме уже совершенно ни на что не годился, поэтому в один прекрасный день привезли новый инструмент, с отличным тоном и очень красивый. Малышка села за него и стала играть какие-то странные мелодии собственного сочинения: у нее была настоящая страсть к музыке.

Мисс Доротея ворчала, что маленькую музыкантшу следует хорошенько учить, но сэр Роджер, как всегда, был до-

волен любыми действиями внучки:

– Оставь. Ее мелодии развлекают меня.

Потом, когда приблизилась зима (все описанное происходило в течение нескольких месяцев), сэр Сезиджер стал очень беспокоиться, достаточно ли тепло его внучке. Были куплены новые ковры, толстые и пушистые, а также мягкие удобные кресла; во всех больших комнатах по целым дням топили камины. Завтраки и обеды стали более сытными и вкусными, отчего мисс Доротея перестала испытывать постоянный голод, сопровождавший ее прежде изо дня в день. Словом, девочка действительно внесла солнечный свет в старый дом.

Правда, для мисс Доротеи свет был омрачен необходимостью скрывать ото всех то, что на самом деле Дороти не сирота и ее отец жив. Недалеко от усадьбы жили мистер Какменя-зовут и его таинственный жилец, который никому не показывался на глаза и лишь время от времени, в надвинутой на самые глаза шляпе, ходил к плоскому камню и прятал под него письма.

Ни маленькая Дороти, ни ее дед не подозревали, что во время верховых прогулок по лесам и полям из-за деревьев за ними с тоской и любовью жадно наблюдает какой-то человек и что, когда они проезжают мимо, загорелый простоватый фермер сжимает кулаки от бессильного чувства зависти и восхищения. Среди приятных волнений и счастья настоящей жизни маленькая Дороти совсем позабыла о мистере

Как-меня-зовут, и так как была вполне уверена, что ее отец блаженствует на небе, совсем не тревожилась о судьбе «своего дорогого папы».

Однако приближалось неотвратимое событие, о котором не подозревали ни хозяева Сторма, ни жители фермы Хоум. Его ускорил случай. Однажды в октябре Дороти наконец решила осуществить свою давнишнюю мечту и разыграть в лицах сценку «Совушка и Киска». К этому времени она могла вполне распоряжаться сэром Роджером, тем более что и она, и дед отлично знали стихи.

Во время верховой прогулки Дороти с увлечением уговаривала деда дать спектакль перед тетей Доротеей. Живо обсуждая предстоящий праздник, они остановились под большим дубом, чтобы укрыться от мимолетного осеннего дождя. Была середина октября, дерево теряло листья, однако их еще много оставалось на искривленных ветвях, так что старик и девочка не вымокли.

– Дедуля, милый, – начала Дороти, – мы сыграем это сегодня вечером, правда?

– Да, моя прелесть, – согласился сэр Роджер. – Если тебе этого хочется, мне все равно.

– Конечно, мне этого хочется, – сказала Дороти. – Ты должен быть ко мне очень, очень мил, ведь ты знаешь, ты моя собственная, собственная совушка, а я твоя киска. Я все придумала, дедуля, особенно относительно танцев. Сегодня обязательно выйдет луна. Карбури мне сказал, что ночь будет

лунная.

– Дороти, я не хотел бы, чтобы ты так много говорила со слугами. Маленькие девочки из хорошего общества этого не делают.

– Мне очень жаль, но я совсем не девочка из хорошего общества.

Из-за большого дерева послышался какой-то подозрительный звук, но сэр Роджер не расслышал его. Только Чистое Сердце насторожила уши.

– Извини, дедушка, но с Карбури я буду разговаривать всегда. Пожалуйста, не мешай мне, потому что, видишь ли, я его люблю.

– Я не хочу этого, – повторил сэр Роджер.

– Очень жаль. Но я не могу иначе. А все-таки сегодня будет чудесная полная луна, и мы с тобой, «совушка и киска», выйдем из балконной двери гостиной и будем танцевать «при свете луны».

– Киска, ты что-то совсем не жалеешь свою совушку, – посетовал сэр Роджер, – октябрьские ночи бывают холодны.

– Но мы же будем танцевать быстрый танец, – заметила Дороти, – и держаться за руки. Нам будет так хорошо, что мы и не почувствуем холода. Ну, дедуля, поедем дальше, солнце вышло. О, как приятно представлять себе, что будет сегодня вечером!

Они двинулись дальше, а из-за дерева, пошатываясь, вышел нетрезвый человек с пунцовым лицом, искаженным

непереносимой тоской. Спотыкаясь, чуть не падая, побрел он к ферме Хоум. Бардвел был дома и сидел на кухне у очага. В старинном камине горел яркий огонь. Бардвел любил проводить здесь осенние дни, ведь полевые работы были окончены, урожай собран.

– Ну, – спросил он, когда вошел Сезиджер, – где вас опять носило?

Роджер бросился на стоявший рядом стул, закрыл лицо руками и горько зарыдал.

– Я уеду, так нужно.

– Зачем вам уезжать? – удивился Бардвел. – Вы же хотели жить неподалеку от дочери. Почему бы вам не остаться здесь?

– Я не могу дольше выносить этого.

– Что случилось? Что-нибудь новое?

– Да, новое. Дело в том, что я не могу больше терпеть. Я согласен выносить многое, но... не это. Сегодня вечером я пойду посмотреть на нее в последний раз.

– Что-что? Смотреть на малышку? Вы что, с ума сошли? – рассердился Бардвел.

– Она меня не увидит. Если хотите, можете пойти со мной. А не хотите, так оставайтесь дома!

– Я не пойду, – отказался Бардвел. – Иначе могу не совладать с собой. И вам не советую.

– Вы можете остаться дома или идти, как вам будет угодно, – повторил молодой Сезиджер. – Я же пойду в Сторм.

Хочу в последний раз увидеть старую усадьбу, дом, где я родился. До отца мне дела нет. Но он всей душой привязался к малышке. Я и не сомневался в этом. Сегодня вечером в Сторме будет нечто особенное. Я хочу увидеть это, и непременно увижу. Главное, что она счастлива, он ее любит. И я завтра же уеду.

– А что же прикажете делать мне? – спросил Бардвел. – Что мне-то делать? Тоже уезжать отсюда? Неужели я должен перестать интересоваться малышкой? Неужели мне никогда не придется сказать ей, кто я?

– Вы можете поступать, как вам угодно, но на вашем месте я ничего не говорил бы ей.

– Мне больно думать, что она никогда не узнает, кто я, – промолвил Бардвел.

– О чем вы говорите? Ведь она не ваша дочь.

– Она моя внучка, и я люблю ее не менее сильно, чем вы. Ведь она портрет моей единственной дочери, которой больше нет. Она ее дитя. Мне невыносимо думать, что она будет жить у него, любить его, не зная своего другого деда.

– Я слишком дурной человек, чтобы иметь на нее какие-нибудь права, – сказал Сезиджер. – Я не могу перестать пить виски, в этом мое несчастье. И если бы у меня было достаточно денег, я не сомневаюсь, что, конечно, начал бы опять играть.

– Ах вы, несчастный! – сказал Бардвел с глубоким презрением. – Несчастный, хотя вы и Сезиджер из Сторма.

– Я не в силах измениться, – проговорил Роджер. – Но я хочу увидеть ее в последний раз. Сегодня мне повезло. Они проезжали по роще и остановились переждать дождь в двух шагах от меня. Я слышал каждое их слово. Они были рядом и болтали друг с другом. Я слышал ее нежный голосок, провожал их взглядом, когда они поехали дальше. Клянусь Богом небесным, я не знаю, как сдержался, чтобы не окликнуть ее. Но сдержался. Он любит мою девочку и все сделает ради нее. Она будет хозяйкой Сторма. Не вмешивайтесь, Бардвел. Сжальтесь над несчастным конченным человеком. Я был причиной гибели вашей дочери, но я любил ее, любил искренне. Не вмешивайтесь же теперь.

– Вы слишком многого от меня требуете, – горько усмехнулся Бардвел. – Я столько раз смотрел на девочку, что привязался к ней всем сердцем. Вы собираетесь уехать, а подумали о своей сестре? Что будет с ней? Ведь она посвящена в ваши планы и будет с ума сходить, если вы исчезнете.

– Я положу еще одно письмо под плоский камень и предупреджу, что уезжаю.

– Но как же вы уедете без денег?

– Дайте мне пять фунтов, ради Бога, и я как-нибудь уеду. Мне будет полезно уехать и взяться за тяжелую работу, чтобы прокормить себя.

– Боже ты мой! И это говорит настоящий наследник Сторма! Послушайте, Роджер, я тоже богатый человек. Кому я оставлю мои деньги? Давайте лучше будем жить вместе, мне

хочется этого.

– Мы не можем здесь оставаться. По крайней мере, я не могу, – уточнил Сезиджер. – Я приехал, чтобы увидеть, как пойдет дело. Все устроилось лучше, чем я смел надеяться. Она заставила этого жестокого человека быть добрым, как ангел небесный. Она покорила его своим удивительным обращением, своей прелестью, добротой, любовью и приветливостью.

– Все это она унаследовала от моей дочери, – с горечью сказал Бардвел. – А между тем вы собираетесь бросить меня одного, как ненужную вещь.

– Нет-нет, вы очень помогли мне. Я не смог бы осуществить свой план без вас, Бардвел. Прошу вас, доведите начатое до конца: не говорите ей, кто вы.

– Я тоскую по ней, – сказал Бардвел. – Иногда я сам не понимаю, что делаю. Вы сыграли со мной жестокую шутку, Сезиджер, уговорив поселиться на ферме Хоум. Мне было бы легче, если бы я никогда не видел внучку.

– Я составляю несчастье и мучение для каждого, кто делается мне близким, лучше бы я никогда не родился!

– Не говорите этого, – прервал его Бардвел, – ведь вы отец прелестного благословенного ребенка.

Роджер, закрыв лицо руками, дрожал всем телом.

– Я не понимаю, почему, имея такое сокровище, такого ребенка, вы продолжаете скатываться в пропасть? – продолжал Бардвел. – Почему вас тянет пить виски, играть, вести

дурную жизнь?

Сезиджер выпрямился во весь свой немалый рост.

– Знаете, как она назвала лошадь? – внезапно спросил он.

– Откуда мне знать?

– Чистое Сердце! Теперь ответьте: слышали ли вы за всю свою жизнь такую кличку для лошади?

– Никогда. Не могу даже представить, откуда она взяла такое название.

– А я могу, – проговорил Роджер. – Бог видит, могу. Когда я в последний раз разговаривал с ней, то попросил молить Бога, чтобы Он дал мне чистое сердце. И теперь мое бедное дитя уверено, что Господь исполнил мое желание и что я блаженствую на небесах. А разве я на небе? Нет, вся моя жизнь – сплошное мучение.

– Вы могли бы превратить жизнь в радость, а не в муку, если бы у вас было мужество, – уверенно сказал Бардвел.

Между тем в Сторме шли оживленные приготовления к веселому спектаклю, который придумала Дороти.

– Тетушка Доротея, сегодня вечером оденься в самое лучшее платье! – твердо приказала она.

– Почему? – спросила мисс Сезиджер, улыбаясь.

– У нас будет представление «Совушка и Киска».

– Дороти, ты не должна делать все, что тебе вздумается.

– Ну, конечно нет. Это дедуле хочется устроить представление, ему ужасно хочется, – схитрила Дороти. – Он ни о чем больше не думает, и он самая лучшая Сова, какую я только

видела. Надень же нарядное платье. Мы начнем тотчас же после ужина.

Выбегая вприпрыжку из комнаты старой девы, Дороти услышала глубокий вздох мисс Доротеи.

«Как жалко, что она вздыхает, – подумала девочка. – Как бы я хотела, чтобы никто больше не вздыхал на прелестной земле, на которой живет дедуля, Не-забывай-меня и Чистое Сердце».

Когда Мэри одевала Дороти к обеду, малышка сказала ей:

– Мэри, если сегодня вечером вы с Карбури спрячетесь где-нибудь у входа в дом, то увидите кое-что интересное. Будет полная луна, но будут и тени, знаете, под деревьями. Так вот, вы с Карбури стойте где-нибудь в тени, и тогда увидите что-то очень хорошенькое.

– Какая вы странная, мисс Дороти, у вас вечно какие-нибудь новые выдумки в головке.

– У меня много выдумок, правда? – переспросила девочка и прибавила по-французски: – О, я так довольна, я так всех люблю.

– Мисс Дороти, я не понимаю, когда вы говорите на этой тарабарщине.

– Да, Мэри, боюсь, что вы немножко непонятливы. Но если бы у вас в сердечке было, вот как в моем, много-много любви, вы бы тоже о своих чувствах говорили по-французски. Этот язык гораздо красивее английского. Дедушка понимает, когда я говорю с ним по-французски, и тетя Доротея

понимает немножко, и мой голубчик пони все понимает, и Чистое Сердце тоже.

– Маленькая мисс, и зачем вы наградили бедную лошадь таким непонятным именем?

– Может быть, для вас непонятным, но не для меня, – сказала Дороти.

Дороти, одетая в изящное платье (теперь для нее выписывалось множество вещей из Лондона), мелкими шажками сошла вниз. До ужина было еще далеко, и по каким-то непонятным причинам, непонятным даже для нее самой, девочке захотелось пройти в конюшню и поцеловать Чистое Сердце. Она была очень привязана к своему пони, но опять-таки по неясным ей причинам еще сильнее любила лошадь деда.

Это было красивое животное с белой звездочкой на лбу. Она была кротка и отличалась всеми качествами лошади хорошей породы и превосходной родословной. Конюх гордился лоснящейся темно-гнедой шерстью Чистого Сердца.

Лошадям задали овса и сена на ночь, и они стояли без привязи в денниках. Дороти легкими шагами вошла в конюшню. Горела маленькая лампа, и при ее свете девочка различила массивный силуэт Чистого Сердца. Малышка вошла в денник, нисколько не боясь, и, подняв маленькую руку, старалась дотянуться до лба лошади. Животное опустило голову к ребенку, и глазки Дороти заглянули в темные и кроткие глаза лошади.

– Ты напоминаешь мне моего папочку, вот почему я так

ужасно люблю тебя! – сказала Дороти. – Милая, дорогая, я люблю тебя!

После этого Дороти спокойно вернулась домой. Теперь ужины в Сторме стали немножко праздничными. По вечерам сэр Роджер считал необходимым особенно баловать внучку, поэтому к столу подавали всевозможные сладости, которые любят дети. В доме хранился неистощимый запас шоколада, к которому Дороти имела пристрастие. Дед всегда отказывался от лакомства, сколько бы Дороти ни упрашивала попробовать, а тетя Доротея, напротив, очень любила шоколад, и малышка всегда щедро делилась с ней.

– Я удивляюсь, Доротея, что ты, в твои-то годы, портишь зубы сладостями, – сэр Роджер не смог удержаться от замечания дочери.

– Тетя, покажи мне зубки, – попросила Дороти. – Они болят? Что с ними такое? Они не в порядке?

– Нет, моя дорогая, – ответила мисс Сезиджер. – У меня хорошие зубы.

– Не нужно больше говорить так, дедуля, – проговорила Дороти, обращаясь к старику. – Тетушка любит шоколадки и будет кушать их. Они мои, и я могу давать их, кому хочется.

В этот вечер мисс Доротея не ела больше сладостей, и вскоре маленькое общество перешло в гостиную. Тотчас же началось представление «Совушки и Киски». Дороти играла свою роль с большим воодушевлением. Она была ласко-

ва, шаловлива, прихотлива. Казалось, она родилась актрисой. Мисс Доротея вообще редко смеялась, но теперь почти визжала от смеха, глядя, как Дороти изображает кошечку. А когда почтенный старый отец явился в виде «совы», она мысленно согласилась с Карбури и Мэри (хотя и не подозревала, что они тоже наблюдают за представлением), что наступил конец света. Может быть, не следует этого рассказывать, может быть, это шло вразрез с прежней важностью хозяина Сторма, но он прекрасно сыграл роль совы. В конце сцены большая балконная дверь гостиной распахнулась, и старик с внучкой, рука об руку, вышли на лужайку, чтобы танцевать «при свете луны». Мисс Доротея при этом едва не упала от изумления.

Она не посмела воспротивиться танцам на открытом воздухе и положительно окаменела. Сначала ей было бесконечно весело и, глядя на происходившее, она изумлялась и восхищалась. Доротею увлекала грациозная маленькая сценка, красота ребенка, плавные па старинного менуэта и такое выражение на лице старого Сезиджера, какого она никогда прежде не видела.

Когда танец уже подходил к концу, откуда-то из темноты донесся приглушенный крик, и мисс Доротее показалось, что она узнала жалобный голос. Случилось то, чего она боялась: Роджер не мог дольше оставаться вдали от любимой дочки. Что делать? Ужасная сцена могла разыгаться в любую минуту.

И тогда тихая, кроткая мисс Сезиджер выбежала из большого дома и бросилась через лужайку. Легкая изморозь покрыла траву белым налетом, говоря о приближении зимы. Доротее хотелось бежать к брату, но в саду не было и следа Роджера. Обежав все кругом и не найдя его, она вернулась домой. У мисс Сезиджер разболелась голова, промокли и ооченели ноги. У нее не было сил даже для слез. Тихо пробралась она к себе в комнату, боясь в этот вечер снова увидеться с отцом или с маленькой Доротой. Когда Мэри постучала в дверь спальни, Доротея смогла лишь ответить:

– Я занята и не могу впустить вас. Идите спать.

Мэри и Карбури тоже слышали крик, слышали его садовники и конюхи. Лишь маленькая Дороти и ее дед ничего не заметили. Голос прозвучал очень резко, внезапно и скоро затих, они же были так заняты своим танцем, так упоены радостью и большой-большой любовью друг к другу, что пронзительный крик страдания не достиг их слуха.

Слуги собрались в одной из кухонь, вопросительно переглядывались и толковали о том, что все это могло бы значить. Испуганный Майкл заявил, что если в Сторме появляются привидения, он не будет служить здесь даже за двойное жалованье.

Мэри вернулась из комнаты мисс Сезиджер с озабоченным лицом, и Карбури знаком предложил ей пройти в буфетную.

– Вы, конечно, слышали? – спросил он.

– Да, – кивнула Мэри, прижав руку к сердцу.

– Это не дух, – убежденно сказал Карбури.

– Какой там дух!

– Я узнал голос, и принадлежать он может только одному человеку. Много лет назад молодой сэр Роджер кричал так, когда старик, разгневавшись за какую-то провинность, бил его хлыстом.

– Помоги нам боже, – прошептала Мэри. – Ведь он умер и лежит в могиле...

– Он жив! – Карбури несколько не сомневался в своих словах. – Что только будет теперь?

– Карбури, – произнесла Мэри, помолчав немного, – мисс Сезиджер тоже слышала голос и, наверное, узнала его. Я ходила наверх узнать, не нужно ли чего, а она не впустила меня в комнату. Вы видели, как она бежала через лужайку, точно желая отыскать его?

– Так кричит человек, сердце которого разбилось, – вздохнул Карбури. – И он должен был бы жить здесь... Боже, помоги нам!

Глава XIX

Чистое сердце

Именно на следующий день и случилось то событие, о котором мы упомянули. Стояло раннее утро. Дороти была в саду. Она всегда проводила здесь около получаса, прежде чем идти учиться в комнату тети Доротеи. После двенадцати часов они с дедом собирались ехать верхом, но старик до сих пор еще не сошел вниз, сказавшись немного уставшим. Мисс Доротея не сомневалась, что отец простудился во время танцев при свете луны, но не хотела огорчать этим Дороти.

Поэтому девочка беззаботно бродила по саду. Здесь уже было не то, что летом. На лужайках виднелись только редкие маргаритки, прелестные розы отцвели. На дорожки торжественно падали разноцветные листья. Небо было темно-свинцового цвета, и, казалось, каждую минуту мог пойти дождь, но в сердечке Дороти сиял ровный солнечный свет. Девочка лучилась изнутри любовью к Богу и ко всем людям, ведь девизом ее маленькой жизни были слова: «Бог есть любовь». Именно любовь, живущая в сердечке Дороти, делала ее столь прекрасной, что от детского личика трудно было отвести взгляд. Вероятно, поэтому-то все знавшие маленькую Дороти так сильно любили ее.

Два садовника, Петерс и Джонсон, ухаживая за поредев-

шим садом, украдкой наблюдали, как она весело бежит по цветнику, и улыбались. Карбури и Мэри спорили из-за того, кому взглянуть на девочку из окошка буфетной. Сэр Роджер, несмотря на мигрень и ревматическую боль в руках и ногах, решительно убеждал себя, что никто не заставит его остаться в постели. Он должен встать и ехать верхом, ведь если дед останется дома, это огорчит маленькую Дороти.

Тетя Доротея, опомнившись после вчерашнего потрясения, теперь собиралась идти к плоскому камню, чтобы получить от брата объяснения. Потом мысли ее перешли к предстоящим занятиям с племянницей. Тетушка беспокоилась, будет ли сегодня Дороти внимательна. Заботливо взглянув на учебники, разложенные на столе, мисс Сезиджер почувствовала теплую волну нежности к малышке. Таким образом, все в усадьбе думали только о Дороти.

Девочка с удовольствием обходила сад, заглядывая во все его уголки. Она немножко поболтала с садовниками, расспросила о новостях. Девочка принимала в Джонсоне и Петерсе живое участие, знала о том, где они живут, какое жалованье получают, сколько у каждого из них детей. В это утро прогулка по саду подходила к концу, и Дороти с неохотой возвращалась домой, зная о предстоящих уроках.

По правде говоря, ей не нравилось учиться у тетушки Доротеи. Конечно, она очень любила старую деву, но преподавание было скучноватым и не особенно занимало живой ум Дороти. «Чем раньше мы начнем возиться с этими ужасны-

ми книгами, тем быстрее закончатся уроки, – размышляла про себя малышка. – И тогда... тогда... Будет дедуля, и поцелуи, и любовь, и, наконец, эта прелесть – поездка верхом! О да, земля прелестное место, а я вполне счастливая маленькая девочка!» Так, уговаривая себя, Дороти двигалась в сторону дома.

Чтобы чуть-чуть растянуть удовольствие от прогулки, Дороти выбрала самую длинную обратную дорогу. Вместо того чтобы пересечь лужайку, девочка решила обойти ее по широкой дуге – свернуть с аллеи в мелкий кустарник у самого забора, огораживающего сад. За забором тянулись stormские леса. И вдруг в том самом месте, откуда маленькая Дороти еще летом отправлялась «шествовать», у загородки она заметила мистера Как-меня-зовут.

Он казался очень крепким и надежным, но в его лице Дороти увидела выражение, которое тотчас узнала. Фермер стоял неподвижно, но весь его облик говорил о том, что стряслась какая-то большая беда. Конечно, малышка чувствовала себя в Сторме счастливой и защищенной, однако признаки беды у других людей она могла определить безошибочно, потому что в своей короткой жизни перенесла немало горестных минут.

Она запнулась и медленными шагами направилась в его сторону. Фермер, не говоря ни слова, протянул к ней большую загорелую руку. В горле у него совсем пересохло, потому что он почти бежал сюда от самой фермы. Дороти уско-

рила шаги и, подойдя к нему вплотную, участливо заглянула в глаза:

– Что с вами, мистер Как-меня-зовут? Мне кажется, у вас ужасные неприятности.

– Да, моя дорогая, – хрипло произнес Бардвел. Он взял маленькую ручку и нежно погладил ее.

В этот момент ему хотелось сжать детскую ладошку изо всех сил, но он сдержался. Бардвел умел владеть собой и ни за что бы не навредил обожаемой внучке.

Дороти молчала. Фермер стоял по одну сторону загородки, она – по другую. Бардвел старался овладеть своим голосом. Он не хотел пугать малышку, а между тем нужно было обратиться к девочке с просьбой. Дороти проницательно посмотрела на него.

– Не лучше ли вам сказать, что с вами? – проговорила она. – Знаете, молчать так трудно...

Тогда он заговорил осипшим, прерывающимся голосом:

– Что вы хотите сказать?

– Я говорю про вашу печаль, – проговорила Дороти. – Я знаю, что это такое... Я видела разные печали, когда еще жила с мамой и папой. Я видела много печалей.

Малышка говорила кротко и спокойно, и ее личико не было несчастным. Вдруг Бардвел наклонился, схватил ее, поднял и опустил по другую сторону изгороди, подле себя.

– Вы должны идти со мной сию же минуту, – твердо сказал он.

– Идти с вами? Что вы хотите сказать, мистер Как-меня-зовут?

– Сию же минуту, – повторил Бардвел. – Никто нас не видит, идем.

Дороти колебалась.

– Но у меня урок «Путь к знанию». Вы знаете эту книгу?

– Неважно, пойдем скорее.

– Французская история и английская история, диктовка...

Ах, я ненавижу писать. А вы, мистер Как-меня-зовут?

– Да-да, пойдем же скорее.

– И еще французский язык. То есть это я буду учить тетюшку. Мистер Как-меня-зовут, вы любите французский язык? – перешла она на французский.

– Ничего я не понял, что вы сказали, маленькая мисс. Но скорее! – Бардвел потянул ее за руку.

– Зачем?

– Я скажу, когда вы будете у меня в доме.

– А разве не нужно прежде сказать дедушке и спросить у него позволения?

– Нет-нет. Я тоже имею права на вас, поверьте, дорогая. Я сейчас пришел, чтобы сообщить об этом ему и вашей тете тоже. Я собирался с мыслями, а в это время вы прошли мимо. Идите со мной.

– Не знаю, может быть, вас послал Бог? – задумчиво сказала Дороти. – Я хотела выйти к дому другой дорогой, а потом вдруг повернула к кустарникам, а тут были вы, мистер Как-

меня-зовут. Да-да, конечно, Бог вас послал. А далеко придется идти?

– Очень далеко. Я понесу вас.

– Вы, должно быть, ужасно сильный. Дедуля не может меня носить, а он удивительно ловок. Вы мне нравитесь, мистер Как-меня-зовут.

– Очень рад.

Теперь Бардвел повернулся и пошел. Дороти побежала рядом. Никто не видел, как он перенес ее через загородку, никто не встретил их в лесу. Фермер делал большие шаги, он очень торопился, а малышка бежала. Наконец она вдруг остановилась, засмеялась и, задыхаясь, сказала:

– О, из-за вас у меня грудь заболела. У меня так страшно бьется сердце.

Вместо ответа Бардвел наклонился, поднял маленькое создание и удобно усадил к себе на плечо.

– Обнимите меня за шею.

– Вы сильный, – сказала Дороти. – Вы почти такой же сильный, как мой папочка, который теперь на небе. У него теперь чистое сердце. Дедушкину лошадь я назвала «Чистое Сердце». Это напоминает мне о папочке.

Бардвел дрожал от волнения. Ему казалось, что время повернулось вспять и он несет на плече свою маленькую дочь. Желание прижать к себе ребенка, сказать девочке, что он тоже ее дед, почти лишало его сил. Однако прежде чем малышка узнает об этом, нужно исполнить долг, поэтому Бардвел

собрал всю волю в кулак и только ускорил шаг.

Ему было нетрудно нести легкую, словно перышко, девочку. Бардвел был действительно очень сильным человеком в полном расцвете жизни. Так они миновали леса. Дороти перестала думать о доме и просто наслаждалась жизнью. Ей было приятно, что сегодня не будет занятий; нравилось в лесу, на свежем воздухе; нравилось, что мистер Как-меня-зовут несет ее. Это было почти так же весело, как кататься верхом. Раза два или три она погладила фермера по лицу.

– Вперед, вперед, – весело подбадривала она его. – Вы такой сильный! Я почти полюбила вас за то, что вы такой сильный.

Наконец они очутились подле самого соснового леса. На опушке лежал плоский камень, а под ним скрывалось письмо, которое могло никогда не дойти до адресата. Невдалеке стояла ферма Хоум.

– Здесь я живу, – сказал Бардвел. – Это моя усадьба. Она не так велика, как Сторм, но мне и этого достаточно.

– Здесь красиво! – похвалила Дороти. – Я уже видела ваш дом, помните, мы еще летом приходили сюда с тетушкой. Она сидела на плоском камне, а я все здесь осмотрела. Тетушка в тот день была такая неразговорчивая. А вы вышли вон оттуда, из-за того дерева, и мы с вами беседовали. Я помню, что тогда все смотрела и смотрела на дом. Мне почему-то очень хотелось войти в него. Сама не знаю почему.

– А я знаю, – сказал Бардвел.

– Вы, кажется, удивительный человек, мистер Как-меня-зовут!

– Нет, дитя, я всего лишь простой фермер и совсем необразованный. Я знаю, что такое земля, умею ее удобрять, знаю, как нужно кормить скот, но книг я не читаю, не знаю и обычаев света.

– Если бы вы учились у меня французскому языку, вам бы очень понравилось, я уверена, – сказала Дороти по-французски.

– Опять тарабарщина, – поморщился Бардвел. – Не надо, право.

– Вы не поняли? Я говорила по-французски.

– Не нужно больше, говорю вам.

– Вы немножко невежливы, мистер Как-меня-зовут. Вы не такой воспитанный, как мой дедушка.

– А я и не хочу быть таким, как он, – он опустил малютку на землю. – Как вы думаете, зачем я вас сюда привел?

– Не представляю, – Дороти пожала плечами. – Но мне все-таки очень хорошо и весело. Можно войти и посмотреть ваш домик?

– Вы не будете осматривать его комнаты.

– А я думаю, буду.

– Нет.

– Зачем же вы тогда привели меня сюда, мистер Как-меня-зовут?

Бардвел внезапно опустился перед ней на одно колено. Он

взял обе ручки ребенка и немного сжал их.

– Потому что в одной из комнат этого дома есть человек, которого вы знаете и любите. Идите прямо. Идите прямо, прямо, как стрела. Не стучитесь. Видите дверь? Ее можно разглядеть отсюда. Поднимите засов и войдите. Остальное вы сделаете сами, маленькая мисс.

– Человек, которого я люблю? – медленно-медленно произнесла Дороти. – Разве туда прошел дедушка?

– Нет, нет. Идите скорее!

Дороти напряженно смотрела в глаза Бардвела, он отвернулся и в то же время легонько толкнул ребенка к дому.

– Идите, – повторил он, – вы будете наследницей богатого поместья, но в этой комнате вас ждет кое-что получше Сторма. Идите и исполните свой долг.

– Хорошо.

Стройная фигурка легко побежала к дому. Вбежав на крыльцо, малышка сделала все, как научил фермер. Тяжелый засов с лязгом поднялся, дверь заскрипела и отворилась. Дороти, чувствуя себя героиней волшебной сказки, обратилась к ней со словами:

– Извини, я не могла иначе. Мне сказали, что здесь находится тот, кого я люблю. Я вхожу в комнату. Я Дороти, и я вхожу.

Комната, где оказалась девочка, была ничем не примечательна. Здесь стояла грубая и простая мебель, на окнах не висели занавеси, на дощатом полу не лежал ковер. Против окна

стояла отодвинутая от стены деревянная кровать. Невдалеке виднелись старый комод и умывальник; очень небольшое четырехугольное зеркало висело на одной из стен.

Быстрые глазки Дороти сразу отметили все это. Потом девочка обратила более пристальный взгляд на кровать. На ней лежал человек с бледным лицом, на его лбу виднелся большой синяк. Он был одет в дневное платье, лежал на спине, а руки, не переставая, перебирали легкое одеяло, покрывавшее его до половины. Открытые глаза человека были очень темными и в то же время тусклыми. Одну минуту Дороти с изумлением смотрела, потом бросилась к кровати, вскарабкалась на нее и схватила обеими руками большую ладонь.

– Папочка, – прошептала она с таким подавляемым глубоким чувством, с таким мучительным восторгом, что сонные глаза больного приобрели осознанное выражение.

Он медленно повернул голову и посмотрел на малышку.

– Иди сюда, Дороти, – сказал он, – иди.

Она прижалась к нему и положила головку ему на грудь.

– Я думала, что ты на небе, – промолвила она через несколько минут. – Или ты был там и вернулся? Тебе наскучило?

– Я совсем там не был, – ответил он. Дороти очень удивилась.

– Прижмись ко мне, – снова шепнул он, и Дороти еще теснее прильнула к нему. – Мне ужасно холодно, моя прелесть.

Дороти ни о чем не стала спрашивать отца, ее изум-

ление полностью растворилось в глубокой горячей любви, и она попыталась согреть родного человека своим маленьким тельцем.

– Верно, у тебя был припадок, папочка? – только и спросила она.

Он не ответил. Дороти подняла свое счастливое детское личико и крепко поцеловала отца в губы.

– Я папочкина Дороти, – нежно шептала она, – твоя, твоя собственная. Я рада, что ты не ушел на небо.

– Прижмись, прижмись ко мне, – повторял он.

Казалось, он не мог найти других слов, странное безжизненное оцепенение все больше и больше покрывало его лицо. Но Дороти не боялась и не тревожилась. Маленькие дети редко боятся смерти. Малышке было удобно и тепло, она радовалась, что отец с ней. Она любила дедушку и всех в Сторме, но любовь к этому несчастному нераскаявшемуся человеку значила для нее неизмеримо больше. Ведь для Дороти он был не заблудшим грешником, а любимым родным отцом.

– Тебе хорошо? – спросила она через минуту.

– Очень.

– Какой ты бледный!

– Мне очень, очень хорошо. Прижмись еще ближе, моя малышка.

– Я все время в твоём сердечке, – просто сказала Дороти.

– Да, моя прелесть, да.

– Папочка, а у тебя теперь чистое сердце?

– Нет, Дороти.

Услышав такой ответ, она замолчала. Это был ужасный удар, поразивший ее сильнее, чем свидание с отцом, потерянным и вновь обретенным. Через несколько мгновений случилась необычайная вещь. Дороти никогда не плакала, но теперь горячая волна слез хлынула из сердца к глазам, и крупные горячие капли потекли по ее щекам и стали падать на холодное лицо несчастного. Они потрясли его до глубины души. Больной открыл глаза и посмотрел на Дороти.

– О чем ты плачешь, моя козочка?

– О тебе. Папочка, ты должен сделать так, чтобы у тебя было чистое сердце!

Она все еще обнимала отца, но в то же время в ее голове пролетал рой быстрых мыслей, она лихорадочно искала возможности спасти душу отца. Каким-то непостижимым образом, интуитивно она начала понимать, что нужно сделать.

– Ты хочешь увидеть своего папу? – вдруг спросила она. – Ведь мой дедушка – твой папочка, правда?

– Он не захочет прийти ко мне, моя маленькая прелесть. Я блудный сын, который не раскаялся.

– Я ничегошеньки не понимаю. Если ты хочешь видеть дедулю, он придет, потому что я привезу его.

– Не сможешь. Даже ты не сможешь сделать этого.

– Не смогу? Плохо же ты меня знаешь. Пусти, я скоро вернусь.

Дороти соскользнула с постели и вышла из комнаты. В прихожей стоял Бардвел.

– Сегодня утром приезжал доктор, – сказал фермер. – Он скоро опять придет. Вы не слишком расстроены, моя дорогая, у вас такое спокойное лицо.

– Я волнуюсь. Ведь он же мой папочка. Что с ним? Он такой бледный и так трудно говорит.

– Роджер вчера вечером был в лесу, провалился в штрек каменоломни и сильно ушиб голову. Только сегодня утром я нашел его и принес сюда.

– Упал в каменоломню?

– Да, но теперь, когда он увидел вас, маленькая мисс, ему станет легче, и он успокоится.

– Пока он еще не спокоен, – промолвила Дороти. – Он совсем успокоится, когда Христос возьмет его на небо.

– О, дитя мое, я мало знаю обо всем этом. В святых книгах написано, что раскаявшегося грешника прощает Всевышний. Но в вашем отце раскаяния я не увидел.

– Что значит раскаяние? Это то же самое, что чистое сердце?

– Да, думаю, да.

– Ну, я знаю, что нужно сделать, – решительно сказала Дороти. – Ах, мой бедный голубчик. О, мистер Как-меня-зовут, я вас тоже полюбила. Но теперь мне нужно скорее бежать к дедушке.

– Вы не хотите побыть немножко с бедным больным? Ему

осталось совсем немного.

– Я вернусь, – пообещала Дороти, – а пока меня не будет, посидите с ним.

– Неужели вы думаете, что я отпущу вас в лес одну?

– Это все равно, – отмахнулась Дороти. – Видите ли, вы должны, должны посмотреть за моим папочкой, пока я не вернусь. Вы понимаете, мистер Как-меня-зовут, я его не брошу. Многие живут у меня в сердце, но мой папа важнее всех.

– Маленькая мисс, – Бардвел повысил голос, видя, что Дороти не слушает его и собирается уходить. – Вы не должны идти через лес одна!

Дороти засмеялась, махнула рукой и, как стрела, вылетела из дома. Девочка исчезла из глаз Бардвела раньше, чем он успел остановить ее. Конечно, фермер волновался за ребенка, но с другой стороны, понимал, что не может бросить больного одного. Кроме того, девочка хорошо знала дорогу домой. И он как-то успокоился, решив, что о маленькой Дороти позаботится сам Господь.

Бардвел вошел в комнату к молодому Роджеру, тяжело переступая ногами, точно его пригибала к земле тяжелая ноша. Лицо больного побледнело еще сильнее, мимолетное оживление, вызванное свиданием с Дороти, погасло. Бардвелу даже показалось, что он уже забыл о дочери. Но вдруг, к его удивлению, Сезиджер заговорил:

– У меня был странный бред, – промолвил он. – Вы тут, Бардвел?

– Ну да, конечно, мой бедный друг. Но вы молчите, доктор не велел вам говорить.

Сезиджер слабо засмеялся.

– Я кое-что помню из вчерашнего вечера. Помню старую усадьбу. Помню выражение личика Дороти и лицо моего отца. Я стоял поблизости, но мне казалось, будто пропасть отделяет меня от них. И почувствовал, что все еще люблю этого старика, что не могу отделаться от чувства к нему. В конце концов, я не мог удержаться. Мне до того захотелось поцеловать мою девочку, что я вскрикнул. Мне кажется, в эту минуту мое сердце разорвалось. Я, как безумный, бросился в лес, споткнулся и полетел куда-то глубоко-глубоко. Потом я ничего не помню, помню только странный бред, который был у меня. Это был бред, правда, скажите, Бардвел?

– Не говорите так много, Роджер.

– Мне легче говорить. Я вам расскажу все. Мне казалось, что пришла моя дочь, моя маленькая Дороти, взобралась на мою кровать, прижалась ко мне, поцеловала меня и спросила... чистое ли у меня сердце. Я видел все это так ясно, точно на самом деле. И она была так хороша, так прелестна! Когда я сказал «нет», то почувствовал на своем лице капли горячих слез. Это был чудесный бред, Бардвел. Знаете, эти удивительные слезы растопили ледяной камень у меня внутри.

– Да, конечно, у вас было каменное сердце, – заметил Бардвел. – И, может быть, оно растаяло, и у вас теперь живое сердце, или, как говорит эта прелестная малышка, «чистое»

сердце.

– Это был только бред, бред! – заметался больной.

– Нет, не бред.

Роджер остановил на тесте глаза, полные безумной надежды. Он снова начал перебирать легкое одеяло и побледнел еще больше прежнего.

– Я с самого детства был дурным малым, – сказал он. – За всю свою жизнь я не сделал ничего хорошего.

– Что говорить об этом...

– Во время моего бреда, – продолжал Сезиджер, – мне казалось, будто моя девочка попросила меня очистить сердце.

– Я мало бываю в церкви и редко читаю священные книги, но скажу одно: все, о чем эта прелестная малышка просит Небо, исполняется. Почему-то Всемогущий всегда исполняет ее желания, а потому, мне кажется, у вас будет такое сердце, как она желает.

Роджер был слишком слаб, чтобы покачать головой, но в его глазах осталось прежнее печальное выражение.

– Это был чудесный бред, – опять повторил он. – Я попросил ее прижаться ко мне, и она исполнила мою просьбу, точно действительно была подле меня.

– Да ведь она действительно была с вами! Была!

– Ну, не говорите пустяков, фермер, – Роджер засмеялся слабым, еле слышным смехом. – Сколько времени я проживу, по словам доктора?

– Недолго. Если бы вы вели раньше другую жизнь, не пи-

ли столько виски, вы могли бы еще поправиться, но теперь ваш час пробил. Вам нужно готовиться к встрече с Господом. Но мне кажется, так лучше для вас: здесь вы были слишком несчастны.

Роджер закрыл глаза. Через несколько мгновений его губы слабо задвигались, он зашептал что-то. Бардвел прислушался и стал различать слова:

– Дай мне чистое сердце, о Господи, обнови мою душу!

– Аминь, – фермер опустился на колени подле постели и спрятал голову в грубые руки.

Глава XX

Примирение

Напрасно тетушка Доротея ждала свою ученицу. В это утро занятия так и не состоялись. Мисс Сезиджер знала, что девочка, которой не слишком нравилось учиться, обязательно придет, потому что любит свою тетку и не станет огорчать ее. Дороти всегда исполняла принятые на себя обязательства, но подчинялась только собственным законам и установлениям. Главным же законом, по которому она жила, была любовь, желание радовать и беречь своих близких.

Старая дева ждала опаздывающую племянницу без всякой досады. Мисс Сезиджер не была нетерпелива, к тому же ей с самого детства пришлось приучаться к терпению. Мало-помалу она свыклась со своей участью, привыкла отказываться от своих желаний и заботиться только о других. Она была в своем роде очень хорошим человеком, хотя несколько ограниченным, ведь ей не пришлось видеть великих, благородных и прекрасных сторон жизни. Теперь ее сердцем владела Дороти и приносила ей отраду. Доротее жилось гораздо счастливее, чем раньше, и если бы не тревога о брате, если бы не воспоминание о душераздирающем крике накануне вечером, Доротея чувствовала бы себя в это утро вполне счастливой.

До появления в доме маленькой Дороти на дровах тоже сэкономили. Тетушка Доротея почти всегда зябко куталась в теплую шаль и не могла согреться. Теперь в камине буддара мисс Сезиджер постоянно горел яркий огонь. Доротея наслаждалась теплом и ждала племянницу, прислушиваясь, не раздадутся ли быстрые веселые шаги, не послышится ли нежный звонкий голосок, не распахнется ли дверь, не заглянет ли в нее прелестное детское личико. Но она не беспокоилась и не досадовала.

Через несколько минут мисс Доротея уселась в кресло подле камина, взяла французскую книгу и стала шепотом повторять некоторые фразы. Ни за что на свете она не созналась бы, как ей приятно заниматься с Дороти. В угоду малышке она хотела научиться говорить по-французски как следует. И старая дева так погрузилась в свои занятия, что даже забыла об уроках.

Когда прошли полчаса, три четверти, потом целый час, Доротея поднялась с кресла. Она быстро направилась в спальню, надела шляпу и старую кофточку и вышла в сад. Тетка всюду искала Дороти, но нигде не увидела малышку.

Доротея вернулась домой, и ей стало слегка досадно от мысли, что девочка, наверное, пошла в спальню к деду, потому что он не вполне здоров, и забыла о занятиях.

«Ну, – подумала мисс Доротея, – так не должно продолжаться. Правда, Дороти еще мала, может быть, не следует обращать слишком большое внимание на мелочи. Строгостью

и наказаниями с ней не справиться, нужна только любовь и ласка. Она, конечно, у деда. Как он заботится о ней! Я никогда не видела ничего подобного. Видно, придется на сегодня отменить уроки. Конечно, нужно поговорить с девочкой и объяснить, что она поступила неправильно. Ей следовало бы спросить у меня позволения, но ведь она такая порывистая, такая впечатлительная и... Мне надо бы рассердиться, а я почему-то не могу не нее сердиться, не могу. Она совсем не похожа на обыкновенных детей».

Мисс Доротея собрала учебники, аккуратно поставила их на полку, сложила и спрятала зеленую скатерть, которой всегда покрывала стол во время уроков, и, снова сев подле камина, глубоко задумалась.

Ее мысли полетели к брату, которого все считали умершим. До сих пор, сколько она ни молила в письмах о встрече, он всегда отказывался повидаться с сестрой. Доротея свято хранила чужую тайну, но очень страдала от этого. Теперь ее терпение пришло к концу. Ей хотелось поговорить с Роджером, заглянуть ему в глаза. Мисс Сезиджер готовилась совершить самый смелый поступок в своей жизни – поступить по-своему, утолить жажду своего сердца, несмотря на запрет брата.

Она отлично знала, что помирить Роджера с отцом нельзя. «По крайней мере, я повидаюсь с ним, – думала старая дева, – и расскажу, как все мы любим Дороти. Дам немножко денег, немного, но по крайней мере несколько золотых со-

веренов¹⁷, которые мне удалось скопить. После этого он, конечно, уедет, но, может быть, мы будем поддерживать с ним общение в письмах. Ведь нас связывает любовь к его престальной дочке».

Мисс Доротея думала и о том, удастся ли ей сегодня обратиться к плоскому камню, чтобы передать письмо брату. «После ленча мой отец и Дороти поедут верхом, – подумала она, – не сесть ли и не написать ли Роджеру? Ведь это он так ужасно закричал вчера вечером. Да, да, я должна повидаться с ним, должна».

Она пододвинула стул к письменному столу и принялась писать. Мисс Доротея всегда писала медленно. Люди, которые редко занимаются этим, вообще долго пишут. Но окончить письмо ей не удалось. Едва она начала, как в дверь громко постучали палкой.

– Сейчас открою!

Мисс Сезиджер быстро спрятала письменные принадлежности, подбежала к двери и открыла ее. На пороге стоял сэр Роджер, вполне здоровый и веселый.

– Это я, – бодро сказал он. – Где же наша девочка? Я хочу взять ее с собой в сад.

– Как, отец? – смутилась Доротея. – Я была уверена, что она с тобой. Ты здоров? И не простудился во время вчерашней неблагоприятной затеи?

– Брось эти шутки! – сердито прикрикнул он. – Что это

¹⁷ Соверен – английская золотая монета достоинством 1 фунт стерлингов.

значит? Ты говоришь так, будто думала, что Дороти у меня. Я не видел ее все утро.

– Я тоже!

– Где же она? – разозлился сэр Роджер.

– Не знаю, – побледнела мисс Сезиджер.

Старик заметил бледность дочери, и его еще сильнее рассердило, что она не умеет сдерживать волнение и страх. С минуту он стоял неподвижно, потом сказал:

– Она, конечно, в саду. Я сам пойду и отыщу ее. Доротея, ты и за кошкой не сумеешь уследить, не то что за ребенком.

– Ты всегда слишком строг ко мне, отец, но искать ее в саду незачем. Я обошла его и нигде не видела Дороти.

– Ты просто не умеешь смотреть, удивляюсь тебе! – сэр Роджер с досадой хлопнул себя по ноге. – Я сейчас же отыщу ее. А теперь, ради Бога, не поднимай тревоги из-за пустяков. Право, глядя на тебя, можно подумать, что с ней приключилось какое-нибудь несчастье.

– Не пойти ли мне с тобой, отец?

– Нет, благодарю; я справлюсь один.

И старик прошел по коридору, опираясь на палку с золотым набалдашником, спустился с лестницы и вышел на открытый воздух. Когда осенний ветерок дохнул ему в лицо, он поднес руку ко лбу, точно у него немного закружилась голова.

– Конечно, с ней ничего не случилось, – пробормотал он про себя, – но, право, выражение лица моей дочери хоть ко-

го напугает. Я не позволю Дороти впредь выделять такие штуки. Я поговорю с ней.

Старик обошел весь сад, всю усадьбу, заглянул за каждое дерево. Когда Дороти резвилась рядом, она так занимала его, такое чувство счастья переполняло его сердце, что он никогда не чувствовал усталости, но сегодня сэр Роджер очень устал. Он вновь вспомнил, что стар, и снова сгорбился. Напрасно искал он легкую фигурку и светлое доброе личико. Напрасно прислушивался, не раздастся ли веселый смех и ласковый голосок Дороти.

Сад стал молчалив и печален, приближалась зима. В сердце старика тоже был лед, как будто после недолгой оттепели к нему внезапно вернулась суровая зима жизни, увяли и умерли цветы радости. Он, как и мисс Доротея, не хотел расспрашивать о внучке кого-нибудь из слуг. «Вероятно, она ушла в лес, – подумалось ему. – Я накажу ее, но немножко, совсем легко, это будет какое-нибудь незначительное наказание». Старик понимал, что, наказав Дороти, еще больше накажет себя самого.

Когда он, сгорбившись и задыхаясь, возвращался к дому, к нему подошел Майкл, приложился к фуражке и спросил:

– Прикажете, сэр, приготовить пони и лошадь к двум часам?

– Конечно, конечно, – проговорил сэр Роджер.

– Чистое Сердце сегодня не в духе, сэр: не ест.

– Это пустяки, – возразил сэр Роджер. – Приведите ло-

шадь и пони к крыльцу ровно в два часа.

– Слушаю, сэра.

«Смешное имя дала она моей лошади, – подумал старый Сезинджер, – что-то говорила о своем бедном отце... Бедный малый, я был слишком суров с ним. Он вел себя безобразно, когда был еще ребенком, но мне следовало немного мягче обращаться с ним, может быть, тогда он...»

Возвращаясь к дому, старик прошел через ту часть сада, где они с уже давно покойным теперь братом сажали молодые деревца. Сэр Роджер невольно остановился перед этими деревьями и прошептал:

– «Я помню светлую сирень,
А в ней гнездо щегла,
И тот чудесный майский день,
Когда она цвела,
И братика невдалеке,
И саженцы в его руке...
Летят мгновенья, жизнь пройдет,
А деревце себе растет».

«Боже милостивый, как быстро идет время! – подумал старый Сезинджер. – До сих пор я не чувствовал, насколько стар. Мой брат был красивый, славный малый. Если бы умер я, а не он, в Сторме была бы совсем иная жизнь. Но у меня всегда был отвратительный характер, а моя бедная жена не умела перечить мне. Она была чудесная женщина. Бог

видит, я любил ее, но она совсем не умела мне возражать, а мне нужно было встретить кого-нибудь, кто умел бы противиться мне. Дороти первая стала делать это, и я люблю ее. Да, я ее полюбил».

Он вошел в дом. Карбури с потерянным видом, испуганный и бледный, стоял в дверях подъезда.

– Малышки нигде нет, сэр. С самого утра никто не видел ее. Не прикажете ли послать крестьян поискать в окрестностях? В этих лесах не совсем спокойно, ходят браконьеры и...

– Довольно, – прервал слугу сэр Роджер. – Никто не делает зла девочке. Она, конечно, сейчас придет.

– Да, сэр, конечно, – Карбури поклонился, пропуская хозяина в столовую. – Обед подан.

Сэр Роджер прошел к столу. Мисс Доротея уже дожидалась отца.

– Ты не нашел ее, отец? – с тревогой спросила она.

– С ней ничего не случилось, Доротея, – сэр Роджер изо всех сил старался сохранять спокойствие и невозмутимость. – Не помочь ли тебе нарезать жаркое?

Карбури исполнял обычные обязанности. Сэр Роджер, собрав все свое мужество, молча ел. Мисс Доротея даже не притронулась к еде. Старик заметил это, но делал вид, что не придает значения отсутствию аппетита у дочери. «Что за странные существа – женщины! – думал он. – У них нет ни капли здравого смысла. Только потому, что эта непослушная

девчонка... Но что это?»

Его сердце страшно забилося, лицо стало лиловым, в ушах начался гул. С минуту он задышался. Мисс Доротея вскрикнула. Послышались шаги, звучащие, как волшебные колокольчики, и очень-очень торопливые. В дверь влетела маленькая фигурка, вроде бы та самая, с которой дедушка и тетка завтракали утром, и вместе с тем поразительно изменившаяся. Личико девочки раскраснелось, волосы выбились из-под шляпки и растрепались. Она была страшно взволнована, даже не обернулась к тете Доротее и прямо направилась к сэру Роджеру.

– Где ты была, Дороти? – строго сказал он, от облегчения готовый простить все, что она сделала, снова прижать ее к своему сердцу, ласкать и любить больше прежнего.

– Я была с мистером Как-меня-зовут и с папой. Пойдем, дедуля, вставай, пойдем. Пойдем сию же минуту. Вставай же, пойдем...

Мисс Сезиджер вскочила со стула. Карбури с грохотом уронил блюдо, но на это никто не обратил внимания. Старый сэр Роджер выпрямился во весь рост. Куда девалась его сутуловатость? Куда исчезли его семьдесят пять лет? Куда делась нежность его сердца? В жестких глазах пылал гнев.

– Замолчи! Довольно! Не смей говорить так!

Но его слова пропали даром. С тем же успехом старик мог бы приказать ветру перестать дуть, или солнцу светить, или летнему жару согревать землю. Он мог бы с тем же успехом

велеть ночи сделаться днем или дню – ночью, потому что ничто на свете не помешало бы Дороти исполнить то, что она считала своим долгом.

– Все, что ты говоришь, не имеет значения, – без страха сказала она, – пойдем, пойдем сейчас же!

Она взяла деда за руку. В эту минуту сэр Роджер был не в силах выносить взгляда Доротеи и чувствовал, что Карбури тоже смотрит на него. Он позволил ребенку вывести себя из столовой.

– Пойдем-ка ко мне в кабинет, – сказал он.

– На это нет времени, – отрезала Дороти.

– Что с тобой, моя маленькая? Ты сошла с ума?

– Я сошла с ума? Не понимаю, что это значит.

– Ты так взволнована, мое дорогое дитя, и говоришь так странно! Мне незачем видеться с мистером Как-меня-зовут, а твой бедный отец... Он лежит в могиле, моя дорогая. Теперь о тебе забочусь я.

– Нет-нет, его не зарыли в землю, и Бог не забрал его на небо, и не дал ему чистого сердца. Он... Он ждет. Он не может пойти к Богу, пока у него не будет чистого сердца, и ты должен прийти и помочь ему сделать сердце чистым. О, дедуля, пойдем, пойдем. Я оставила его и вернусь к нему. Потому что ведь он важнее всех. Он мой родной папочка, и ты должен пойти.

– Я отказался от него, – ожесточенно произнес старик. – Я не желаю снова видеть его.

Дороти, которая прижималась к деду, теперь отняла свою ручку и отступила на несколько шагов.

– Я еще очень маленькая, – твердо сказала она, глядя деду в глаза, – и многого не понимаю. Зато все, что знаю, знаю твердо и хорошо. И вот что я хочу сказать: если ты не пойдешь со мной сейчас же, я уйду одна. Уйду к папочке и останусь с ним и с мистером Как-меня-зовут, и ты больше никогда-никогда меня не увидишь, потому что папочка важнее всего. Если же ты пойдешь со мной, дедуля, тогда... О, тогда все будет хорошо, все будет прекрасно. Скорее, скорее выбирай, дедушка, и торопись, потому что папочке очень худо.

– Дороти, – дрогнувшим голосом произнес старый Сезиджер, – я не могу потерять тебя.

– Скорее, скорее, – повторила Дороти, – или я уйду.

– Но я ничего не понимаю.

– Ты все поймешь, когда увидишь. Скорее же, скорее! Ты сядешь на Чистое Сердце, а я на своего пони, и мы быстро доберемся до фермы Хоум. Я немножко устала, но это не имеет значения. Все неважно, только бы нам успеть, только бы Бог дал ему чистое сердце!

– Ничего не понимаю, – сэр Роджер совершенно растерялся.

– Скорее, дедуля, скорее! – торопила Дороти. – Неужели ты думаешь, что я стала бы тебя беспокоить, если бы это не было важно? Я знаю, что такое беда, я видела ее, и потому говорю тебе: скорее, скорее!

В это мгновение дверь открылась и в комнату вошла мисс Доротея. Сэр Роджер посмотрел на нее, сильно покраснел и сдвинул брови:

– Что тебе здесь нужно? Зачем ты во все вмешиваешься?

– Я услышала последние слова Дороти. И решила, что больше не буду бояться тебя. Роджер действительно жив! Я это знаю уже несколько месяцев. Он на ферме Хоум.

– Это хитрость, ваша выдумка! – закричал старик. – Я не верю!

В эту минуту в дверь постучали.

– По вашему приказанию лошади поданы, сэр, – доложил Карбури.

– Пойдем, дедуля, – опять позвала Дороти. – Ничего, что я не в амазонке, я могу ехать на Не-забывай-меня прямо в этой одежде. Идем!

– Это, конечно, выдумка, – промолвил старик, – и я ни за что не войду в тот дом, вот только провожу тебя до дверей.

Старик и ребенок уехали. Когда они оба очутились на дороге, Дороти подняла свой хлыстик и заставила пони скакать. Чистое Сердце, несмотря на легкое нездоровье, тоже легко перешел в галоп. За всю дорогу старый сэр Роджер не проронил ни звука.

Наконец они остановились подле фермы Хоум. На крыльце их ждал Бардвел.

– Кто вы такой? – спросил сэр Роджер. – Ах да, я узнаю вас.

Он старался говорить с фермером вежливо, но горло пересохло, и голос звучал хрипло и отрывисто.

– Лучше войдите в дом, – позвал Бардвел. – Вы приехали вовремя, как мне кажется.

Он снял Дороти с седла и позвал работника, чтобы тот поддержал лошадей. Сэр Роджер повернул к Бардвелу раскрасневшееся лицо и взглянул на него сердитыми черными глазами:

– Что это за шутки?

– Войдите и увидите. Я тоже дедушка этого ребенка. Я Бардвел, моя дочь была замужем за вашим сыном. Малышка пошла прямо к своему отцу, и вам лучше всего идти за ней. Истекают последние минуты, когда он может помириться с вами.

Действительно, легкие ножки уже несли Дороти по длинному коридору. Ее пальчики толкнули грубую дверь в спальню.

Когда через минуту сэр Роджер, наклонив гордую голову, вошел туда, он увидел Дороти на кровати рядом со своим отцом. Она прилегла, обняв его шею руками, прижимаясь своей щечкой к его щеке.

– Пожалуйста, Боженька, – шептала Дороти, – скажи ему по-своему, что дедуля здесь, и дай ему чистое сердце.

Сэр Роджер до конца жизни не мог объяснить себе, чем именно так глубоко всколыхнула все его существо лежащая рядом с умирающим девочка. Вся его жестокость, скупость,

все дурное и тяжелое, что происходило в течение многих лет, пропало, точно никогда не было. Ему почему-то представилось, что он сразу увидел и сына, и своего давно похороненного младшего брата. Можно было подумать, что Всемогущий Бог отодвинул в сторону какую-то завесу и позволил старому жестокому человеку хорошенько разглядеть самого себя.

Он упал на колени подле Дороти и взял руку умирающего.
– Роджер, я здесь.

Даже голосок маленькой Дороти не мог заставить вполне очнуться человека, стоявшего на рубеже вечности; но звук другого голоса, знакомого с детских дней, прояснил его взгляд. Бедный Роджер широко открыл глаза и посмотрел прямо в лицо отца.

– Да, да, – прошептал он, – это я разбил стекло в раме, прости меня. Я боялся признаться в этом до сегодняшнего дня. Я разбил его нечаянно, я не думал, что крикетный мячик полетит в ту сторону...

– Роджер, мой бедный мальчик!

Глаза умирающего блеснули.

– Как? Это действительно ты, отец?

– Да, да, это я. Я с тобой.

– Я всегда приносил тебе только неприятности, – сказал младший Роджер.

– Ты дал мне счастье и благословение моей жизни. Твою дочь, – проговорил старик.

– Пожалуйста, Боженька, дай моему папочке чистое сердце, – чуть слышно молила в стороне маленькая Дороти.

– Я никогда не думал, что ты простишь, – сын с трудом шевелил побелевшими губами.

– Я простил, значит, все хорошо.

– Ты простил, значит, и Бог простит, – молодой Сезиджер все силился улыбнуться.

– Конечно, папочка, – сказала маленькая Дороти. – Бог прекрасен и добр, а мой дедушка самый добрый из всех людей.

– Какое счастье, какое счастье... – лицо умирающего наконец разгладилось.

Он лежал совсем тихо и уже не чувствовал поцелуев дочери. Сэр Роджер стоял на коленях возле постели. Дверь отворилась, в комнату вошел Бардвел и опустился по другую сторону кровати.

Двое людей, стоявших на коленях, дряхлый богач и сравнительно нестарый фермер, думали об одном и том же: маленький светлый ангел помирил всех, подарив своей семье покой и относительное счастье.